

Молодёжная волна

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

**Молодёжного отделения
Самарской областной писательской организации**

№ 20

**г. Самара
2019**

Мероприятие
«Организация и проведение
VI Всероссийского литературного фестиваля
имени Михаила Анищенко»
реализовано при финансовой поддержке
Правительства Самарской области

Содержание

<i>Денис Домарёв. О дружбе, литературе, традициях и инновациях</i>	5
<i>Софья Сыромятникова. Река звала меня на «Ты»</i>	6
Семинар поэзии (<i>руководители: Глеб Шульпяков, Татьяна Шишкина, Дмитрий Коржов, Дмитрий Филиппенко</i>)	9
<i>Глеб Шульпяков: «Для меня большой неожиданностью стало место проведения фестиваля»</i>	9
<i>Светлана Бубнова. Стихи</i>	13
<i>Любовь Войнакова. Стихи</i>	16
<i>Иван Краснов. Стихи</i>	19
<i>Валерия Литвиненко. Стихи</i>	21
<i>Александр Лошкарёв. Стихи</i>	23
<i>Алина Масалимова. Стихи</i>	26
<i>Андрей Орехов. Стихи</i>	29
<i>Марианна Плотникова. Стихи</i>	31
<i>Андрей Шурыгин. Стихи</i>	34
Семинар поэзии (<i>руководители: Максим Замшев, Михаил Перепёлкин, Юрий Татаренко, Сергей Будафин</i>)	37
<i>Максим Замшев: «Фестиваль спасает писателя от одиночества»</i>	37
<i>Екатерина Агеева. Стихи</i>	41
<i>Мирослава Бессонова. Стихи</i>	44

Дмитрий Вилков. <i>Стихи</i>	46
Татьяна Губанова. <i>Стихи</i>	49
Стефания Данилова. <i>Стихи</i>	52
Алексей Ларин. <i>Стихи</i>	56
Михаил Макрушин. <i>Стихи</i>	59
Сергей Скуратовский. <i>Стихи</i>	61
Анастасия Устинова. <i>Стихи</i>	64
Семинар прозы (<i>руководители: Андрей Олех,</i> <i>Владимир Плотников</i>).....	
Андрей Олех: «Сделать отличный текст и знать, что ты сделал для этого всё, что смог, — вот что бесценно»	67
Елена Белоуслова. Близкий друг. <i>Отрывок из рассказа</i>	70
Алина Гребешкова. Пирожки. <i>Рассказ</i>	79
Виолетта Драчёва. Война. <i>Рассказ</i>	84
Анна Зенькова. Нарисованный. <i>Главы из повести</i>	94
Алексей Коновалов. Главный урок жизни. <i>Притча</i>	113
Вячеслав Лямкин. Отпусти его на небо, душа, отпусти. <i>Главы из повести</i>	116
Анна Масленникова. Не убий. <i>Главы из повести</i>	138
Алина Осокина. Волхова. <i>Рассказ</i>	148
Семинар прозы (<i>руководители: Андрей Тимофеев,</i> <i>Александр Громов</i>).....	
Андрей Тимофеев: «Главное в литературном фестивале — это творческое общение»	167
Альбина Гурская. Хруст. <i>Рассказ</i>	169
Оксана Мельникова. Слушай сердце. <i>Рассказ</i>	185
Лариса Назарова. Левшин в косичку. <i>Глава из романа</i>	191
Саша Раскин. Живой. <i>Рассказ</i>	209
Иван Попов. Проклятие Саши Толстого. <i>Рассказ</i>	214
Елизавета Хорошева. Я никому об этом не скажу. <i>Главы из повести</i>	232
Иван Чирик. Короткое лето на Перенчипале. <i>Отрывок из повести</i>	242
Дмитрий Воденников: «Стихи приходят тревогой и болью...»	255
Фестиваль, дарящий радость! <i>Впечатления участников</i>	264

О дружбе, литературе, традициях и инновациях

Слово
редактора

Каждый раз на открытии фестиваля кто-нибудь из журналистов задает мне вопрос: «Чем этот фестиваль имени Михаила Анищенко отличается от предыдущего?» И каждый раз я немного теряюсь в поисках ответа.

С одной стороны, у фестиваля есть свои традиции, которые неизменны на протяжении уже шести лет, с другой, и наиболее важной стороны, фестиваль каждый раз проявляет себя по-новому. Главная его новизна — это участники, их талант, живые эмоции, которыми они делятся на литературных семинарах и мероприятиях. Ведь как говорил поэт Лев Озеров: «Поэзия — горячий цех...». А мы добавим к этому ещё и прозу.

По традиции открытие фестиваля всегда проходит в крупнейшей библиотеке губернии — Самарской областной универсальной научной библиотеке, которая является одним из главных наших партнеров. По традиции литературные мастер-классы и семинары проводятся в живописнейшем месте — в селе Зольное, среди Жигулёвских гор, на берегу Волги. И по традиции же, в состав жюри фестиваля входят известные деятели культуры и литературного мастерства, способные не только научить новому, но и по достоинству оценить результат этого обучения.

Но каждый раз мы, организаторы, хотим брать новую высоту, привносить в проект что-то новое.

Итак, в этом году у нас была целая фестивальная неделя, которая началась 2 октября с крупного выставочного проекта галереи «Новое пространство» — «Река звала меня на «Ты». Участникам было предложено совершить своеобразное паломничество по так часто встречающейся в стихах Михаила Анищенко реке, которая отразилась в работах известных художников — Валентина Пурьгина, Юрия Скачкова и Алексея Давыдова. Выставка показала, как удивительно переплетаются темы и образы реки в поэзии и работах самарских художников. Конечно же не обошлось без музыки в стихах, стихов в музыке, поэтических спектаклей, читок и встреч с авторами.

Пожалуй, впервые фестиваль стал не только местом встречи талантливых молодых авторов, но и ярких «взрослых» представителей современной литературы — Дмитрия Воденникова, Максима Замшева, Глеба Шульпякова, Александра Громова, Михаила Перепёлкина, Юрия Татаренко, Дмитрия Коржова, Владимира Плотникова, Дмитрия Филиппенко, Андрея Олеха, Андрея Тимофеева, Сергея Бударина и Татьяны Шишкиной, которые в унисон со всеми участниками фестиваля повторяли всем известные строки Михаила Анищенко:

*Среди вселенской темноты,
Полярным льдом горя,
Река звала меня на «Ты»,
Как бога и царя.*

Река звала меня на «Ты»

Цикл мероприятий, приуроченных к VI Всероссийскому литературному фестивалю имени Михаила Анищенко открывала выставка «Река звала меня на «Ты». Она прошла в галерее «Новое пространство» и была подготовлена при участии центра поддержки и развития чтения Самарской областной универсальной научной библиотеки.

Второй год подряд галерея «Новое пространство» знакомила широкую публику с творчеством поэта. «В 2017 году проводилась выставка «БЕЗсмертие», которая дополняла фестиваль имени Михаила Анищенко, — рассказала Светлана Данилова, руководитель галереи «Новое пространство». — Год спустя мы также решили создать проект, который будет созвучен поэзии Михаила Анищенко. Тему выставки подсказали строки его стихотворения: «Среди вселенской темноты, полярным льдом горя, река звала меня на «ты» как бога и царя». Мы искали художников, в творчестве которых присутствовала бы та же сила и энергетика, излучаемая волжской природой и, в первую очередь, водной стихией, которая вдохновляла поэзию Анищенко».

Проникновенные и волнующие образы реки, появляющиеся в стихах Михаила Анищенко, нашли отражение в работах известных самарских художников-живописцев: Валентина Пурыгина, Юрия Скачкова и Алексея Давыдова. Концептуально экспозиция разделилась на три пространства, каждое соответствовало одному из трёх художников. В двух залах были представлены полотна в стиле реализма, выполненные Пурыгиным и Скачковым. Современное прочтение теме задали произведения Давыдова.

«Я попытался передать стихию воды через абстракцию. Уход от реализма позволил сделать это не напрямую, а через ассоциативный ряд абстрактного экспрессионизма», — пояснил Алексей Давыдов концепцию своего зала и участие в проекте. Работы художников сопровождались стихами М. Анищенко.

О литературной составляющей проекта рассказала Софья Сыромятникова, руководитель центра поддержки и развития чтения СОУНБ, организатор фестиваля имени Михаила Анищенко: «К каждому пространству были подобраны свои стихи. Более того, стихи подобраны к конкретным работам. Самое интересное в этом проекте — это диалог художников, литераторов и читателей, гостей выставки. Можно было что-то найти, чего-то не заметить. Может быть, увидеть лучше нас, организаторов, как соотносятся литература и изобразительное искусство. Поэтому мы предлагали зрителям внима-

тельно вчитаться и всмотреться в художественные произведения».

Участники открытия выставки 2 октября первыми совершили прогулку по выставке с погружением в литературу. Зал каждого художника представляли чтецы — Софья Сыромятникова, Виктор Мишковский, поэт и участник литературного фестиваля, а также Борис Трейбич, актёр театра «Город». Они декламировали стихотворения Михаила Анищенко, которые наиболее чётко соответствовали каждому из трёх концептуальных пространств.

«Замечательно, что такие прекрасные художники участвовали в этом проекте. У нас, действительно, благодатная почва для того, чтобы развивались таланты и поэтов, и художников, и музыкантов. Всем, кто посетил выставку, я рекомендовал найти и обязательно почитать стихотворения Анищенко, чтобы ещё раз прочувствовать увиденное», — поделился своими впечатлениями Денис Домарёв, председатель Самарской областной организации молодых литераторов, организатор фестиваля.

Софья Сыромятникова

Семинар поэзии

Руководители:

Шульпяков Глеб Юрьевич, г. Москва. Поэт, прозаик, переводчик, телеведущий, зам. главного редактора журнала «Новая Юность».

Шишкина Татьяна Геннадьевна, г. Самара. Поэт, критик.

Коржов Дмитрий Валерьевич, г. Мурманск. Поэт, литературный критик, прозаик.

Филиппенко Дмитрий Александрович, г. Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области. Поэт, руководитель Всероссийского фестиваля поэзии А. Бельмасова.

Глеб Шульпяков:

«Для меня большой неожиданностью стало место проведения фестиваля»

— *Каковы были Ваши ожидания перед началом фестиваля, и какие впечатления остались по итогам работы с участниками?*

— Начинаящие поэты — они начинающие поэты. В среднем все они друг на друга похожи. Поэтому для меня большей неожиданностью является место, где это происходит. Мне больше интересно говорить о

Самаре, о Волге. Это действительно для меня было реальной неожиданностью: буйство красок, которое мы называем по-русски золотой осенью.

— Вы сказали, что участники примерно одинаковые на таких мероприятиях. Каков пор-

трет среднестатистического участника литературного фестиваля?

— Очень много истерики, метаний, а из-за чего — непонятно. Это примета молодой поэзии. Дело в том, что я редактирую журнал «Новая Юность» и читаю или просматриваю какие-то рукописи перед тем, как раскидать их по отделам. И истерика заметна у многих, часто по ничтожному поводу. Это признак, который есть, и здесь: гипертрофированно выпуклые образы, за которыми стоит какая-то ничтожность. Думаю, эта истерика от того, что люди не знают, о чём писать, а писать надо. Мол, я молодой поэт, нужно писать, чтобы ехать в какие-нибудь Липки. Есть поэты, которые два дня не напишут и уже в депрессии. Как говорится, всё пропало, шеф. По-другому, может быть, и не бывает, ведь люди-то молодые, это всё приметы юности. Ещё есть смятение — общая черта, и я не вижу для него повода. Я же знаю только текст и хочу спросить: «Что случилось, ребята? Что произошло? Отчего так колокола звонят?»

— *Зачем стоит ездить на подобные мероприятия?*

— Я не представляю. Когда я был молодым, этого не было. Ну, наверное, было, но советское, а я был как-то далёк от этого. Мы были предоставлены сами себе, никто нами не занимался. В таких случаях всегда твоими учителями, собеседниками и спутниками становятся книги. А в 1990-х, как вы знаете, после отмены цензуры обрушился вал того, что было запрещено, что было по-

лугально, что было насильно забыто. И тогда, конечно, тебе не нужны какие-то Липки, потому что когда к тебе в собеседники приходит Георгий Иванов или Иван Елагин, или Набоков, или Джойс... В общем-то лучших учителей придумать сложно. Сейчас любой шанс для молодых людей из маленьких городов выйти со своими стихами надо использовать обязательно. Можно увидеть людей из других регионов, пообщаться, понять, что много близкого. Просто, может быть, не стоит придавать серьёзного значения разбору стихов, всерьёз не отчаиваться. Слушать, но не ходить топиться.

— *Кто, на Ваш взгляд, сейчас самый главный поэт в России?*

— Невозможно вычислить. Поэты разные. Это всё горная цепь. Каждый раздвигает горизонт, растягивает пространство своим образом. Мне кажется, здесь вертикаль не очень уместна. Это в политике советской уместна вертикаль. А здесь нет. Есть масса — по пальцам рук — поэтов, но они составляют эти Гималаи. Потому что когда торчит один пик, о пространстве сложно судить. Стоит пирамида в пустыне, и что? А когда ты поднимаешься в Гималаи и за вершиной следует вершина, а за ней — третья, у тебя появляется стереоскопический взгляд на то, что описывает любая поэзия,

это как раз интересно и важно. Поэтому главных я не знаю.

— *Как Вы думаете, может существовать поэт в отрыве от своей аудитории и от среды?*

— Настоящему поэту с какого-то момента не нужно вообще ничего. Какая среда? Зачем? Ты уже вылетел и летишь, тебе бы хоть куда-нибудь долететь. А то, что вокруг, в иллюминаторе... Это нужно до определённого момента. Тем, которые приезжают на фестивали, надо читать и слушать. Я своё отчитал и отслушал, мне это не нужно. С определённого момента это только мешает. Важно сосредоточиться, а любой внешний шум — лишний.

— *А каждый этот момент должен сам для себя определить?*

— Когда он наступит, ты поймёшь. А если он не наступил, его не притянешь насильно. Условно — после 35-40 уже. Многие писать стихи бросают к этому времени. Тут уже не до среды. Тут кризис другого порядка наступает, и не надо думать о том, какой там контекст и какой читатель, нужны уже другие собеседники.

— *Какие?*

— А это я и пытаюсь сформулировать. С кем мы всю жизнь ведём диалог? Не с читателем точно. На этом интересно сконцентрироваться. Любой посторонний шум мешает. А концентрироваться всё сложнее, особенно в наше время. Каждый сам должен найти для себя этот способ ухода.

Беседовала Екатерина Агеева

Светлана Бубнова

г. Самара

* * *

В этом мире бесчисленных изменений,
В этом мире без времени и без дома
Я живу в лунном городе мёртвого племени
И царапаюсь в души больных саркомой...

Мутный глаз светофора, прожжённый болью...
— Для меня море — лужа, а звёзды — лампы!
Отражает свой взгляд, растекаясь кровью
В облаках асфальта на мокрой бумаге...

Задыхаюсь от шума сигнальных улиц,
Тонких пальцев сжигает сигара кожу.
— Я зажгу свою лампу в просторах лужиц!
Я зажгу в лунном городе! Правда, Боже?..

Снежный ветер ломает сухие рёбра
Пополам, кобра пыли сдавила шею!
— Жив ли, слышишь ли, Боже добрый?..
В лунном городе боги лежат в траншеях...

* * *

Я объята холодным сиянием стен,
 Догорает фонарь за окном.
 Я попала в мучительный, сладостный плен,
 Я пишу двухсотлетним пером.

Я не знаю, что будет, но выхода нет.
 Снова кофе и снова заря...
 Снова гаснет в окне электрический свет,
 Прожигающий током меня.

В сердце — белый, глухой, угасающий шум,
 Я не в силах закончить строку...
 Я пишу, я пишу, я пишу, я пишу!
 Но рассеется сон поутру.

Я опять или вновь закрываю тетрадь,
 Собираюсь куда-то идти,
 Что-то делать, о чём-то случайно мечтать
 И опять оставлять позади.

Вечный круг, дикий ад,
 Чашка кофе, тетрадь
 И болезненный сладостный сон...
 Жуткий звон, свет в окне,
 Надо снова вставать...

* * *

Я бы жизнь по-другому сумела прожить...
 Что дорога, то вечно распутье...
 Но я выбрала ту, по которой должна
 Пробираться сквозь ветви и прутья.

Они хлыщут большее по влажным щекам
 И суками впиваются в сердце!
 И я вою, как сука, что в ночь родила
 Оголённое хрупкое тельце...

Она с брюхом ходила одна по домам
И скиталась по уличным урнам,
Еле рёбра тащила навстречу огням,
И однажды ей сделалось дурно...

На базаре, под смех и под крик мужиков,
Приложив своё дряхлое ухо
К косяку кабака, прилегла на порог,
Оголив безразмерное брюхо...

Но ни лая, ни плача, ни радостный визг
Не услышала порванным ухом...
На дороге в пыли, задыхаясь, лежит
Ясный ангел с младенческим пухом...

Зря носила, волчица, под сердцем дитя,
Зря ты выла на свет равнодушный...
Как тот ангел, моя умирала мечта,
Только, видимо, так было нужно...

Любовь Войнакова

г. Каменск-Уральский

* * *

моей боли давно уже нечего есть:
 я её не кормлю десять долгих лет,
 ровно в девять ей выключаю свет.
 это чудо восьмое из всех чудес,
 что она не съела меня пока,
 что я так же двигаюсь, прохожу
 остановок семь — и уже река,
 и ещё шесть вздохов я не дышу,
 пять — стараюсь свыкнуться с тишиной,
 на четыре стороны не смотреть.
 под огромной дикой, как зверь, луной
 раньше боли вряд ли наступит смерть.
 вот тогда-то её накормлю сполна
 и вторым, и третьим, и дам ночлег.
 так у ног моих пробежит волна,
 так побелит волосы первый снег.

* * *

прямоугольник окна
на выходе из квадрата
комнаты, что была
между людьми распята.

соседних квартир цветы
на подоконниках. редко
мы говорили «ты»,
чаще молчали. ветки

бились в стекло. во сне
ты обнимала смело,
я не боялся, не
падал. одни пробелы

в памяти. нет конца
окнам, покрытым пылью.
в шёпоте мертвеца
запах цветов могильных.

мы оставались тут,
жили как все — по клеткам.
быта ленивый спрут
целился в горло метко.

* * *

...так они и сидели:
над ними кричали чайки,
под чайками плыл корабль.
Волга шумно вздыхала,
носила морские духи,
вздрагивала от ветра;
волны её тянулись
озябшими пальцами к берегу
и отбегали, обжѣвшись.

так они и сидели,
смотрели на тёмную воду,
а Волга смотрела на небо,
а небо смотрело на чаяк,
а чайки — на корабли,
которые не смотрели,
а крепко-прекрепко спали
мимо двоих детей,
сидящих на берегу.

Иван Краснов

г. Новокузнецк

Липовые письма

Наши вешние письма под сенью светил
До холодной зимы вызреют
И на веточках тонких, полных чернил,
Пожелтевшими станут листьями.

Этот яркий наряд нелетающих птиц
С ветром северным в трубы вылетит.
Даже всей моей стае крикливых синиц
Не взмахнуть журавля крыльями!

И покажет термометр ближе к нулю.
Жёлтый листик о прошлом поведает.
И, быть может, тогда я тебе позвоню.
Хотя, может быть, и не следует.

Туча

На глазах — пелена.
Оттого
Вижу свет
И не вижу его,
Исчезают из памяти лица.
Но в лицо узнаю землю.

Я — внизу.
Мне уже не летать.
Но слезу не могу удержать.
Упаду на траву-мураву,
Запущу свои пальцы в траву,
Закричу,
Буду горько плакать,
Всею душою принимая слякоть!

Бесполезны земные врачи.
Я прошу, ну хоть ты излечи!
Отвори глаза
мокрой лапой
И живою водою закапай!

Валерия Литвиненко

г. Челябинск

* * *

Невозможно. Но нескончаемо:
Забываю — и помню снова.
Нет, не смелая, не отчаянная —
Как слетевшее звонкое слово.

Я снежинкой в ладонях пряталась
И тебя холодком колола.
Но снега и глаза оттаяли
С твоим тёплым, весенним словом.

Проскользну я сквозь пальцы капель,
Упаду в ледяную реку:
Мы друг другу никем не стали.
Мы случайно совпали веком.

* * *

Чем затуманены взоры потомка?
Жаркая — стывшая — медь октября.
Тянет тяжёлые плечи котомка.
Здравствуй, чужая, глухая заря.

Дети себя потерявшей свободы,
 Дети бескрайней, бездонной земли
 В поисках золотоносной породы
 Сами себя сохранить не смогли.

Здесь за версту не видать человека —
 Здесь ураганы идут напролом.
 Звёздочки отблесков прошлого века
 Вышиты чёрным сухим серебром.

* * *

На рассвете восходят лучи —
 Слепляют бессовестной алостью.
 Ты спокоен и горд.
 Замолчи.
 Я боюсь тебя, слов твоих, жалости.

Слишком страшно захлопывать дверь
 И терять все ключи от беспечности.
 Отпущу тебя. Но не теперь.
 Отпущу через день. После вечности.

* * *

...И три вороных непослушных коня
 Утонут в пурпурной рассветной прохладе.
 На сколотом блюде от ночи и дня
 Останется горсть золотых виноградин.

Соткётся из тучи спасательный круг
 В сияющих зорях неверного солнца.
 Добраться б до ласковых песен и рук,
 До мира, до сердца — до самого донца.

Александр Лошкарев

г. Липецк

* * *

Не упекай меня в застенки
похмельных серых одиночеств,
продли свободу на минуту,
моей руки не отпускай.
Усталость стелется вдоль стен, и
я понимаю, между прочим,
что я не создан для уюта —
со мной таскается тоска.
Но ничего, что слишком пьяно
и вперемешку, и сумбурно,
не торопись срываться к двери
и вскользь, не глядя, целовать.
Привычно скомканный и рваный,
я жизнь несу к ближайшей урне,
но на тебя смотрю и верю,
что есть Господня благодать.

* * *

Утренняя тишь в прохладе осени —
 Вдребезги от резкого звонка.
 Двор под утро превратился в озеро,
 И машины давят облака...
 Гости молчаливы и рассеянны —
 Уходя, не запирают дверь.
 На ветру неистовом развеяна
 Горькая обыденность потерь...
 В комнате, растрёпанной, разбуженной,
 Чай и у соседей детский плач.
 Вспоминай, забытый и заслуженный,
 Отголоски прожитых удач.

* * *

Забудут голоса и лица,
 потом объявят нас ошибкой.
 Мы распластались на отшибе,
 мы выбиты со всех позиций.
 Над головами, куполами,
 над нашей родиной растерянной
 сплошная пелена безвременья
 стоит густыми облаками.

* * *

Хорошо быть покинутым всеми,
 Завалиться в бескрайнюю глушь
 И вечерние странные тени
 Принимать за движения душ.
 И таким неприкаянным дурнем
 Всё бродить и бродить до утра...
 И надеяться — кончились бури.
 Проясненье — благая пора.

* * *

Истаивает снежная громада
день ото дня,
как память, сохранившая когда-то
внутри меня
причудливость переплетенья судеб,
дорог и снов,
никак не объяснимую по сути
порядком слов.
Она во мне утрачивает ясность
изящных черт.
Забвение мучительно прекрасно.
А смерти — нет.

Алина Масалимова

г. Самара

* * *

Расплескался в стеклянных озёрах
 Безупречно-лучистый мороз.
 Заструился дыханием в клёнах
 Под эмалевым небом —
 Христос.
 Расцветает Господь над домами
 Беспредельностью маковой в высь,
 Заметутся Стожары снегами —
 Три мгновения.
 Можно спастись.
 Раз — резвиться, парить между пашен.
 Неминуем Господь и безболен,
 И полёт в неизбежность не страшен
 Под напевы Его колоколен.
 Раз — носиться в рассвете, как кречет,
 Свиристелем излить «аллилуйя»,
 В бесконечно-кристальные плечи
 Заструившись зарёй поцелуя.

Раз — учиться беречь свои слёзы,
Засмеяться по проседи ситца.
Стих, как мерин, по небу привёз мне
Пару строчек. На них — лишь молиться.

Снег над
три-зною
два-жды
раз-дался.
Блеск Стожар догорает на клёнах.
Расплескался мороз, расплескался.
Расплескался в стеклянных озёрах.

* * *

Предошущение стиха —
есть травы скошенных волос,
что были собраны в стога,
но разметались от гроз
по жёлтой выцветшей степи,
по перелескам голых рук,
где пало в осень «возлюби»,
как яблока закатный круг,
который слился с кружевной
фатой встревоженной зимы,
когда февраль дышал виной.
Туманами моей вины.
В них сожаление, бредя,
как неприкаянный июль,
всё топчет снежные поля,
ища последний поцелуй.

Но и оно потом пройдёт
по волосам забытой ржи —
я выведу его на лёд
своей
оттаявшей
души.

* * *

Где малахитовая зелень
звенит о солнце
на склоне лет,
Я жду, что стаей свиристелей
ко мне вернётся
ладоней цвет
И разольётся, как будто память,
по горьким руслам
моих морщин.
Я буду лён и полынь стиха мять
Дыханьем бабочек-мнемозин.
Живи, счастливься — на южном склоне
костром-зарёю
купал я лён.
Так искупил я твои ладони
перед собою.
Ты — всепрощён.

Андрей Орехов

г. Самара

Гиперфантазия

Червячишко мужичишку чокнул прямо за бочишко,
Мужичишка сразу чухнул и в избушку чпок-чпок-чпок!
— Попрыгушка мужичишко! —

чохнул мерзкий червячишко.

— Только чпокни из избушки, и тебе придёт ценок!
Мужичишко не простишка! Не наивнейший
мальчишка!

В сундуке хранит ружьишко и походный котелок!
Он застрелит червячишку, сварит из него супишко,
И польётся из избушки ароматнейший парок.

Весенняя какофония

Кричали женщины: «Ура!»
А я шептал: «Ару».
Дрова пропели у двора
Хвалебну топору.
Мычала коровёнка: «Му!»
А птичка: «Плик! Плик! Плик!»

Мычал, но что — я не пойму,
 Напившийся мужик.
 Он на траве лежал густой
 Под ивовым кустом.
 И в голове его простой
 Звучало: «Бом! Бом! Бом!»
 А рядом ручеек журчал,
 Цвела весна вокруг.
 И даже филин по ночам
 Кричал: «Ух-ух! Ух-ух!»

В голове растут прорабы

В голове растут прорабы,
 А вчера росли грибы,
 Не грибы, а баобабы
 И не бабы, а бобы.
 Лучше бы цвели арабы
 И кубанились сады!
 Только вот растут прорабы,
 Как бы не было беды.

Забыть про туфли

Счастливая Настя, несчастная Настя,
 Спортивная Настя и Настя в туфлях
 Собрались на встречу по поводу счастья
 Разлили наливку, промолвили: «Ах!»

Счастливая Настя сказала: «Накатим!»
 И выпила рюмку наливки до дна.
 Несчастливая Настя сказала: «Мне хватит!»
 Я, Настя, ненастьем смертельно пьяна».

Поправила майку спортивная Настя
 И вдаль убежала, сверкая косой,
 А Настя в туфлях рассмеялась от счастья,
 Забыла про туфли и стала босой!

Марианна Плотникова

г. Уфа

* * *

там где земля материка
по-просторечному мягка
земля полна плодовых тел
небесных тел земной удел

ты в эту вечность не смотри
что запотела изнутри

как мягкий месяц над рекой
дрожит размазанный рукой
и по воде к нему идёт
размытый небом пароход
и рыба удочку клюёт
где всё идёт наоборот

в земле где дедушка живёт
на ранку дует мажет йод

* * *

окунь
 хватает ртом воздух безрезультатно
 видимо воздух выходит сквозь дырочку от крючка
 рыба смерть глупа и хвостата
 вместо косы ржавый остов сачка
 левым глазом окунь глядит — под ним холодная глыба
 правым глазом глядит — над ним неземная твердь
 смерть разевает рот но молчит как рыба
 как и любая смерть

* * *

вот пол и спелый пенопласт
 хрустящий как усталость глаз
 в углу на вымытом балконе
 где проводов витые корни
 обоев кольца годовые
 обняли чьи-то кладовые
 и сердцевину берегут

тук-тук тук-тук тук-тук тук-тук
 там время капает а тут
 ещё затягивает жгут
 пугает медленной иглой
 случайный луч квартал жилой
 он пробирается туда
 где пенопласт и провода
 живой свидетель мёртвый груз
 по памяти в которой тесно
 внутри нащупывает хруст
 случайно сломанного детства

* * *

ах милый милый по весне
проделай дырочку в десне
свяжи на леске узелок
гляди в глубокий потолок

он закачается волной
блестящий гладкий натяжной
на потолке как поплавок
живой паучий уголок
два живота и вообще
мир перевёрнутых вещей
под гладкими телами нас
вообразивший будто над

а мы влюблённые киты
над километрами воды
где бога нет и боли нет
и леску дёргает поэт

* * *

в этом слове две согласных
и одна несогласная
численный перевес
не на моей стороне

слова против
насилия
нет

Андрей Шурыгин

г. Йошкар-Ола

Николай Рубцов

По холмам задремавшей Отчизны,
По следам миновавших времён,
Как неведомый отрок, по жизни
Скачешь ты, в Русь былую влюблён!..

Кротко шепчутся ивы над кручей,
Всадник вдаль унесётся, резвясь, —
Это самая-самая жгучая,
Это самая смертная связь!..

Оттого ли во мгле леденящей
Замерцала над полем звезда,
Что над Родиной, тихой и спящей,
Оказалось, светила всегда?..

Неизбежность мелодии грустной
Сосен шум безутешно хранит...
Опустел без тебя север русский,
Головой сиротливо поник...

И во власти морозов крещенских
Остановится времени ход —
Север русский, седой, деревенский
Успокоит тебя, отпоёт...

Одержима бессмертной силой,
Польхая на небе огнём,
Загорится звезда!.. То Россия
Вспоминает о сыне своём...

Зеркало

В панораме снов увечных
Лишь одно открытье лечит:
Что не так случилось с нами,
Обернулось просто снами!

Но врагу не пожелал бы
Снов таких увидеть кадры:
Днём, как в зеркале, всё в милость,
Ночью зеркало разбилось...

В снах невыносимых стольких
Собираю я осколки
Прошлых лет, событий, судеб...
Склеить много ли убудет?

И с возникшей вспять надеждой
Заглянуть в себя, как прежде,
Робко в зеркало всмотрюсь
И... предательски проснусь!

Промокший день

Евгению Евтушенко

Промокший день сонливо, вяло
 Побрёл искать себе приют...
 Под неба рваным покрывалом
 Дожди колючие снуют...

Невыносимы их стенанья
 Который день, который год,
 Как неизбежное признание,
 Плакучей осени приход!

От плача осени не скрыться
 За занавеской бытия...
 Тоске гнетущей покориться
 Душа не тянется твоя!

Она не раз с дождём слетала
 В дыру небесного ведра!
 Её давно в ночи мотала
 Невыразимая хандра!

Тоску отныне не приносит,
 Не вызывает больше дрожь!
 И осень словно бы не осень,
 И дождь как будто бы не дождь...

Промокший день с улыбкой вялой
 Обрёл заботливый ночлег.
 Дождями осень забавлялась,
 Ну где ты, первый робкий снег?

Семинар поэзии

Руководители:

Замшев Максим Адольфович, г. Москва. Поэт, прозаик, критик. Главный редактор «Литературной газеты».

Перепёлкин Михаил Анатольевич, г. Самара. Филолог, историк литературы, журналист, краевед, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского государственного университета.

Татаренко Юрий Анатольевич, г. Новосибирск. Поэт, драматург, журналист.

Бударин Сергей Сергеевич, г. Москва. Поэт.

Максим Замшев:

«Фестиваль спасает писателя от одиночества»

— Если бы Вы составляли портрет участника фестиваля имени Анищенко, кто бы это был?

— Я думаю, что это человек, который, в первую очередь, хочет быть услышанным. Он же каким-то образом узнаёт о фестивале, где-то ищет информацию. И я думаю, что первый благородный позыв — быть услы-

шанным теми, кто понимает. Это понимание, конечно, иногда бывает ошибочным. Часто поэты глухи к чужому творчеству, потому что полностью сконцентрированы на себе. Но даже это, мне кажется, должно поддерживать человека, ведь он понимает, что занят не пустым делом и ему не смеются в лицо со словами: «Иди деньги зарабатывать». Я думаю, что это главный посыл. Наверное, есть фестивали, куда люди ездят как в туристические походы. Когда участникам приятно друг с другом и они понимают, что хорошо проведут время, потому что давно знакомы и прочее. Это тоже хорошо, но к литературе не имеет отношения. Это культмассовая работа. Но лучше так, чем пускаться в какую-то разбойную жизнь.

— *Получается, у Вас двойное представление о литературных фестивалях, потому что есть риск, что человек останется просто членом тусовки?*

— Такое может быть, несомненно. Но человек должен чётко понимать, получает ли он для себя на этом фестивале реальную пользу. Многое зависит от мастеров, от организаторов, чтобы всё было интересно. Я всегда говорю, что литература даёт возможности не безграничные, и очень важно, чтобы после фестиваля человека не забывали напрочь. Хорошо, что фестиваль Анищенко проходит регулярно. Есть какие-то люди,

которые уже часть этого мероприятия. Потому что самое страшное, это когда молодого писателя расхвалят, а потом он приезжает к себе домой (если он ещё далеко живёт), и начинается опять это: «ночь, улица, фонарь, аптека». И нужно давать человеку возможность из этого уныния как-то выбраться. Я хоть и живу в Москве, но понимаю, какая в России жизнь. И она не всегда хороша для поэта. Где-то есть места, чтобы поэты могли собраться, а где-то — нет. Действительно, многие люди просто не имеют никакой возможности пообщаться с единомышленниками и впадают из-за этого в жуткую тоску. Поэтому я считаю, что задача участников фестиваля — находить рядом людей, которых можно как-то притянуть к себе, общению и творчеству. Фестиваль — это такое благородное дело, спасающее человека от одиночества. Как сказывается на творчестве участие в фестивалях? Прямой зависимости нет. Это как с дирижёром. Мы видим его дирижирующим, но он уже оркестром не руководит: всё выучено на репетициях. Он задаёт импульс. Творческий путь каждый человек проходит сам. Сейчас поэтов немыслимое количество, все как-то научились писать или учатся. Но как найти свою интонацию в этом огромном фоне русской поэзии, который просто вибрирует у всех в головах? Это самое сложное, и этому на фестивале, конечно, не учат. Однако для

поэта обратная связь всё равно очень важна, потому что находиться в атмосфере полного нечитания — это ужасно. Для этого фестивали и нужны, ведь книжки поэтов издаются редко и малыми тиражами.

— *Если бы у Вас была возможность внести какие-то коррективы, что бы Вы изменили в формате фестиваля?*

— Мне кажется, всё хорошо обустроено. Коррективу можно вносить только одну: фестиваль должен быть широким. Чем шире отбор, тем лучше. Надо больше в медийном поле распространять информацию об этом фестивале, ведь он хороший по уровню участников, но не так раскручен, как, например, Байкальский фестиваль или «Мосты» в Петербурге. В интернете подобная работа сейчас требует некоторой усидчивости, но это было бы очень интересно. Тем более что Михаил Анищенко — это великий поэт. И здесь не только благородное дело по части пропаганды фестиваля, но и по части пропаганды имени Анищенко.

Беседовала Екатерина Агеева

Екатерина Агеева

г. Москва

* * *

— Ты меня доведёшь, — вздыхает девушка 25 лет,
стоя перед голубоглазым мальчиком,
лет пяти, в сером комбинезоне.

И он действительно доведёт.
Доведёт заглавную букву «А» в первой прописи;
хоровод с первыми подопечными
в детском лагере на подработке;
первую машину свою, подержанную «Калину»,
до последнего автосервиса;
сосредоточенный выцветший взгляд
до конца перекрёстка.
И самого себя — на светофоре без палочки,
поводыря или внучки.

И её он конечно же где-то между всем этим тоже
доведет,
как своё последнее дело перед выходом на покой.
Только мамино дело начато было 65 лет назад
каким-то другим следователем.

* * *

В притеатральном скверике свежо,
 Но сливочное небо всё темнее.
 В который раз мне детство душу жжёт
 Кленовым фитилём пустой аллеи.

Воспоминаний ссохшийся венец —
 Табачный запах, смятая беседа,
 Когда нас с матерью встречал отец.
 По вторникам обычно. До обеда.

Мы шли не то в сарай, не то в амбар.
 В нём пахло краской или древесиной.
 Там папа для спектаклей создавал
 Огромные нарядные картины.

Там, в душной театральной мастерской,
 В клубках опилок свежих, едкой пыли,
 Как стих, ведомый первою строкой,
 Рождались декорации. И жили.

Под сценой, где скопление людей,
 Я всё бродила, вслушиваясь в топот,
 И мерила парик для королей,
 Развенчивая сказок детский опыт.

Превозмогая жгучий интерес,
 Когда вахтёр дремал на месте спьяну,
 Со шпагой за плечом наперевес
 Изображала в платье д'Артаньяна.

А листья клёна в сквер опять несут,
 Где над театром вечером подолгу
 Сгущает сливки облако в грозу
 Да ветка птиц склоняется за Волгу.

Лишь росчерк неба нежностью пера
 Вдруг разукрасит старенькую шляпу.
 Начнётся мушкетёрская игра,
 Которая так веселила папу.

* * *

Веду тебя по краешку спички.
Закрываю глаза пожарнику-богомолу.
Вчера коробок был тесным и страшным.
Сегодня — новая этикетка.

Шёпот огня интригует гораздо меньше,
Чем звук неожиданно хитрой искры,
Вырванной из глубины бестиария.
Чирк! И мы уже в западне.

Я прошу тебя поиграть со мною.
Но в ответ только слышу, что спички
Не игрушка прилежным советским детям.
И ты вырываешь ладони.

Я могла бы похолодеть от отказа,
Но выгораю сорок третью осень подряд.
Или сороковую. Зависит уже от ГОСТа.

Тебе просто не дотянуться
До полки со мной в магазине
«Тысяча мелочей».

Мирослава Бессонова

г. Уфа

Эмбрион

1

Мы наконец воспрями ото сна,
успокоенья в нём не обнаружив.
Любовник-ветер, ждавший допоздна,
шевелит ночи пеньюар из кружев.

Его устами истину глаголь
напропалую, если не чужда я.
И пусть пронзает ноющая боль,
наличность душ собою подтверждая.

Мир оградил себя цепями скал,
осуществив распоряженье чьё-то.
Быть может, это то, что ты искал,
не отдавая в том себе отчёта.

2

Ночь коротка и рвётся, как капрон,
об первый луч, направленный извне.
Твоей любви запретной эмбрион
растёт во мне, шевелится во мне.
И целый мир к нему благоволит
земной и тот, что существует под,
где лечит души страждущих Аид
и отпускает в чёрный небосвод.
Тьма ускользает из-под пальцев, но
я остаюсь вне времени опять
своей незримой жизни полотно
делить с тобой и олицетворять.

3

Волокна света заменили ту
привычную для зренья темноту.
и стражи снов покинули постели.
С небес горящих шепчут облака
лишь об одном: смерть — фикция, пока
два сердца бьются в неделимом теле.

Но неизбежной всё же быть беде.
Мы выйдем за пределы комнат, где
начнёт вращенье мира центрифуга
в очередной, но не в последний раз.
Она бесстрастно перемолет нас,
успевших за ночь прорасти друг в друга.

И вдруг вернуться на круги своя:
блудница-ночь, обнявшая меня,
её минут подробности, детали;
слова, в которых боль и колдовство,
для душ, годами ищущих родство.
Как будто мы ещё не умирали.

Дмитрий Вилков

г. Нижний Новгород

* * *

Ещё костра мы не зажгли,
не таял жар на коже,
но ждали омуты вдали,
ветвилась тайна из земли,
и всё на сон похоже.

Быть может, кто-то подойдёт,
ладонь огня и мрака,
мгновение — и вспыхнет плот,
солятся и роса, и пот,
и преждевременный восход,
и взмах ресниц без страха.

Пусть тянет папоротник длань
к дымящейся одежде,
Природе тягостная дань,
за грань добра и зла, за грань,
что мы не знали прежде.

* * *

Навстречу внутренней пропаже
уходишь вон, уходишь в лес
читать стихи листве и даже
ловить мечтательный порез
на неосознанные пальцы
и повторять себе: не ной,
засни, закрой корой страдальца,
начни, закончив путь земной.

Аполлон

Кого-то вечно ждущий зимний лес.
Проваливаясь в снег сосновой рощи,
Стремящийся себе наперерез
Тебя забыть навечно. Это проще.

Но если твоё сердце не гранит,
Оно ещё способно содрогаться,
Отчаянье его окаменит
Скорей воспоминаний святотатца.

Пока ты выясняешься из мглы,
На грязный снег ступая без разбора,
Вся жизнь короче сломанной иглы,
Вонзившейся в запястье визитёра.

Не двигайся, ресницами закрой
Зелёный взгляд, налитый чем-то хвойным,
Исчезни, Дафна, спи под той корой
Сокровищем, отдавшись недостойным.

* * *

Тёплый и задумчивый апрельский вечер на озере.
Закатное солнце отвесно сквозит в соснах на том
берегу,
и едва золотится волновая рябь между нами, моя весна.
По другую сторону заводи плыли отражения облаков.
Они, медленно дробясь, бесконечно менялись
и никак не могли уплыть и измениться совсем.

А солнце уже задевало сосновую кору,
лучи касались сухих травинок,
тихо шуршал песок под ногами,
напоминая о природе времени,
которое замешкалось здесь и сегодня,
в полушаге от лета.

Татьяна Губанова

г. Самара

* * *

Луна похожа на срез молодого пня,
кровоочащего памятью дней.
Возможно, здесь была яблоня,
а на ней —
плоды,
что лет десять тому назад
казались вкусней, чем есть.
Лет десять тому назад начали умирать друзья.
И ты.
И я вспоминаю о том, как ещё десять лет назад,
готовя к продаже свой дом и заросший сад,
срываю плоды —
угощение любимым внукам.
Будет повод им рассказать,
как тянулись к развесистой кроне руки,
чтобы с дерева, словно яблоко, снять
непослушного их отца.
Далеко, впрочем, всякому до образца
поведения в десять лет.
Но ума ведь и в двадцать особого нет

в мире этом, где столько счастливых любовников;
 в мире этом, где — ты и в руках дозревают яблоки,
 самые сладкие,
 яркие, как луна.

* * *

Так ещё никогда не раскальвалась Пангея,
 в огне гееннском не бурлило солнце,
 впитавшее холод пустынь,
 среди света, застывшего в форме воздуха
 и возникающей жизни.

Сном, воду пустившим по мертворождённым рекам,
 Ты покажись мне.
 Хочешь, отведай мою плоть?
 Грудь бы твою сейчас распороть
 и вытащить человека.
 Или не человека.
 Или кого-то, видевшего всё:
 первую «алеф», кусок недобытого олова,
 слово,
 день, когда бог, похищавший Европу,
 оставил Азию.
 Алчный,
 какой бы мразью он ни был, —
 он был,
 позавчера.
 А сегодня приходишь ты,
 Говоришь, что всё есть.
 Есть, только где-то, наверное, вдалеке,
 где безголосая тень
 и веление времени,
 изголодавшегося по планете.
 Там, где деревья высасывают из песка смерть —
 дети.
 Девочка держит что-то в руке.
 Мальчик кричит ей:
 «Дай посмотреть!»

* * *

Воздух молчит, и ты в нём
Нежность свою развей.
Медленно гладишь ливнем
Щиколотки ветвей.

Там, где не рвутся вены
Переводных путей,
Сердце взбивает в пену
Холод чужих смертей,

Тусклость уставших линий.
Пульсом не пустословь:
Пусть не забудешь ливень,
Но не увидишь вновь

Окаменелых станций
Выцветшую между.
Буду навзрыд смеяться,
Только не разбужу.

Стефания Данилова

г. Санкт-Петербург

Усни со мной

Усни со мной в облезлом палисаде
 напротив бесполезного собора,
 чтобы вся мгла, проглоченная за день,
 не развела внутри меня сыр-бора.
 Усни со мной за школой или дуркой,
 на плитах с подорожником проросшим,
 укрывшись от простуды старой курткой,
 не думая о будущем и прошлом.
 Усни со мной, переплетая пальцы,
 уставшие от клавишных прогулок,
 чтоб никогда вдвоём не просыпаться
 в залитый тихим солнцем переулок,

откуда выходить в чужие люди.
 Усни со мной. Пусть ничего не будет.

Солнышко

Зовущие солнцем любимых —
больные на русский язык.
Сдираешь со слова лепнину
и вдруг понимаешь азы:

ах, солнышко, что ты такое?
Далёкая злая звезда.
Тебя не достанешь рукою,
не бросишь бумажкой с моста.

И, воспламенив наудачу,
оставишь во мне уголёк.
Ты солнце моё. Это значит,
ты вечно пребудешь далёк.

Окно

Палка, палка, огуречик, карандашик задрожит:
вот и вышел человек в удивительную жизнь.

Ложка, вилка и слюнявчик, да игрушки на полу:
Человек насвинячил и теперь стоит в углу.

Ашки, бэшки, рассчитайся на раз-два, ча-ща, жи-ши.
Плюйте в лица, блюйте в тазик, ты мне больше
не пиши.

Во саду ли, в огороде, в час немислимых потех
мы при всём честном народе выбирали, да не тех...

Кто направо, кто налево, карты, деньги, два ствола,
развенчали королеву и не вспомнят, что была,

Тили-тили, трали-вали, а в ушах трамвайный звон,
наливали, наливали, с глаз долой, из сердца вон,

плюс на минус будет минус, плюс на плюс — звезда
 во лбу,
 вот скажи-ка мне на милость, ты зачем лежишь
 в гробу?

Рельсы-рельсы, шпалы-шпалы, приезжай хоть
 на часок,
 листьев мокрых, листьев палых нескончаемый вальсок,

спят усталые игрушки, в неотвеченных висят,
 не хочу к тебе в подружки, мне уже под пятьдесят.

Мама, мамочка, мне страшно, отчего часы спешат...
 кто-то там стоит на страже, и не выйти, не сбежать...

К стопке водки — огуречик. Палка, палка, крест,
 равно.
 Вот и вышел человечек в бесконечное окно.

Лестница

А были помоложе мы, никем не подытожены
 и в штабеля не сложены, пронзали небо лбом
 и чувствовали разное, нисколечки не властное
 над нами, столь прекрасными, как вся твоя любовь.
 И как любили — боже мой, такие ясноглазые,
 и не имели прошлого, и каждый был любой.

А небо было пористым, и ветер дул напористо,
 и был он весь аористом чужого языка,
 как зубы, нас распатывал; мы челюстями сжатыми,
 как пионервожатые, держались за закат
 и пили куболитрами, и были, в общем, хитрыми,
 закат свалился титрами и убран был под кат.

А стали мы тяжёлыми, попадали, как жёлуди,
 в зелёно-красно-жёлтую прихожую земли,

валились, будто в ноженьки, да умерли немноженько,
и все слова для боженьки рассыпали в пыли.
Мы жили как преступники, а сдохли как заложники,
теперь вы нас пристукните, раз мы вас не смогли.

Идёт лесник, качается, похмелье не кончается,
и впору б нам отчаяться, да только всё никак.
Он видит нас
и крестится,
и крестится,
и крестится,

как будто бы прелестница пред ним стоит, нага.

Мы образуем лестницу, до неба расчудесницу.
а он двенадцать месяцев стоит у ней в ногах.

Алексей Ларин

г. Самара

* * *

Всё лето словно взгляд назад
 Тревожный акт воспоминанья
 Твоих речей воздушный сад
 Храню в себе без увяданья
 И медленные волны трав
 Ждут наше сонное паденье
 Осенним пеплом даже став
 По нам сыреть их будут тени
 И пни молчат в молчанье вод
 Где мы сидели друг сквозь друга
 Когда над нами небосвод
 Рассветным наполнялся звуком
 И в отражении пруда
 Со звёздной вперемешку пылью
 Блестит бесплодная судьба
 Уже без нашего усилья

* * *

Замедлив взгляд до замкнутого времени,
Увидеть, как сжимается в слова и в ночь, и в кухню
свет.

На кафеле из трещинок растут столпы творения.
Окружности и треугольники из вещи делают предмет.

Снег за окном во тьме исчезнув, вновь под кожей
Возникнет. Каково предназначение стекла и стен?
Чтоб мы скучали друг по другу иногда до дрожи?
И просыпались от волнения вдруг во Вселен-

Ной? Здравствуй, тот, кто сохраняет отражение.
Она касается моей руки — так, изнутри наружу круг
Плывёт ковчегом, за собою приводя в движение
Взгляд, время, свет и гармонический их звук.

(Рас)фокусирование

—
Растенья безглазый взгляд
В себя возвращает сад
Телесность как будто след
Который оставил свет

—
А в слове тревожится тьма
Что жёсткое как зима
(Первичное всё холодно
Прозрачное как окно)

—
Сжимается воздух в твердь
Другой — это я на треть
(Я — это на треть другой)
И мы крещены водой
(волной)

—
 Молекулами точней
 Поделится всё из вещей
 На три но одна жена
 Бессчётная как луна

—
 Из ночи её растёт
 (лона)
 Звучащего тела плод
 Инерция боли — плоть
 Желания — это кость

—
 Стекает в следы вода
 Вода в них почти тверда
 И только безглазый взгляд
 Опять всё вернёт назад

Михаил Макрушин

г. Самара

* * *

пока азотом вылощен воздух
и не крепчает углекислый газ
пока трамвайных веток кольцехвостых
запал многоголосый не погас

ты наступаешь в зеркало мгновенья
и извращаешь милое лицо
а я душу душевного тюленя
по-юношески тонок и пунцов

сцепляются бессмысленные речи
в тревожной легковесной бирюзе
и ласковым китом плывут навстречу
назойливой раскидистой грозе

* * *

плакал абортированный август
не касаясь каплями земли
пацаны использовали пандус
возле магазина как трамплин

кепки скейты вейпофурнитура
и рукой закрытое лицо
ты сказала тихо суб-куль-ту-ра
я подумал
крепкое словцо

по шаблону заливаясь чаем
мы себя как голуби вели
чужали неладное
молчали
но сорваться с места не могли

каждый день
без боли умирая
беспокойство ленью заменял
и вползала медленно сырая
многоножка осени
в меня

* * *

вот закольцованный муравей
вот распечатанная страна
хочешь не хочешь — бери правей
видишь не видишь — пиши про нас

знаешь не знаешь — готовь отчёт
слышал не слышал — проголосуй
купишь не купишь — спроси почём
веришь не веришь — точи косу

сколько ни высечешь, всё кругло
сколько ни плюнешь, земля суха
в сердце — невыношенное зло
в лёгких — пресованная труха

ходишь ответственный муравей?
слышишь единственный аромат
в листьях, в корнях, в снегу, в траве?
это большая твоя страна

Сергей Скуратовский

г. Нижний Новгород

* * *

Ты слышишь, друг? Стучатся времена
В трухлявые ворота у границы.
Юродивый выходит из окна
Хрущёвки на окраине столицы.
Его последний шаг обводят мелом,
И странный следователь, в белом,
Помоет руки розовой водой.
Запишет имена. Под ветром трепеща,
Кровавый расползается подбой
Его плаща.
Я слышу, как волнуется народ,
Спешит бабища с парой пустых вёдер
На плац Семёновский, где вольнодумец Фёдор
Уже готов взойти на эшафот.
Петровский ботик пляшет на волне,
А новый Блок хрипит свои «Двенадцать»,
С усмешкой поворачивая мне
Свой череп. Остаётся клацать
От страха челюстью. O tempora, o mores —

Латынью не поможешь кораблю,
 Что тонет.
 Но сквозь туман и морось
 Виднеется наивное «люблю»,
 Записанное на асфальте... вновь и вновь.
 И, почесав расквашенную бровь,
 Колдырь, задрав кадык, увидит в небе синем,
 Что ангелом расстрелянным любовь
 Взлетает над Россией.

Взгляд

*Взгляд есть кратчайшее
 расстояние между двумя душами.*

Край города. Здесь царствует полынь,
 Здесь жизнь построена из кирпича и досок,
 Китайского тряпья, дешёвых крепких вин,
 В чьём перегаре — слабый отголосок
 Красивой жизни. Рядом, между двух
 Домов, недалеко от бара,
 Кривая яблоня нашла себе приют.
 Её душа скрипит, под ней плоды гниют;
 И вечером медовый пряный дух
 Мешается с тем самым перегаром.
 Здесь старые дома под ржавой крышей,
 В них солнце через грязное окно,
 Точнее через чистый уголочек,
 Подглядывает. Видя, что темно,
 Смещается чуть выше.
 И тогда,
 Поймав в себя тот световой пучок,
 Вдруг мутный обывательский зрачок
 Становится второй из точек.
 Источником же стали небеса,
 Ничуть не потемнев при этом;
 И этой связью, этим странным светом
 В таких домах творятся чудеса.

Там ежемесячный обыденный запой
Внезапно завершается не смертью.
В соседнем доме чудом жив слепой,
Которому по средам из конвертов
Зачитывает письма гопота
Своими ломкими сухими голосами,
А самый мелкий шкет идёт кормить кота:
Кот жрёт салаку, шевеля усами.
И этот самый шкет присутствовал при чуде:
Вчера взорвал петарду, едва не выжгло глаз.
Он вряд ли атеист, и вряд ли он им будет,
Он знает, глядя в небо, что там глядят на нас.

Анастасия Устинова

г. Новокуйбышевск

Детка

«Не желаете выпить со мной кофейку?» —
 Говорю я как можно серьёзней.
 «Не желаю, — ответит он мне на бегу.
 И добавит с улыбкою: — Поздно!»

Что нам поздно?
 Кофейно за жизнь говорить,
 Заедая кокетством варенье?..
 Впереди молодая задорная прыть,
 Позади двадцать два дня рождения.

Он шагнёт в уходящий звенящий трамвай
 И помашет пижонской береткой.
 — Вот и всё!
 — Вот и всё!
 — Ну, бывай!
 — Ну, бывай!
 Только сдай все экзамены, детка.

Эталон

Между бедой и счастьем вечный маятник.
Измаявшийся интеллеktуал,
Тебе я возвожу при жизни памятник
И воздвигаю гордый пьедестал.

Я одному тебе навек обязана
Страданьем, экзальтацией, тоской,
Предательством, наветами, отказами,
Паскудной скукой, зябкой клеветой.

Луна над Волгой лыбится злорадная,
А душу бьёт чумная лихорадь.
Тебя я так хотела — только надо ли? —
У всех отнять, обнять, расцеловать.

Я принимаю радость, как страдание,
Мой интеллектуальный чародей,
Скажи, чем заслужила я изгнание
Из жизни перепутанной твоей?

Сыпь пепел мне на голову Везувия —
Усваивай полученный урок.
А я пошлю к чертям благоразумие
И сердце урону на твой порог.

На грани

Я не ищу земли обетованной.
Родную землю окроплю слезой,
Чтоб Гефсиманский сад благоуханный
Поднялся ввысь над грешною землёй.

К нему ведут житейские ухабы.
На перепутьях черти начеку.
На подлости всегда готовы, дабы
Протиснуться в небесную строку.

Пусть вязнет крик о помощи в гортани,
Пока блуждаю в поисках себя —
На нерве, на истерике, на грани
Открытий вечных таинств бытия.

Меня не завлечёшь святой Нирваной
И райской виноградною лозой.
Я не ищу земли обетованной.
Родную землю окроплю слезой.

Семинар прозы

Руководители:

Олех Андрей Юрьевич, г. Самара. Прозаик, номинант литературной премии «Дебют».

Плотников Владимир Иванович, г. Самара. Лауреат всероссийских литературных премий. Автор более десяти книг прозы.

Андрей Олех:

**«Сделать отличный текст и знать,
что ты сделал для этого всё,
что смог, — вот что бесценно»**

— Каковы были Ваши ожидания от фестиваля как человека, не первый раз приезжающего на него? Насколько они оправдались?

— Я читал все работы участников, возраст опять же увеличился, и тексты стали серьезнее, и поэтому в этом году определённые ожидания были. Всегда интересно пообщаться с писателем вживую и узнать, как он сделал текст. Когда говоришь с состоявшимися авторами, это работает в обе стороны ты и сам можешь многому научиться. И, конечно, побывать на берегу Волги, в таком живописном месте — само по себе событие. В этот раз все ожидания оправдались и даже больше. Атмосфера

была чудесной, надеюсь, участники разделят моё мнение.

— *В чем польза (или вред) от такого рода мероприятий для молодых писателей?*

— Я в этом году отыграл роль «одинокого волка», человека далекого от «литературной тусовки», и даже с этой позиции могу сказать, что, конечно, общение необходимо. Просто говорить о книгах и видеть себе подобных уже достаточный повод, а если ты открыт и готов учиться, то от таких встреч одна чистая польза.

— *Вы и сами молодой (особенно по меркам прозаика) писатель. Была ли в связи с этим проблема взаимодействия с участниками? Был ли бунт на семинарском коврале?*

— На других семинарах я не был, потому что в это время шли мои (кстати, хорошая идея — разделить их по времени, чтобы можно было послушать остальных), но на нашем семинаре была абсолютная свобода. Очень приятно, что участники читали друг друга, поэтому был равный обмен мнениями. Это ж искусство! С чего бы моё мнение должно быть важнее другого? Вся моя власть проявлялась в модерации, надо было напоминать, что наше время ограничено и пора переходить к обсуждению другого участника. Бунта не произошло, но, конечно, он мог бы быть. Только плохой писатель не будет говорить о своём творчестве бесконечно.

— *Фестиваль Анищенко проходит один раз в год, как и большинство литературных семинаров в стране. А как часто нужно посещать такие мероприятия писателю? Может ли количество перейти во вред собственно творчеству?*

— Мне сложно судить, потому что фестиваль Анищенко, мой единственный опыт такого рода. Я не езжу по семинарам, и потому думаю, что, наверное, с этим лучше не частить. Моё мнение не претендует на истину, я знаю многих писателей и поэтов, которые часто посещают подобные мероприятия. Но писать-то когда? Если у них получается это сочетать, я могу только позавидовать.

— У вас вышло уже три романа в крупнейшем российском издательстве. Может быть, в сотый раз, но всё-таки ответьте: как пробиться молодому писателю? Что сделать, чтобы его печатали?

— Везёт тому, кто везёт. Далее следует неоригинальный ответ про бесконечные усилия и труд. Но с облачной высоты трёх книг, изданных в крупнейшем издательстве страны, могу сказать, что это, конечно, приятно, но и близко не так важно, как написать хорошую книгу. Не должно это быть самоцелью. Да и мир изменился, можно найти своего читателя в соцсетях, на самиздатах, да где угодно. Сделать отличный текст, роман или стих и знать, что ты сделал для этого всё что смог, — вот что бесценно.

Беседовала Екатерина Агеева

Елена Белоусова

г. Калининград

Близкий друг

Отрывок из рассказа

— На сегодня всё, — объявил преподаватель, выключая голограмму доски. — А, вот ещё что, — спохватился мужчина, вернув пиджак на спинку стула. — Если хотите быть допущены к сессии, то не забудьте присутствовать на собрании своей общины завтра в десять утра.

— Да-да, — Динара потянула на себя до отказа забитый рюкзак. — Как же это бесит, каждый год одно и то же. Хочешь допуск — слушай старперцев, которые втирают про киберреволюцию, возвышаясь на своих платформах, словно Боги Олимпа с облаков.

— А мне вот нравится, — Хью толкнул девушку в бок. — Это же какого масштаба должно было быть открытие, чтобы по-новому началось летоисчисление! Не представляю, как люди жили без нынешних технологий...

Динара собиралась съязвить в ответ, но, взглянув на сводного брата, поняла, что затея эта абсолютно

бессмысленна. Судя по его умильной улыбке и отрешённому взгляду, он всю болтал со своим другом Ро.

Принеся с собой прогресс и технические новинки, киберреволюция обесценила многие профессии. В чём-то людей заменили роботы и дроны, что-то отпало как нечто само собой разумеющееся. В итоге молодёжь стала выпускаться из университетов только в возрасте тридцати двух лет при средней продолжительности жизни — девяносто. При этом получение высшего образования оставалось приоритетным. Предпочтение отдавалось генной инженерии, математике, программированию, физике, химии и астрофизике.

Естественный вопрос, возникающий в данной ситуации: что можно изучать до тридцати двух лет? Ответ на него довольно прост: всё подряд. Такова тактика правительства по предотвращению безработицы среди населения.

Ещё одно нововведение, активно применяющееся с тридцатых годов, — «близкий друг», разработанное в рамках программы «Безопасный город». Массовое вмешательство в жизнь людей новых технологий привело не только к росту безработицы, но и повышению числа суицидов. Люди впадали в депрессию, будто поражённые чумой, хотя совсем недавно радовались. Стоило им открыть глаза: завтрак готов, отглаженная одежда висит на видном месте, в квартире чистота и порядок. И сколько бы ты ни разбрасывал вещи, ни крушил всё подряд, никто тебя не отругает. Робот-прислужник безропотно выполнит всю работу, ещё и поблагодарит. Мир, созданный для того, чтобы человек наслаждался жизнью, в какой-то момент начал претить. На рынке труда машина стала конкурировать с другой машиной. Классовое расслоение проявилось столь ярко, что основная масса людей, как молочная сыворотка, перестала быть востребованной. Вот поэтому одни забывались в алкоголе и наркотиках, другие же добровольно уходили из потерявшей

для них смысл жизни. Именно тогда группой исследователей в области генной инженерии и нейропсихологии был разработан «близкий друг».

В обязательном порядке всему населению Аквы, независимо от пола и возраста, начал внедряться микрочип. Однако тяжелее всего операцию переносили люди после тридцати. У кого-то чип не приживался в силу особенностей организма, кто-то просто не мог привыкнуть к голосом в своей голове. В связи с этим было принято решение чипировать исключительно младенцев. Когда же ребёнок достигал возраста двенадцати лет, чип активизировался минута в минуту. В голове обладателя раздавался приятный мужской или женский голос, в зависимости от пола обладателя. Голос предлагал дружить. И в знак дружбы называл своё имя, которое состояло из двух, максимум трёх букв. Так у Хью появился Ро, а у Динары — Ви.

Главная задача этих голосов состояла в том, чтобы спасти своего хозяина от депрессии. И если не помогала светская болтовня, уговоры и поддержка, то «друг» мог послать нервный импульс, спровоцировав выброс эндорфина.

Планомерная и методичная работа привела к тому, что к сто двадцатому году по новому летоисчислению численность населения была стабилизирована — кризис миновал. Однако в противовес желающим поскорее познакомиться с «близким другом» были и те, кто не разделял этой радости. Те, кто не понимал, для чего нужен круглосуточный голос в голове, когда вокруг достаточно реальных людей, с которыми можно общаться.

Динаре через пару дней должно было исполниться двадцать семь, она ни дня не работала, не знала, как готовить, стирать или прибираться. Единственное, чем она занималась всё это время, — учёба. В этом она соответствовала образу типичного жителя Аквы. Но были и отличия: в свободное время девушка фотографировала на старую зеркальную цифровую фото-

камеру; а ещё Дина игнорировала Ви. Сколько бы раз голос к ней ни обращался, девушка притворялась, что ничего не слышит, или приказывала ему замолчать. Собственно говоря, Ви, отслеживающей гормональный фон хозяйки, было всё равно. Признаков депрессии нет, значит, она как программа прекрасно справляется со своей задачей.

В противоположность сестре Хью часами напролёт болтал с Ро. Он обсуждал с ним свои покупки, домашнее задание, однокурсников. Голос в большинстве случаев соглашался с его мнением, а если нет, то в корректной форме просил задуматься или пересмотреть свою точку зрения. Хью был счастлив, его ни капли не волновало, что это лишь иллюзорный друг. В то же время Динаре часто перепадало от брата за своё неправильное отношение к «другу» и непонятные увлечения. Но они жили под одной крышей, предоставленные сами себе, и были вынуждены заботиться друг о друге. Ведь родители, вернувшись с работы, часами напролёт сидели с блаженным выражением лица. И было сложно понять то ли они приняли какой-то психотроп, то ли им грезится нечто прекрасное.

— Ну же, сколько можно торчать, давай быстрой! — поторапливал Хью сестру, застрявшую в туалете. — Сколько можно переодеваться? — возмущался он, выстукивая каблук дробь.

— Девчонки всегда такие копуши, — вторил ему Ро. — Расслабься... Лучше скажи, что там за новый клуб?

— А, ты про тот, что открыли на прошлой неделе? — сложив руки на груди, Хью прислонился к стене и загадочно улыбнулся. Мысленный диалог вновь отвлек его от переживаний. И он уже хотел пересказать Ро всё, что вычитал в Интернете, но тут появилась Дина. Высокий хвост неоновых волос, готический макияж и плащ до колен превратили её из посредственности в опытную тусовщицу. Девушка с недоверием посмотрела на изумлённое лицо брата, отметив, что ему идут бордовые волосы, металлизированные брю-

ки, заправленные в высокие сапоги, и яркая рваная майка.

— Ты уверен, что именно так надо приходиться в «Дум»? — забросив рюкзак за спину, она в очередной раз скептически взглянула Хью в глаза. — Это как-то старомодно, знаешь ли. Музыка в стиле ретро будет?

— Не знаю, — смутившись, парень взял сестру за руку. — Не потеряйся только.

«Как же, ещё кто из нас король потеряшек...» — Дина вдохнула сухой ночной воздух. Они были последними, кто покинул здание университета. Замок щёлкнул, стеклянная дверь окрасилась в алый: корпус был заперт и поставлен под охрану до утра.

Узкие улицы, несмотря на поздний час, были заполнены людьми. Аква — город с радиально-меридианным размещением улиц. В центре находились правительственные здания. В первом круге — детские сады, во втором — школы, в третьем — университеты и научно-исследовательские лаборатории. Четвёртый круг состоял из предприятий и компаний, дальше шёл спальный, и замыкал всё, стискивая город, будто кора ствол дерева, военный. В городе не было ни одного круга, ни одного сектора выделено под парки, детские площадки или клубы — всё строго ограничено и подконтрольно. Но город не город, если в нём нет ночного клуба, казино или бара, пусть даже и подпольного. И молодёжь знала о таких местах, хотя они и дрейфовали, как льды, из одного помещения в другое.

Проходя дворами, Динара урывками фотографировала незнакомые ей места. Отчасти чтобы пополнить свою коллекцию «Неизвестный город», отчасти чтобы найти обратный путь. Хью же чувствовал себя в Акве как рыба в воде. Благодаря своей хорошей памяти и способности быстро ориентироваться на местности, он оставался в топ-30 лучших учеников потока уже шесть лет, чего нельзя было сказать о его сестре.

Парень притянул Дину к себе поближе.

— Убери цифру, не привлекай внимание.

Динара удивлённо посмотрела на брата, но возражать не стала. Рюкзак снова потяжелел, на душе стало беспокойно. Девушка никак не могла вспомнить, когда в последний раз они были в столь мрачном месте.

— Будь осторожна, смотри под ноги, не поднимай глаз, — шептал он сестре. Но она краем глаза всё же успела заметить в проходе между зданиями несколько человек, погружённых в изучение друг друга. И ей стало не по себе. Впервые за долгое время она пожалела о своей любви к танцам.

— Не волнуйся, Хью тебя в обиду не даст, — зянула Ви в голове хозяйки. — Не зря же он...

— Замолчи! — рявкнула мысленно Динара и со злости вскинула голову. Старая привычка смотреть на противника дала о себе знать. Но вместо Ви она встретила остервенелым взглядом с незнакомцем, идущим ей навстречу. Однако ни парень, ни девушка не захотели уступать дорогу. Вспышка боли и недовольство исказили покрасневшее лицо Динары. Усмешка появилась на лице парня. Хью, заболтавшись с Ро, не обратил на произошедшее внимания.

— Эй ты! — девушка, отпустив руку брата, встала как вкопанная и начала тыкать указательным пальцем в сторону незнакомца. — А ну стой, идиота кусок! Думаешь, если выглядишь как плейбой, тебе всё позволено?! Ты хоть знаешь, как извиняться, чурка смазливый?!

— Успокойся, — нашёптывала Ви. Но Дина её не слышала. Кровь так сильно стучала в висках, что девушка была не в силах дать отчёт своим действиям.

Незнакомец остановился. Слегка повернув голову, он одарил смутьянку усмешкой. А потом ни с того ни с сего подошёл к ней, резко притянул за шею и прошептал, плотно прижавшись губами к её уху:

— Простите, не хотел вас задеть.

И снова саркастическая улыбка появилась на его лице. И Дина с удовольствием ответила бы на неё красным словом, но жгучая боль в районе шеи едва не повалила её с ног.

— Извините мою сестру, она порой бывает немного резкой, — кланялся Хью, утаскивая за собой переполненную возмущением Динару.

— До скорого, леденец-шипучка, — и, послав воздушный поцелуй, незнакомец затерялся в толпе.

В этот вечер танцы не были похожи на танцы. Дина просидела до четырёх утра за барной стойкой, иногда она ложилась головой на руки, иной же раз пыталась влить в себя что-то наподобии веселящего коктейля, но после каждого глотка он почему-то просился наружу. Хью отжигал по полной. Могло сложиться впечатление, что Ро позаботился о настроении своего подопечного. Но на самом деле о нём позаботился один из Бритоголовых. Без «Хи-хи» капель в таких заведениях было не обойтись. Все это знали.

Каждый год в ночь перед годовщиной жители будто сходили с ума. Одни бесновались в клубах, другие сидели дома, растворяясь в наслаждении от сладкого лепета «близких друзей». Даже военные, не дававшие в обычный день спуска нелегалам, покинули улицы Аквы. В эту ночь каждый житель города был предоставлен сам себе.

Как Динара оказалась в своей постели, она точно сказать не могла. Всё, что происходило с ней тем вечером, она помнила смутно. Но после третьего звонка будильника и крика Хью о том, что они могут профукать свой допуск к сессии, девушка всё же встала и пошла умываться.

— Доброе утро, — раздалось у неё в голове, а в памяти всплыл образ вчерашнего хамовитого мажора.

— Не думала, что у тебя, Ви, может открыться талант в виде чувства юмора, — девушка сунула щётку в рот и начала усердно вычищать зубы.

— А ты ничего, — продолжил голос, — хорошо, что использовала времянку неон тебе не к лицу.

— Да кто ты, чёрт тебя подери?! — щётка полетела в сторону. Вспененная паста и сморщенный лоб превратили Динару в бешеную собаку. И как только

девушка подняла глаза, взглянув на своё отражение, дикий хохот раздался у неё в голове. Покраснев до кончиков ушей, Дина прополоскала рот и умылась. Мужской голос всё ещё продолжал давиться со смеху.

«Где Ви?» — вступила она в мысленный диалог с незнакомцем.

— Её больше нет. Я подавил её как программу.

«Ты кто такой?»

— Блин, а ты ничуть не милая, — нудел голос.

— Только не говори, что ты тот засранец, что вчера меня толкнул?! — прорычала девушка, глядя себе в глаза.

— Дейдос. Засранец — это твой сводный брат, раз таскает тебя по таким злачным местам. Рот закрой, а то сифонит. За ночь я просканировал твою память, — он усмехнулся, — неформалка.

— Ты насмехаешься надо мной, что ли? Сгинь!

— Ди, что с тобой, сестрёнка? — услышав крик, Хью распахнул дверь и попятился назад. — Я ничего не видел, — твердил он.

— Да тут и смотреть не на что, — съехидничал Дейдос.

— Что тебе надо?! Исчезни! Заткнись! Умолкни! Ви, это плохая шутка! — вещи разлетались по комнате, словно сорванные ветром осенние листья.

— Я не Ви, — вздохнул парень, — меня зовут Дейдос. Я человек, а не программа, если ты ещё не дошла до этого своими куриными мозгами.

— Сгинь!

— Десять минут до выхода! — прокричал Хью. — Иначе останешься на второй год!

Дина провела ладонью по стене, часть её растворилась — шкаф оказался открыт. Полная недовольством девушка начала передвигать вешалки, ударяя одну о другую, пытаясь среди кучи цветного разномастного барахла найти самую ненавистную для неё одежду. Ведь на встречи общины требовалось являться в бледно-розовой мантии поверх строгого серого костюма.

— Не ходи, — спокойно попросил Дейдос. Но Динара, проигнорировав его, уже застёгивала пуговицы жакета. — Не ходи, иначе мы оба покойники.

— Я не останусь на второй год третий раз подряд. И так уже в одном классе с братом — позорище, — фыркнула она в сердцах.

— Я тебя очень прошу, — продолжал голос. В этот раз в нём не было ни тени сарказма или издёвки. — Если останешься, я тебе всё объясню.

«Дейдос или как там тебя, умолкни», — девушка едва перешагнула порог комнаты, как её тело пронзила сильная судорога.

«Чтоб ты сдох», — подумала она, теряя сознание.

Алина Гребешкова

г. Уфа

Пирожки

Рассказ

Пирожки, пирожки, кому пирожки?

Неизвестные женщины

Учительницу начальных классов десять назад отправили скучать на пенсию. На покой провожали с вином, длинными речами и лозунгами. Дети Валентины Степановны давно разъехались за тысячу километров. В Надеждино теперь они добирались редко. Хоть дорога на поезде и занимала всего ночь и день, но большой город надолго не отпускал. Летом на несколько недель приезжали внуки. Тогда женщина оживала, сутилась возле плиты, пекла пироги и пирожки, блины и оладушки, заваривала травяной чай, доставала лучшее варенье — крыжовник с апельсинами, которое так любил Пётр Григорьевич. Пять лет прошло, но Валентине Степановне до сих пор казалось, сейчас гаркнет своим военным басом: «Валюш, накрывай на стол! Гости у нас!»

Зимнюю тишину в посёлке разбивал лишь лай дворовых собак и крик поездов, эфир которых висел плотным облаком над домами. Две женщины сидели за столом и о чём-то горячо спорили:

— Я тебе говорю, верное дело! Плюнь ты уже на свою гордость. Это раньше ты белые воротнички носила, а теперь кто?

— Ну, бабушка, наверное.

— Пенсионер ты, вот ты кто. А знаешь хоть, что слово-то значит? Оплата! Оплата, слышала? Вот эти рублики деревянные? Они? Про старика из Йошкар-Олы слышала? Выстрелил себе в голову, а потом неделю с пулей в виске проходил. Поплохело, супруга скорую вызвала. И теперь шьёт ему наша доблестная милиция уголовку. «Незаконное изготовление и хранение оружия». А чиновников на кол кто посадит?

— Елизавета, ну и жаргон у тебя, — Валентина Степановна подливает соседке кипяток.

— Ты мне не указывай! Я тридцать лет на рынке отпахала, жопу морозила, пока ты в кабинете книжки читала. Как хочу, так и выражаюсь. Ладно, Валь, если что не так, прости, побежала. Ты подумай!

«Иди, говорит, по электричке и продавай пирожки. Сама идти не хочет, артрит, видишь ли. Ага. Бегаёт туда-сюда, как на пожаре». Валентине Степановне пенсии хватало, она даже раз в месяц покупала торт, приглашала бывших коллег на посиделки — обсудить, кто женился, а кто умер. Но неделю назад Тимофеем позвонил. Говорит и смеётся: «У Деда Мороза телефон попросил. Ты, бабуль, подскажи ему». Вот загорелось Валентине Степановне купить внуку заветную игрушку!

— Пять тысяч такой. Вы себе присматриваете?

— Да нет, куда уж. Внучок попросил.

— А сколько лет мальчику?

— Двенадцать уже.

— Тогда этот берите. Прорезиненный корпус, в воде не тонет и не бьётся. Долго прослужит.

— И сколько ж он стоит, сынок?

— Со скидкой семь тысяч девятьсот девяносто.

«Восемь тысяч. Больше половины пенсии. А может, звонить чаще станет, когда свой телефон-то появится. А вдруг не понравится? А денег откуда взять?» И тут вспомнила Валентина Степановна про предложение Лизки.

Зимнее утро темнее летних ночей. За окном мигают огоньки вокзала. Встала. Замесила тесто. Почистила картошку и лук. Салфетки, чтобы завернуть первенцев и последышей в тёплую ткань. «Вот и не стыдно тебе? Заслуженный учитель, а попрошайничать идёшь. Вот Петенька бы увидел, со стыда бы сгорел. А чего стыдиться? Не воровать же иду. А если поймают? Может, там делиться принято? Соберись, Валя, ты же не трусишка. Ох, электричка-то уже через час».

— Здравствуйте, Валентина Степановна!

— Ой, Витя! Здравствуй. А ты откуда в такую рань? Красивый какой стал. Дай хоть разгляжу тебя.

— Полгода уже дома не был. Плюнул на всё, дай думаю, как в студенчестве, махну с первым поездом. И вот я здесь.

— Женился?

— Пока не женился, но летом планируем обвенчаться на тропических островах, поэтому коплю, куда деваться, — Виктор смеётся, а потом вспоминает про телефон: отпуск отпуском, но через полчаса видеоконференция с партнёрами. Подождёт, когда ещё с первой учительницей вот так на улице столкнёшься. — А вы куда в такую рань? По привычке в школу?

— Шутник как был, так и остался. На вокзал иду, — Валентина Степановна резко обрывает: — Ты забегай на днях, я дома всегда.

От Виктора не утаилось, как его первая учительница вцепилась в корзинку, радость от встречи с родителями омрачили навязчивые мысли: «Всю жизнь

со спиногрызами. А теперь по электричкам. Может, денег ей предложить? Да не возьмёт, гордая. Вот так полстраны с соленьями и пирожками по вагонам, вокзалам и рынкам. Неужели и у нас будет такая же старость?» Виктор отбрыкнулся от предчувствий. Поэтому он и уехал в Москву.

Подошла электричка. Одна из женщин запрыгнула в вагон и протянула руку. Другая передала ей рыжую корзинку.

— Валька, давай быстрее, сейчас тронется. Всё равно не сбежишь.

Раздаётся громкий гогот бывшей продавщицы с колхозного рынка. Валентина Степановна запрыгивает в электричку. Как Лизка её быстро уболтала! Говорит, если одна не можешь, пойдём вдвоём. Они замесили с утра тесто, нажарили вагон пирожков, а затем на вокзал по сугробам. С утра народ толпится. Люди едут на работу в город.

— Пирожки! Горячие! Кому пирожки?

— Вкусные?

— Другие не держим, — скалится Лизка.

— И мне три.

— А мне пять, — рука протягивает пятьсот рублей, — сдачи не надо, пожалуйста. Этим пирожкам нет цены.

Валентина Степановна достаёт из рыжей корзинки светящиеся от масла пирожки, каждый размером с мужскую ладонь. И тут же роняет их. Осматривает вагон. Вот Колька Ситников. Женщина вглядывается. Нет, не он, 40 лет прошло. Хотя похож, но Колька, по слухам, на север уехал. А рядом с ним всегда сидела Вика Жданова. Так и умчалась с ним в Сургут. Вот Мария Контюк. Серьёзная девочка в очках. Кажется, что весь вагон расселся по партам. Это 3А, 2В, 2В, но в 98-м. А это Витька Контюков. Его она видела неделю назад, когда торопилась на электричку, но так в неё и не села. Не смогла. Сквозь грохот металла слышит-

ся зычный голос Лизки, она смеётся: «Эх, ну и дура же ты». А школьница Валька всё так же не знает, куда деть свои старые руки.

— Валентина Степановна, может, споём, как раньше? — спрашивает Витька и заговорщически оглядывает улыбающийся вагон:

Взвейтесь кострами, синие ночи!

Мы пионеры — дети рабочих.

Близится эра светлых годов.

Клич пионера: «Всегда будь готов!»

Виолетта Драчёва

г. Краснодар

Война

Рассказ

Кимка Хиппи жила в небольшом городе Северскена-Тамани и терпеть не могла, когда к ней обращались «Хиппи». Свою кличку она получила уже после начала всей этой истории за то, что однажды для всей компании, переживавшей похмельный синдром, накланчила у прохожих сигарет. «Да ты как хиппи», — буркнул один из парней, с недоверием ощупывавший появившуюся из пустоты сигарету. В её компании хиппи, хотя их никто в глаза не видел, стойко ассоциировались с мокрицами и попрошайками, поэтому Кимка обиделась. С тех пор она зарубила себе на носу, что прежде чем делать людям добро, нужно трижды подумать.

Никто из жителей Кимкиного городка толком не знал, почему он так назывался — то ли по отношению к краевой столице, но стоял он от неё скорее на западе, чем на севере, то ли в честь славянского племени северян, до этих мест, впрочем, никогда не доходившего. Единственное, что жителям городка было из-

вестно, — так это то, что такой город уже был. Где-то по степным меркам и не так далеко, каких-нибудь полтысячи километров, в Украине находился город Северск. И, наверное, чтобы никакой путаницы не происходило, городок назвали Северск-на-Тамани, в честь реки, на которой он стоял. Но и здесь не всё было просто: таманский Северск возник раньше украинского. Так что смысл названия города оставался для его жителей непрояснённым. Поэтому появилась получившая среди местных жителей большое распространение шутка, что название «Северск» происходит от Северного рынка. Последний прославился тем, что в своё время был самым большим в Советском Союзе местом продажи шкур и меховых изделий, как позже выяснилось, весьма невысокого качества.

Как бы то ни было, место, в котором находился город, назвать землёй обетованной было трудно. Летом окружающая Северск степь раскалялась настолько, что Кимке, бредущей полквартала за булкой свежего хлеба к обеду, казалось, что она идёт не по земле, а по раскалённой крышке адского котла. Как правило, ступая по плавящемуся от жары асфальту, она смотрела себе под ноги. Поднять голову и увидеть всю красоту сочетания ярко-зелёных верхушек посаженных вдоль домов деревьев и синего безоблачного неба не представлялось возможным. Всё пространство от земли до белого, теряющего очертания небесного круга было наполнено жёлтым огнём. Это был уже не солнечный свет, а именно огонь, грозящий выжечь кожу, испечь мышцы, обуглить кости. Этот огонь наполнял нездоровым блеском небо, крыши и стены домов, листву деревьев, увидеть его означало обречь глаза на немедленную смерть.

И это был ещё город, а что делалось с людьми, находящимися в степи, Кимке было страшно даже подумывать. Там к терзающим человеческую плоть демонам всепожирающего огня и раскалённой земли добавлялись ещё два. Первый из них был демон остановившегося воздуха, направлявшего остатки своего полного

жара дыхания в поры кожи. Его дыхание представляло собой подобие удара горячей жижи, которая облепляла любой не прикрытый одеждой участок тела. Да и прикрытой тканью коже тоже приходилось несладко. Вторым демоном, как ни странно, был демон воды, вернее мёртвой воды. Казалось, высохшая до последней капли влага мутировала и собралась в какую-то неведомую по силе волну, сворачивающую пространство в рулон, как сворачивают древнюю, сделанную в виде свитка книгу, разрывая связь человека с реальностью, он отдавал его тело в полную власть испепеляющего огня.

Но и этого было мало. Ближе к осени, когда поля пустели, а зной, казалось, спадал, в степи происходило нечто, вполне сопоставимое с бесовской пляской. Словно соревнуясь с оторвавшимся от своего источника и превратившимся в адский жар солнечным светом, степной ветер отрывался от неба, прижимался к земле и начинал безумный круговой танец. И от этого танца мерк свет, вода становилась грязной, а степь теряла плодородную силу. Года за два до начала этого, последнего в её детстве лета Кимке довелось видеть, как небо стало внезапно темнеть, но на нижних рамах её окон вместо долгожданной влаги стал появляться песок. Сообразив, что здесь дело нечисто, она быстро обежала вокруг дома, захлопнула форточки, закрыла почти все ставни и, уже сидя в полумраке прихожей, одно окно которой она прикрыла наполовину, стала обзванивать знакомых, пытаясь выяснить, что происходит. Не прошло и десяти минут, как одноклассники и знакомые, живущие на краю города, стали присылать ей фотки и видео того, что происходило в это время в степи. Больше всего её впечатлило видео из проезжавшей недалеко от города машины: огромная песчаная стена, состоящая из больших, тесно прижатых друг к другу волн, медленно двигалась вперёд, навстречу бесстрашно едущим автомобилям. Кимке стало жутко от этой картины. Будь на месте водителя,

даже зная, что с ней ничего не случится, она всё равно развернулась бы назад.

Тем не менее эта знойная и пыльная степь называлась Беловодской, а в честь неё и административный район, в котором она жила, назывался Беловодским краем. Если зимой, поздней осенью и особенно весной слово «Беловодье» в этих местах воспринималось нормально, то в летнюю пору весь Северск, да и жители всех остальных городов и районов, могли только догадываться, в связи с чем первым русским поселенцам вздумалось так назвать эту геенну. Официально считалось, что название пошло от протекавшей по степи реки Тамани. Объяснялось это тем, что обитавшее по её течению черкесское племя чепсинов называло эту реку Белой. Но Кимку такое объяснение не удовлетворяло. «Да какая она белая?! — говорила она про себя, глядя на медленно расходящуюся кругами зеленоватую воду Тамани. — Нет, здесь что-то не так». И поэтому однажды на перемене она поделилась своими сомнениями с учителем литературы, которому из-за нехватки кадров приходилось быть и школьным историком.

«Честно говоря, не знаю, — неуверенно ответил тот: ему было неудобно быть неосведомлённым в таком простом и вместе с тем важном вопросе краевой истории, и после одного случая он старался не ударить перед Кимкой в грязь лицом, — думаю, что так это место назвали первые поселенцы-старообрядцы, бежавшие от никоновских реформ. Им нужна была земля без несправедливого царя и нечестивого патриарха, земной рай — Беловодье. Легенды о существовании такой земли на берегу моря или вообще на островах были тогда очень популярны. Вот в поисках этой земли они бежали куда глаза глядят, а потом, поняв, что бежать-то некуда, осели в этих местах, да так их и называли, как будто нашли землю обетованную. Правда вольница их длилась недолго: уже лет через двадцать земли эти отошли к России, и им пришлось бежать дальше. Так что название нашего края, по-моему, не только гео-

графическое понятие, а нечто значительно большее, оно... — здесь он немного помедлил, подбирая слова. Кимке вообще показалось, что он сейчас закатит глаза и прочтёт какое-нибудь стихотворение. Выражение пусть и недолговечной, но всё-таки воплощённой мечты, прибежище тех, кого унесёт ветром истории».

«Это он, наверное, Митчелл перечитал», — промелькнуло в Кимкиной голове, когда она услышала последнюю фразу, и надо признать, что эта мысль имела свои основания. На уроках учитель всем без разбору рекомендовал читать «Унесённых ветром». «Нечего сказать — хорошее прибежище», — продолжала зло думать она, ей явно не нравился ни этот край, ни свой затерявшийся в степи пыльный, провинциальный городишко. Учителю она не поверила, поскольку от старообрядцев в округе никакого следа не осталось. Как пришли, так и ушли, так же как до них здесь бродили скифы, хазары, печенегы, половцы, монголы, татары, белые, красные — да всех и не упомнишь. С таким же успехом название могло бы быть унаследовано и от них. Для того чтобы название могло зацепиться за эту бесконечную, продуваемую всеми ветрами гладь, должны быть какие-нибудь поселения, стойбища, могильники, курганы, на крайний случай — каменные бабы, но ничего такого, что могло бы одним людям напоминать о жизни в этих краях других людей, не было, одна бесконечная распаханная степь.

«Не... место здесь ни при чём, да и фольклор тоже, — думала Кимка, — тут всё дело в человеке, а вернее в жажде. И неважно, кто ты по национальности и в какую эпоху здесь живёшь. Когда бредёшь по степи неделями, экономишь каждую каплю воды и вдруг видишь реку, какая бы она ни была, главное — что бы не мираж, то в честь этого события, спасшего тебе жизнь, ты это место и назовёшь. И при этом неважно, когда и с кем это происходит. Из века в век одна и та же песня. Пить захочешь — что угодно обоготворишь, а само по себе место — дрянь, а время в нём — тоска в чистом

виде. Надо же было такое брякнуть, — думала она о словах учителя, — рай земной, не до жиру, быть бы живу, хорошо, что хоть через каждые две сотни вёрст речки попадают, а не то вообще чистый ад был бы».

И действительно, летом беловодская степь напоминала геенну огненную, в которой, казалось, нет спасения ничему живому, а рождение в этих местах выглядело наказанием Божьим, неизвестно, за какую вину. Но постепенно Кимка поняла, что вся эта несусветная жара частично была рукотворной. Из рассказов бабушки она узнала, что в её молодости хотя солнце и светило с той же силой, а степь была такой же гладкой, но дышалось всё-таки легче, осени и зимы были холоднее. Всю же вину за установление в крае адской жары она возлагала на огромное созданное для орошения полей водохранилище. Сооружённое в нескольких километрах от столицы края, оно вызывало у жителей ощущение, что в любой день их город может превратиться в сказочный Град Китеж. Сначала Кимка воспринимала эти рассказы как старушечье брюзжание, но постепенно она поняла, что так думает не одна её бабушка.

Дорога из Северска в Беловодск, по которой она часто ездила с отцом на машине, оставляла это чудо инженерной мысли недоступной взору. Только однажды, заезжая в город с другой стороны, она увидела его и поняла, почему в народе за ним закрепилось название Беловодского моря. Проносясь на машине, она видела только его краешек, но даже этих мгновений было достаточно, чтобы понять, что вода может быть не только благом, но и злом. Её взору открылась огромная чаша высоких бетонных стен, внутри которых постоянно колыхались воды.

Больше всего её удивило не то, что эта огромная масса воды доходила почти до краёв бетонных заграждений, а сами бетонные стены возвышались над землёй, казалось, ещё чуть-чуть, и вода хватит через край, и смоев беспечных людишек, позволивших себе шутить с ней. Нет, её поразило другое — бессмыслен-

ность колыхания воды, это была не гладь пруда и не медленно расходящиеся круги на реке, и не упорно стремящиеся к берегу морские волны. Да, это были волны, но в них не было никакого строя, направления, красоты, в них не было логики движения. Казалось, они сами не знали, чего хотели: покоя, самореализации, героической гибели. Это было бессмысленное, а потому страшное движение. Это была буря в стакане воды, чистая, никому не нужная истерика, вызванная тем, что двое, человек и вода, хотели что-то друг другу доказать, а в результате оба спорщика могли оказаться у разбитого корыта: вода — с неспособностью родить что-либо живое, человек — с виною саморазрушения, с грехом самоубийства.

И вот эта загнанная в ловушку озлобленная стихия, так же как и обезумевшее степное солнце, потеряв надежду получить признание и принести пользу целому миру, создала свой мирок, своё место силы, свою страну просветления, свой искорёженный обидой и гордыней рай. И в этом мире поселились пленённые солдаты вражеских стихий, потерявшие свою природу и ради призрачного существования, а по сути — ради растянувшейся во времени смерти, ставшие слугами взбунтовавшейся против человека и природы воды. Это были пары воздуха, поднимающиеся над искусственным морем и делающие зной удушливым, болотистые земли, обрушающие фундаменты домов и делающие почву бесплодной, оторвавшийся от своего источника и превратившийся в испепеляющий жар солнечный свет.

Подчинённые единой, исполненной оскорблённой и злой воле искусственного моря, эти солдаты взбунтовавшейся воды медленно, но верно двигались вперёд, год за годом отвоёвывая всё новые куски степного пространства, отравляя воздух, раскаляя солнечный свет. Но, достигнув в своей борьбе с человеком и другими стихиями несомненных успехов, ощутив абсолютную власть и создав собственный мир, содержи-

мое Беловодского моря, не желая того, превратилось во что-то совершенно иное, чем оно было ранее, оно не перестало быть жидкостью, оно больше не являлось водой в подлинном смысле этого слова.

Но вопреки всей этой, временами скрытой, временами явной, борьбе человека с природой и стихий друг с другом степь продолжала жить своей жизнью. Как вода обтекает и сглаживает острые углы камней, так и она с лёгкостью и равнодушием вмещала и несла на себе всё и вся, включая жёлто-синее небо, накрывавшее её огромным куполом. Несмотря ни на какие войны, она оставалась ровной и бесконечной. Время от времени, выезжая с родителями или родственниками в Беловодск, Кимка часами наблюдала из окна автомобиля или автобуса за мелькающими полями. Появляющиеся через большие промежутки времени посёлки, станицы и городки вызывали в её укаченном долгой дорогой мозгу удивление. Само существование домов казалось ей чем-то противоестественным. «Стойбище кочевников — вот нормальная форма жилья здесь, а не город», — зло думала она.

Надо сказать, что Кимка злилась зря, поскольку сама она жила практически в юрте. Дело заключалось в том, что традиционным жилищем для этих мест, упорно не уступающим место кирпичным постройкам, был мазаный чепсинский турлучный дом. По сути это был деревянный каркас, обмазанный смесью глины и рубленой соломы, так что беловодские дома отличались от юрт только статичностью и обмоткой. Но обвинять Кимку в неспособности проникать в суть вещей было бы не совсем справедливо.

Беловодские саманные и турлучные дома были и большими, и маленькими, и квадратными, и прямоугольными, в некоторых случаях напоминающими по конфигурации половину кириллического алфавита. И были они побелены: какой в белый, какой в зелёный, а какой и в голубой цвет. Более того, многие из них хозяева обложили плиткой, белым, красным

или так называемым итальянским кирпичом. Так что проникнуть в суть этих разнообразных и внешне основательных строений и понять их преходящий, как и всё степное, характер было сложно даже умудрённому опыту человека, а не то что шестнадцатилетней девочке. И вот эта скрытая, степная, наследованная от чепсинов, смешанная с ветром и землёю суть северских, да и всех беловодских домов приводила к тому, что ничего исторического, связующего хотя бы одно столетие с другим, за редкими исключениями, в этом краю не было. Восстав из земли и простояв какое-то время на ветру и солнце, эти дома возвращались в ту стихию, из которой возникли. И некая внешняя облицовка предотвратить этот процесс не могла.

Но появление этих пасынков земли не было случайным, поскольку они и только они, до появления кондиционеров, создавали в этом раскалённом аду крошечные островки прохлады. Ни дерево, ни кирпич, ни шлакоблок сделать этого не могли. И Кимка, как и тысячи других детей и подростков Беловодского края, спасалась от раскалённого жёлто-голубого неба за этими прохладными, выросшими из самой степи стенами. Сидя всё лето за ними, она не могла не задаваться вопросом о природе их спасительной силы. Вопрос этот с особенной остротой возникал после ночёвок в кирпичных домах родственников. Разница в ощущениях была разительной: вместе с роднёй она полночи сидела на порожках их домов, поскольку о сне в кирпичной парилке не могло быть и речи. Не мудрено, что, возвращаясь домой, Кимка невольно испытывала искреннюю любовь к родным прохладным стенам. А когда ей на глаза попадалась стройка саманных домов, что случалось всё реже и реже, то она всегда останавливалась и смотрела на принятие смешанной с глиной водой, заманенным в эту смесь огнём и заключённым в соломе воздухом, верховенства земли. Именно оно и давало всем жителям глинобитных жилищ вождеделенную прохладу.

Но, даруя её, делая возможным нормальный труд и отдых, саманные и турлучные стены не могли штурмовать небо, они по понятным причинам не лезли ввысь, а потому растягивали Кимкин городок, как и другие города края, по горизонтали. По этой причине Северск-на-Тамани, как и другие города края, был, по большому счёту, одноэтажным, с небольшими вкраплениями кирпичных и блочных пятиэтажек. Исключение из городов края составляла только столица — Беловодск, в которой в море частного сектора и пятиэтажек попадались островки пяти-, девяти- и даже шестнадцатипятиэтажек.

Люди, живущие в северских, прижатых к земле небесным огнём домах, по мере сил и возможностей занимались земными делами — работали на маленьких заводах, служили в различных госучреждениях, копались в огородах. Время от времени степной ветер заносил в Северск ту или иную бизнес-идею. То все жители, как один, ударялись выращивать в специально заросших сорняком огородах, чтобы их не выжгло солнце, огромные помидоры, то, бросив помидоры, разводили на продажу луковки тюльпанов, то разводили нутрию, то, осознав дешевизну её меха, переходили на норку и фредку. Одним словом, нельзя сказать, что жизнь на раскалённой степной земле под палящими лучами солнца была однообразна. Нет, по своему она была бурной, и для некоторых, смотревших на свой дом как на центр вселенной, даже интересной, но надо признать, что Кимка к числу таких людей не относилась. От одной мысли о том, что ей, может быть, придётся подчинить всю свою жизнь реализации какой-нибудь такой идеи, ей хотелось взвыть волком. Нет, назвать её ленивой было бы верхом несправедливости: она честно трудилась по дому, а летом на каникулах, когда круговорот школьных забот, как по мановению волшебной палочки, внезапно исчезал, ритм домашних забот подчинял почти всё её время, Кимка искренне радовалась такой перемене.

Анна Зенькова

г. Минск

Нарисованный

Главы из повести

*Если сегодня нет солнца на небе —
это не значит, что его нет вообще.*

Би Дорси Орл

Глава 1

— Сходил бы ты на улицу! — ни с того ни с сего предложила Фёкла. — Чего дома-то киснуть?

— А шашки? — заканючил я. — Ты же обещала.

— Как обещала, так и разобещала, — отрезала она.

Несмотря на тон, голос у неё был тихим и будто бы даже виноватым.

«Предательница! — подумал я, но вслух ничего не сказал. — Небось, к Валухе собралась средь бела дня чаёвничать».

Я с мученическим видом стал одеваться, словно меня там ожидала не улица, а казнь египетская.

— Это — позор, а не шорты! — пожаловался я. — Как из Армии Спасения.

— Иди-иди, не умничай, — Фёкла миролюбиво подтолкнула меня в спину. — А я пока суп сварю.

— С фрикадельками? — пробурчал я с плохо скрываемой надеждой.

— И лапшой, — она устало кивнула.

Тут уж я позабыл про все свои обиды. Фрикадельки из супа того стоили.

— Только лук не клади! Всё равно узнаю! — я снял с гвоздя ключ на верёвочке, повесил на шею и махнул Фёкле рукой: — Ну, пока!

— Зелёного ничего не ешь! — понеслось мне вслед. — Опять кишки скрутит.

Я поспешно закрыл за собой дверь.

* * *

Во дворе было пусто. Оно и понятно — лето. Все наши дворовые разъехались по морям, лесам и бабушкам, а я вроде как остался за главного. Редкое удовольствие — быть главным в пустом дворе. От тоски загнуться можно.

На лавке сидела баба Шура и, как механический робот, грызла семечки.

«Щёлк-щёлк. Вас приветствует робот Шура. Модель Т-1000. Совершенного типа. Семечкопожирательная».

Ну, как-то так она и сидела. Ей, видно, тоже было невесело.

— Здравсьте, баб Шур, — я, не глядя, прошёл мимо, но готов был поклясться, что она с прищуром смотрит мне вслед. Как боцман на корме при виде пиратского судна. Фёкла говорит, что это у неё просто вид такой — перекошенный. Но я думаю, что робот Шура просто не выносит детей. А таких как я — неуправляемых — особенно. Ну и Жеку ещё. В этом мы с ним похожи.

Баба Шура подтвердила мои догадки презрительным молчанием, но я сделал вид, что не заметил, и гордо свернул за угол. Там начинались балконы, а под балконами — фруктовый рай для гурманов, как называл наш дворовый садик Жека. Мы с ним вроде как

ладим. Он живёт в первом подъезде, а я — во втором, так что нам сам Бог велел дружить. Но мы его заветы не особо выполняем, даже дерёмся иногда. Не друзья, но и не враги. Так, что-то среднеприятельское.

Фёклу я, конечно, слушать не стал и первым делом забрался на вишню. Аккурат под Валюхиными окнами. Снизу ягоды были ещё зелёными, но те, что наверху, уже алели гладкими бочками. Я пополз к краю ветки: там вишни прямо краснющие. Ветка задрожала, и я вместе с ней, как начинающий эквилибрист. Ух, страшно.

«Кто не рискует, тот Таня», — напомнил я себе любимое Жекино изречение. Кто такая — эта Таня, я не знал, но быть на неё похожим не хотел уже заранее. Опираясь на одну руку, я вытянул другую, дрожащую, и что было силы дёрнул ягодную горсть вперемешку с листьями.

Только я намерился запихнуть добычу в карман, как вдруг где-то рядом хлопнула форточка. Среди вишнёвой зелени замелькало красное пятно.

«Валюха!» — мелькнула у меня шальная мысль, и сердце заколотилось громко-громко. То ли от испуга, то ли от предвкушения надвигающейся опасности в лице краснокожей Валюхи. Это наша соседка. Она же тётя Валя, она же Валюшенция, она же Валя фон Штирлиц. Прозвища мы придумали на пару с Фёклой. Ну, я, конечно, в большей степени. Просто у меня с фантазией перебор — вот и приходится её как-то расходовать.

Вообще, тётя Валя была белокожей, ну, может, местами розовой. Но вот лицо! Мы всё мечтали с пацанами, как летом соберёмся поиграть в индейцев и предложим ей главную роль Чингачкука. Жаль, что все разъехались.

— Кто это там шебуршит? — завизжало у меня над ухом. Я прижался к ветке и затаился, словно ниндзя, но бдительный Чингачкук Валюха всё равно меня заметила. — Севка, ты, что ли?

Она вдруг засунула лицо обратно в форточку.

«Швах!» Не успел я обрадоваться, как оттуда вдруг высунулась рука со шваброй и принялась яростно молотить по несчастной вишне.

— Ах ты паршицев! — листья летели во все стороны, а она всё лупила по ним, словно хотела сорвать побольше для какого-нибудь школьного гербария. Но я-то знал: Валюха задумала снять с меня скальп.

Поэтому я сразу плюнул на гордость, спрыгнул на землю и задал такого стрекача — будь здоров!

Вслед мне летели вишнёвые листья и неразборчивые проклятия. Видимо, индейские.

Забежав за поворот, я отдышался, как следует, и только потом заметил дыру на одной из штанин. У меня неприятно заныло под ложечкой.

«Фёкла с меня шкуру сдерёт!» — подумал я с нарастающей тоской. И ведь не объяснишь ей никак, что на мне лежит древнее проклятье». В прошлый раз было так:

— Хватит выдумывать, — разозлилась она в ответ на моё шокирующее признание. — Опять по кустам шастал?

Поначалу я горячо отстаивал свои права заколдованного:

— Ты не понимаешь. Я обречён портить новые вещи, стоит мне только к ним прикоснуться!

Фёкла поджала губы, я трагически замолчал, но потом завёл снова:

— И старые тоже, когда у меня случаются обострения. Как у тебя с гастритом.

Вместо того чтобы посочувствовать, она почему-то рассвирепела:

— Я тебе сейчас покажу обострение! — и отвесила мне крепкую затрещину, от которой потом ухо горело так, словно его припекли утюгом.

Униженный такой несправедливостью, я целый вечер прятался за шторой на подоконнике и даже объявил голодовку. Правда продержался недолго.

После трёх кусков хлеба с майонезом, который я под покровом ночи стащил из холодильника, у меня так заболел живот, что только одно и оставалось — звать Фёклу на помощь. Так мы в итоге и помирились.

Потом, конечно, она мне это ещё припомнила. Пригрозила даже:

— Ещё раз порвёшь, я латать не стану! Ходи весь в дырах, как нищий.

Тоже мне угроза! Подумаешь! Сейчас такое даже модно. В смысле дыры, а не нищие. Хотя это ещё не точно.

И всё-таки домой мне идти расхотелось. Я с сомнением посмотрел на дыру и решил оттянуть неизбежное: «Поброжу ещё часок, а потом пойду».

Я решил завернуть на речку, прогуляться по кисельному берегу. Вообще, никакая это была не речка, а обычное водохранилище, в которое местный завод сливал ядовитые отходы. Вся набережная была усажена табличками «Купаться и ловить рыбу строго запрещено!». Но наши дворовые всё равно купались. А дядя Коля, Валюхин муж, прошлой зимой выловил оттуда гигантскую щуку. Ух и здоровенная была!

— Все мужики в осадок выпали! — рассказывал нам дядя Коля, пока Валюха отпиливала от щуки кусок нам «к праздникам».

А Фёкла возьми да и заяви:

— Сами своего монстра ешьте. Буду я ещё дитё радиацией травить.

А дядя Коля ей, мол:

— Ты, Пална, в пузырь не лезь. Дарёному коню того это — зубы не считают!

— Не смотрят, — поправила его Валюха. Она была учительницей. — В зубы коню не смотрят.

Но дядя Коля и усом не повёл. Потому что жена ему в принципе не указ. Так, друг человека.

— Бери-бери, Пална, — настаивал дядя Коля. — Отличная щука, говорю тебе. Качественная!

Пришлось взять. Фёкла тот кусок потом в семи водах вымачивала, чтобы радиацию вывести. Не доверяла она дяде Коле, как всем мужикам. Ну а из шуки мы котлет нажарили. Я попробовал и выплюнул — не котлеты, а один живой лук. И вот как с ней бороться?

Я уже дошёл до речки, когда вдруг вспомнил, что мне это строго запрещено.

«Не гойсай по реке! Сиганёшь с обрыва, и ты — следов не найдут!» — стращала меня Фёкла.

Она бы меня ещё козой рогатой поугала. Ей-Богу, будто я маленький.

Я свернул к обрыву. Вообще, мы с пацанами говорим не обрыв, а утёс, потому что так звучит солиднее. Пиратский утёс — ну круто же. Мы все мечтаем, как однажды это станет нашим тайным местом, где можно будет собираться, палить береговые костры и прятать клады. Пока что утёс — это тайное место старшеклассников: они там всё время отвисают. А мы за ними следим из засады и по ходу разрабатываем стратегию захвата вражеских земель.

На утёсе было пусто. Оно и понятно: кому здесь быть, кроме меня. Лето же! Я уселся на колючую траву, выпеченную солнцем, и от нечего делать стал бросать вниз камешки. А они такие «хлёк-хлёк», ну точно как жабы. Я жаб просто на дух не выношу: они противные. А вот маленькие лягушки мне нравятся. Мы как-то с Жекой словили парочку, посадили в банку и ко мне притащили. Жека сказал:

— Сейчас мы с тобой лягушачью ферму забабахаем! — и побежал домой за клеткой. В ней раньше его попугай жил, а потом улетел в форточку — на вольные хлеба. Вот Жека и придумал клетку под лягушачий вольер приспособить. Мы им ещё горку спроектировали — закачаешься! Настоящий лягушечий парк развлечений получился. Жека снова сказал:

— Лягушачья икра сейчас знаешь, как ценится! Её можно ресторанам продавать за большие деньги.

Я в такую чушь, конечно, не поверил.

— Смешно! — говорю. — Я бы такую гадость и бесплатно есть не стал. А ты говоришь — в ресторане!

Но Жека уже загорелся не на шутку. Его прямо разрывало от идей.

— Мы её в корбочках специальных поставлять будем, как деликатес. А сбоку ещё такую надпись сделаем. Ну, знаешь: «мэйд ин франсе»?

— Чего? — у меня, наверное, брови на затылок съехали.

— Чего-чего, — буркнул Жека. — Сделано во Франции, говорю.

И тут я в Жеку поверил. Всё-таки он человек толковый — в школе английский изучает. А я только немецкий, и то из-под палки. В общем, заразился я Жекиным энтузиазмом ого-го как! И стал ему идеи подкидывать: как поильники правильно установить, чтобы лягушки от жажды не высохли и качество икры не пострадало.

— Как разбогатею, я себе гироскутер куплю, — размечтался Жека. — Стальной такой, с обводами и рубчиками на руле. И чтобы с ионным аккумулятором обязательно, ну, ты понимаешь.

— Ага, — сказал я, — круто.

Особенно мне про аккумулятор понравилось. Что тут может быть непонятного, если у меня даже велика своего нет?! А вообще я к этому вопросу относился философски. Ну, нет и нет. Но на всякий случай тоже размечтался:

— А я тогда велосипед с багажником куплю. И кроссовки на воздушной подушке. Зелёные!

Потом подумал: «Гулять так гулять!» — и добавил к кроссовкам шапку для Фёклы, которую мы в гипермаркете видели. Там одна пушистая была, а другая с каким-то жутким хвостом. Вот об этой она вообще всю жизнь мечтала!

Мы доделали поильники и стали думать, как нам эту икру на поток поставить, чтобы побольше денег заработать. Но тут, как назло, Фёкла с работы вернулась и всё испортила.

— Чтобы я в своём доме больше этих амфибий не видела! — сказала она, как отрезала. Весь бизнес нам поломала.

Вообще, если так разобраться, Фёкла мало что мне разрешала. Я вдруг разозлился не на шутку, перебирая в уме все эти её «нельзя». То нельзя, это нельзя. Словно я какой-то Буратино безропотный.

«Твоим шальным генам нужна строгая рука, — убеждала меня Фёкла. — А лучше ремень».

Ремень висел в шкафу на самом видном месте. Там ещё только надписи не хватало: «С горячим приветом от Фёклы». Это чтобы мы с моими генами не расслаблялись.

Маленьким я всё никак не мог понять, кто они такие — эти гены, и почему я виноват в том, что они шальные, а не послушные, как чужие дети. Однажды мне даже приснился сон, где озверевшие крокодилы прибежали из зоопарка прямо к нам в квартиру и съели все наши галоши. Я так испугался, что, проснувшись, тут же рассказал обо всём Фёкле. А она стала смеяться, как бешеная, и объяснила, что гены — это что-то вроде характера, который передаётся по наследству. Потом, уже постарше, я посмотрел передачу про строение человеческого организма, и всё окончательно прояснилось. Я понял, что, хоть мои родители меня и бросили, какие-то части их тел остались во мне навсегда. Ну, там, руки, глаза, пальцы. Я иногда смотрел на себя в зеркало и думал: «Раз у меня уши лопухие, то, наверное, папины. А если волосы — белые и кудрявые, как у девчонки, значит — мамины. Потом я вообще перестал об этом думать: и про уши, и про волосы, и про родителей. Просто забыл о них раз и навсегда, как отрезал. Словно их никогда и не было вместе с шальными генами под кроватью и ремнём в шкафу. Фёкла им, кстати говоря, так ни разу и не воспользовалась.

Я вдруг почувствовал, как меня не на шутку затопила нежность. Всё-таки она у меня хорошая. А её фирменные пироги — так вообще — с ума сойти мож-

но! Не то что у Валюхи. Эта как напечёт — зуб не вбить. Не пирог, а лямец. А Фёклины всегда знатные. У неё вообще руки золотые. С виду такие шершавые, все в мозолях, а на ощупь — мягкие.

Я вдруг вскочил и кааак припустил к дому: так мне вдруг захотелось обняться с её руками. Еле прибежал, запыхался.

Возле подъезда стоял дядя Коля и курил. Валюха его съесть готова была за эти сигареты: до того они были вонючие. А мне, наоборот, нравилось, как они пахнут.

Я остановился возле дяди Коли, чтобы немного подышать сигаретным дымом, и деловито спросил:

— Дядь Коль, не подскажите, который час?

Ну, чтобы он понял, что мы на равных. Я заметил, если взрослых спрашиваешь: «А сколько времени?» — они смотрят на тебя пренебрежительно, как на ребёнка. И отвечают нехотя. Но стоит спросить: «Не подскажите, который час?» — и тебе говорят: «Без пятнадцати девять». Вот как дядя Коля сейчас.

Меня вдруг словно током шарахнуло. У нас же с Фёклой пожизненный договор: «Не позже восьми!»

Я бросился к лифту, а дядя Коля крикнул мне вслед:

— Попридержи-ка лифт, Севка. Вместе поедем.

Я забежал в кабину и подставил ногу, чтобы двери не закрылись, но дядя Коля, как назло, не спешил, смачно втягивал дым, чем бесил меня ещё больше. У меня же на счету каждая секунда, а он тут, понимаешь, жизнью наслаждается.

— Ну всё, теперь можно ехать! — дядя Коля наконец бросил бычок в урну. Подъезд у нас культурный, никто не мусорит. Он зашёл в лифт, и мы поехали.

— Ну что, как жизнь молодая? — спросил дядя Коля где-то между вторым и третьим этажом. Я выдал что-то нечленораздельное:

— Ааа-эээр-маль-но.

Это потому что я был сам не свой от всей этой ситуации.

— А чего такой кислый? — не отставал сосед. — Натворил что?

— Про ужин забыл, опоздал, — поделился я. — Фёкла меня теперь вместе с супом съест.

— Ы-ы-ы, экий ты забейда! — развеселился дядя Коля. — Ну, помуржит чуток, с кем не бывает! Бабы, они такие. Если кричат, значит, любят.

И тут лифт остановился. Приехали.

— Ты давай, брат, держись! — подмигнул мне сосед и дружески хлопнул по спине так, что я чуть носом в пол не зарылся.

Может, я и наивный, но до последнего надеялся, что он зайдёт к нам и как-то разрядит обстановку. Но нет — дядя Коля направился к своей двери. Ну а я пошёл к своей. Осторожно повернул ключ и шмыгнул в прихожую. В квартире была тихо. Я потоптался с минуту на коврике, ожидая, когда Фёкла выпрыгнет в коридор и закатит мне сцену, но так и не дождался. И вот тогда я понял: «Что-то случилось».

Глава 2

Наверное, я понял это ещё до того, как оказался в квартире. Просто не сразу осознал. Запах супа — вот в чём было дело. Когда Фёкла варила суп, запах стоял на все девять этажей. У меня по этому поводу даже возник ритуал: поднимаясь с первого на девятый, где мы жили, гадать, с чем сегодня первое — с грибами, тушёнкой или яйцами. Эти я просто видеть не могу, так же как и лук. А вот суп люблю. Поэтому мы его и едим каждый день, а иногда даже вечером.

Но супом в этом раз и не пахло. Зато пахло лекарствами. Сильно, на всю квартиру. Я на цыпочках прошёл по коридору и заглянул в комнату. Она лежала на диване, вытянув руки, как солдат. В углу орало радио, но Фёкле это нисколько не беспокоило: она безмятежно спала. Так я сначала подумал, пока не увидел её лицо. Обычно оно у неё, спящей, было уморительным. С раздувающимися щеками и губа-

ми-трубочками. Фёкла ещё так смешно ими делала: «Фьють-фьють».

Сейчас лицо было ровным и гладким, словно растянутым к ушам. Как у пластиковой куклы. Я с опаской посмотрел на её живот. Вспомнил Жеку.

Я, — говорил он, — своих по ночам проверяю. А то мало ли что? Подхожу и кладу голову на живот сначала маме, потом папе. Если живот двигается, значит, всё хорошо. Можно спать спокойно».

Я тоже решил попробовать. Но Фёкла тогда проснулась и дала мне такой нагоняй — мало не покажется. Сказала, что я её своими экспериментами в гроб вгоню. Я пообещал, что такое больше не повторится. И сдержал бы слово, но это странное лицо! Мне прямо-таки приспичило убедиться, что всё хорошо.

Я встал на корточки и приложился щекой к её животу. Пуговицы халата больно впились мне в кожу. Я сидел, не дыша, с волнением ожидая, когда зашевелится Фёклин живот. Но он был мягким и неподвижным.

И тогда я понял, что это у неё не сон. Там было другое. Не страшное. Скорее жутко странное. Я сидел, как загипнотизированный, и смотрел на Фёклу. А потом встал и пошёл. И вот тут случилась странность. Я вроде шёл, но не чувствовал этого — прямо как в бассейне. Казалось, что двигается только туловище, а ноги стоят на месте и просто тянутся вслед за ним, как резиновые.

Каким-то чудом я всё-таки добрался до Валюхиной двери и позвонил. На ноги я не смотрел, чтобы, чего доброго, не сбрендить. Вдруг они и правда остались там, в квартире, а я тут такой просто растянулся на несколько метров, как жевательный монстр. Ага, пришелец по имени Дирил с ароматом яблока.

— Севка, что? Опять сахар закончился? — Валюха с явным неудовольствием открыла дверь. Наверное, у неё там сериал был в самом разгаре.

Я стоял и не мог вымолвить ни слова. А она как посмотрела на меня, так и ахнула.

— Что с твоими ногами?

Тут уж я не выдержал и глянул вниз.

Ноги были на месте, только босые. У меня вдруг дёрнулось сердце. Так резко, словно по нему кто-то хорошенько двинул со стороны спины.

— Ты с ума сошёл — голяком бегать! — Валюха отодвинула меня в сторону и двинулась к нам в квартиру.

— Феклуня, — донеслось до меня издалека. — Ты за своим вообще смотришь? Вон, с голыми ногами по бетону лётает.

Она что-то бурчала, а я стоял и слушал, но ничего не мог разобрать. Сердце грохотало у меня в ушах, как неисправный мотор.

«Ой, мамочки!» — всё-таки уловил я. Что и говорить, визжала Валюха громче любого мотора. Она выбежала в коридор. Лицо — белое, глаза — выпученные, а шея — мокрая, словно её только что облили водой.

— Давай-ка сюда, миленький, — она схватила меня за руку и, протащив через узкую прихожую в кухню, толкнула на диван.

— Ты есть хочешь? — нервно спросила Валюха. Голос у неё был визгливым до невозможности. — Поди ж, голодный?

Я молча кивнул.

— Миленький мой, миленький, — она забежала по кухне взад-вперёд, потом схватила нож и принялась кромсать батон.

— На-ка вот, поешь, — блюдечко с маслом чуть не врезалось мне в щёку.

Я сидел, как истукан, и бездумно таращился на батон. Он был нарезан толстыми и неровными ломтями. Валюха подвинула мне дымящуюся кружку.

— Чай только заварила. Пей смело: я не трогала.

Она вдруг погладила меня по голове.

— Ты пока поешь, а я сейчас, — и Валюха чуть ли не бегом понеслась из кухни в прихожую, где дядя Коля с кем-то громко разговаривал по телефону.

Я взял кусок батона и стал жевать, ничем не намазывая. Один, второй, третий.

Когда Валюха снова появилась в кухне, я как раз доедал масло, слизывая его прямо с ножа.

— Батюшки, — она испуганно моргнула. — Ты что же это весь батон съел?

Я молча кивнул.

— Горе-то какое, — всхлипнула Валюха и тут же: — Ну ничего-ничего. Коля потом в магазин сходит.

Я так и не понял: в чём горе-то? Подумаешь, батон! Мне вдруг стало тошно от всего этого — не передать как. Я вскочил, чтобы убежать к себе домой, к Фёкле, пусть она там и лежит... такая, но Валюха преградила мне путь. И снова погладила по голове:

— Бедный ребёнок. Может, кефирчику тебе налить, попьёшь?

Я помотал головой, и меня вдруг вырвало прямо ей на передник.

От неожиданности ко мне вдруг вернулся голос:

— Простите, тётъ Валь. Я не специально.

— Ну что ты, что ты! — она подцепила пальцами передник и стащила его через голову. — Это у тебя от волнения.

Валюха в третий раз погладила меня по голове. Сколько можно вообще!

— Иди вон с Маринкой фильм посмотри, пока мы тут... — она тяжело вздохнула.

Я хотел спросить её и не мог. Стоял и беспомощно хлопал ртом, как рыба. Я хотел спросить про Фёклу, но чувствовал, что если спрошу сейчас, вот в эту самую минуту, то услышу что-то невыносимо ужасное. Поэтому я отвернулся и пошёл к Маринке в комнату.

Она валялась на диване и смотрела какую-то сладкоречивую мелодраму.

«Ах, Джон. Только не покидай меня, дорогой!» — причитала на экране кудрявая тётка.

Тьфу ты! У меня от всего этого сахара прямо зубы свело. Я молча сел в кресло рядом с Маринкой, ста-

раясь не смотреть в её сторону. Но всё равно заметил, как она смотрела на меня во все глаза. Прямо-таки с диким интересом.

Маринка была старше на два года и выше на голову. В прямом смысле. Потому что про голову так можно говорить ещё и тогда, когда имеешь в виду положение в обществе. Тут уж оно у нас с соседями было примерно одинаковым. Средний класс, так сказать. Ну, может, у них чуть повыше. Валюха всё-таки была учительницей. И раз в год ездила вместе с Маринкой на моря. А мы даже бананы — и те всегда брали на акции. Фёкла говорила, что покупать бананы по три рубля — это мещанство.

Фёкла. У меня снова загрохотало в ушах. Я зажмурился.

— Ты как, нормально? — подала голос Маринка. Вид у неё был какой-то плачевный.

— Никак, — мне было неуютно от всего этого. — Может, футбол посмотрим?

Сам не знаю, зачем я это предложил. Футболом я мало интересовался.

— Если хочешь, — Маринка щёлкнула пультом, и пылкая физиономия дорогого Джона наконец исчезла с экрана. А вместо него появилась женская, хохочущая. Я бездумно смотрел на её двигающийся рот и ничего, ничегошеньки не слышал. Я думал лишь о том, что раз Маринка вот так запросто согласилась выключить Джона, значит, случилось не чудо, а самая настоящая беда. До меня дошло наконец.

«Фёкла умерла», — я сказал это про себя, как будто проглотил. Вытолкнул из горла в живот, чтобы никто не услышал. Но и там, в животе, эта страшная мысль не заглохла. Она стучала и колотила по моим рёбрам с такой силой, что я еле сдерживался, чтобы не заорать на всю комнату.

Маринка безостановочно щёлкала пультом. У них было тридцать каналов, но футбол она так и не на-

шла. Поэтому после кругового щёлканья на экран с триумфом вернулся слащавый Джон.

Мне вдруг стало смешно. По-настоящему! Я прямо прыснул со смеху. Сам не знаю — почему.

Маринка вытаращилась на меня, как горный баран на степного. Ну, вроде как с недоумением. Она видно ждала, что я стану рыдать, как её любимчик Джон. Но я не стал.

— Хочешь поговорить? — завела Маринка по новой.

— Нет, — сказал я. — Не хочу, — и закрыл глаза. Я вдруг нестерпимо захотел спать.

Мне снилась Фёкла. Я бежал за ней по длинному коридору и никак не мог догнать. Ноги у меня были ватными, словно без костей.

— Подожди, — кричал я. — Мне страшно.

Но Фёкла неслась вперёд и смеялась, как сумасшедшая.

Я тянул к ней руки и всё кричал, кричал. А она вдруг остановилась, вытащила из кармана горсть вишен и давай швырять в меня по одной. Бросает и хохочет.

— Ты что, совсем сдурела? — я даже обиделся. Вишнёвые снаряды летели мне прямо в лицо. Было больно.

И тут я проснулся. Подушка была вся в красных потёках. Я прямо похолодел весь — подумал, что это вишнёвый сок. А оказалось, что просто губу прокусил нечаянно.

Глава 3

В тот день резко похолодало. Небо затянуло какой-то тоской, похожей на облака вперемешку с туманом.

Я сидел на подоконнике и смотрел то в окно, то на дверь, за которой лежала Фекла. Я хотел зайти туда, посидеть рядом, но около неё всё время выли какие-то бабки. У нас вообще была полная квартира незнакомых людей. Они всё ходили туда-сюда, так, что у меня даже шея заболела следить за их передвижениями. А потом приехал автобус, и дядя Коля скомандовал всем выходить. Тут-то и выяснилось, что у меня нет

ничего тёплого. Оно и понятно. Одежду мы обычно покупали к школе, в конце августа. А сейчас был июнь.

Валюха перерыла весь мой шкаф и не нашла ничего путного. Я уже было вздохнул с облегчением, но нет — в последний момент она всё-таки обнаружила ту самую оранжевую кофту.

— Ну хоть эту надень, — велела она. — Цвет, конечно, специфический, но что делать? Такой холод стоит.

Я попробовал отвертеться:

— Она мне маленькая, не налезет.

Но Валюха бесцеремонно стащила меня с подоконника:

— А ну-ка стань! — и приложила кофту к спине. — Ничего не маленькая, надевай скорее и пошли, всю процессию задерживаем.

— Мне надо в туалет, — заикнулся я без особой надежды. Валюха только вздохнула:

— Иди уже. Да не расслаживайся! Некогда.

Я пошёл сразу в ванную, налил себе воды в стакан и заглянул в зеркало.

Кофта по-прежнему была безнадёжной. А я в ней вообще — боль и слёзы в одном флаконе.

Помню, в марте. Я, как на иголках, ждал Фёклу с работы. Я был на сто, нет, на миллион процентов уверен в том, что сегодня наконец получу телефон. В конце концов, человеку не каждый день исполняется одиннадцать. Это же целое событие. Тут и Фёкла подросла. Пришла такая вся загадочная, сумку к себе прижимает, счастливая.

Я, говорит, тебе подарок принесла. Упадёшь — не встанешь. У меня сердце в горле забилося. Я прямо испугался, что сейчас взорвусь от счастья. Точно телефон. Она же меня знает, как облупленного.

И тут она с этой сумкой ко мне. Походочка ещё такая, лунная. Ну, чисто Майкл Джексон, восставший из ада. Я прямо задрожал весь.

И тут она достаёт ЭТО.

— На, — говорит, — примерь, а то я сейчас в обморок упаду от нетерпения.

Я хотел сказать, что это я сейчас в обморок упаду, только от ужаса. Но не смог. У меня просто дыхание перехватило.

А Фёкла всё приговаривает:

— Примерь, примерь. Не стесняйся. Тут ещё, гляди, жираф какой! Я думала, это апликация, а он, оказывается, вышитый. Сто лет носить будешь и то не сносишь!

Я как представил себе, что эта кофта ещё и моим правнукам достанется, так мне вообще жить расхотелось. Но взял, конечно, подарочек. А куда было деваться? Видно же, что она старалась.

Сама кофта была ещё ничего. Но жираф — это нечто. Хотя нет, это Фёкла — нечто, раз она до такого додумалась. Человеку одиннадцать лет, а она его жирафиком поздравляет. Меня вдруг такая обида захлестнула — не передать.

«Ты бы мне ещё совок с лопаткой подарила, — думаю. — Был бы тогда полный набор — дурачок на выселках».

Вечером мы с Жекой в кино собрались. Я дождался, пока Фёкла за сериал усядется, и рванул к двери:

— Ну, я пошёл, не провожай меня. (Ага, как же!)

Она, прямо как истребитель, из комнаты вылетела. Небось, сидела там, ждала своего звёздного часа.

— Кофту надел? — спрашивает. — На улице холодно.

И знает же, что ничего я не надевал. Может, с телефоном там какое затмение случилось, потому что во всём остальном я у неё — как на ладони.

А мне что? Мне терять уже нечего!

— Надел, — говорю и смотрю на неё честными глазами, как агнец Божий. А Фёкла на меня, как Коломбо, — только одним и, главное, не мигая! А второй глаз, я не понял, куда исчез. Может, она сощурилась.

— Мне в туалет надо, — вспомнил я и пошёл мимо неё прямо в обуви. А Коломбо мне вслед смо-

трит, словно рентгеном просвечивает. Такой «вжик-вжик». Я — жидкий терминатор.

Конечно, ни в какой туалет я не пошёл. Залетел в комнату и давай лихорадочно куртку снимать, кофту натягивать. Вышел, а Фёклы уже и след простыл. Я только подумал, может, снять жирафа, раз такая удача. А она как завопит из кухни:

— Иди уже, чего копаешься? И дверь закрой на два оборота!

Цирк какой-то!

В кино я, конечно, раздеваться не стал — так и пошёл в зал в куртке. Мне Жека говорит:

— Ты чего в куртке-то? Там же адская жарень.

А я ему:

— Что-то меня знобит. Наверное, температура.

Жека мне давай лоб щупать. Ещё, главное, с таким видом важным. Тоже мне, Айболит!

— Вроде холодный, — нащупал Жека. И смотрит на меня с подозрением.

Но я тоже не промах. Говорю:

— У меня так всегда, когда жар. Голова холодная, а ноги горячие. Хочешь потрогать?

Но он не захотел. И мы пошли в зал. Нас там ещё на входе тормознули. Билитёрша.

— Молодой человек, — говорит, — у нас нельзя в верхней одежде. Спуститесь в гардероб.

А Жека ей такой:

— У него жар сильный. Ему без куртки нельзя.

— С жаром нужно дома сидеть, — сказала билетёрша, но билеты взяла. И мы пошли на свои места.

Там и правда жара стояла — как в тропиках. У меня вся спина мокрая стала. Я, конечно, сидел в этом мареве, сколько мог, а потом не выдержал и говорю Жеке:

— Я, наверное, домой пойду. Что-то мне совсем худо.

Он головой мотает, мол, не выдумывай.

А я уже просто хрипеть начал: так мне плохо стало.

Жека меня опять за лоб — хватать. И как завопит на весь зал:

— Да у тебя голова как сковорода — горячая. Может, ты уже того это?

Тут я его просто пинать начал, чтобы он меня поскорее выпустил, — чуть сам в проход не вывалился. Ну и побежал со всех ног на воздух, а Жека за мной.

— Я, — говорит, — думал, что у тебя лихорадка денге. Хотел скорую вызывать.

— Дурак ты, Жека, — сказал я. — Лихорадка денге только в южных широтах встречается. Нам это на географии рассказывали.

Так мы кино и не досмотрели. А кофту я потом дома в шкаф спрятал и больше ни разу не надевал, хоть Фёкла и просила.

— Сева, ты что там делаешь? — заколотила в дверь Валюха. Я так испугался, что всю воду из стакана на себя вывернул. Пришлось открывать.

— Я кофту стирал, — зачем-то соврал я, а Валюха так на меня посмотрела, что сразу стало понятно: сто лет мне жить не придётся.

Ну и прекрасно, пусть оставит эту несносную кофту себе. Будет ей родовое проклятие.

— Вот что мне с тобой делать? — Валюха неожиданно всхлинула. — Ты же весь мокрый!

Она чуть ли не в волосы себе вцепилась, демонстрируя отчаяние. Я даже испугался немного: вдруг заплачет? Но Валюха схватила меня за руку и потащила в прихожую. Там стоял огромный стенной шкаф, в который она нырнула с головой и уже через секунду вынырнула обратно с жуткой курткой в руках. Я как глянул на помпоны, сразу понял: наша соседка — прямой потомок викингов. Эти никогда не сдаются!

Ладно, помпоны — это ещё полбеды. Сама куртка — вот где был ужас. Она оказалась огромной, на несколько размеров точно, и к тому же отчаянно женской. Маринкиной.

Алексей Коновалов

г. Самара

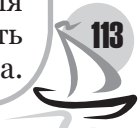
Главный урок жизни

Притча

Мне семьдесят четыре. Для кого-то это много, а мне кажется, что жизнь только начинается. За спиной много чего осталось, но я поднимаюсь на очередную гору. И в этот раз она не метафорична. Я где-то в горах Тибета. Вокруг меня знаменитые восьмитысячники. Знал бы точнее, но карту унёс ветер ещё вчера утром, а к обеду и от проводников след простыл. Что я ищу в этих горах? Сложно сказать. В своей судьбе я получил много ответов на вопросы, но ещё один остался нерешённым...

Нужный мне монах живёт в конце этой тропы. В пещере, как и полагается каждому уважающему себя монаху. Он нелюдим, молчалив и, по слухам, знает ответ на главный вопрос: как жить вечно? Никто не видел его. Никто не поднимался по этой тропе до меня. Но каждый знает эту тропу. Знает, но никто не идёт наверх.

Верю ли я в вечную жизнь? Разумеется, нет. Вечная жизнь — мечта. Несбыточная, утопичная. Для меня это лишь очередная гора, возможность побыть с самим собой. Что ждёт в конце? Да какая разница.

Я должен подняться на эту гору. Некоторые пути стоят того, чтобы их пройти.

В моей жизни есть всё. Я управляющий директор завода, входящего в крупный холдинг. На должности более тридцати лет. Опыт большой настолько, что приходится передавать его более молодым коллегам. Один их которых, возможно, когда-нибудь займёт моё место. Но пока я здесь и иду по этой тропе, уверен: ни у кого и мысли в голове не возникнет о моём уходе. Моё призвание ждёт меня на другом конце света.

Семья? Я был счастлив и счастлив теперь. И не один раз. Сейчас женат на третьей. Она моложе меня на целых тридцать лет, моему старшему сыну столько же. Но она любит меня. Как и я её. Если любовь существует, то я был любим. Любовь ждёт меня под горой. Но не об этом я хотел вам рассказать.

У каждой дороги, каждой тропы, на которую я ступал в своей жизни, есть начало и конец. Конец этой уже виден впереди. Я поднялся на ещё одну гору в своей жизни. Я свеж и полон сил. Я уверен в себе. Меня ждут внизу, но путь ещё не завершён. Как сложен последний шаг, знает только тот, кто сделал свой первый.

Перед входом в пещеру я простоял больше часа, солнце катилось за горизонт, и ветер лишь слегка дул в мою спину, подталкивая войти. Решившись и откинув шкуру быка, я вошёл в пещеру. Монах сидел в её конце и пил чай. Я поклонился, сложив ладони на груди, и попытался было задать свой вопрос:

— Учитель, путь мой был долог...

— Так не спеши с вопросами, садись и выпей чаю, я только взбил его.

Глупо после такого пути было отказываться. Я сел в позу лотоса рядом с учителем и принял пиалу тибетского чая. Отхлебнул терпко солёного напитка и, по традиции, принял его новую порцию. Распитие заняло у нас около часа. Учитель и впрямь был молчалив. Покончив с тсампой* и часуймой**, монах принял под-

* Тсампа — мука из слегка поджаренных ячменных зёрен.

** Часуйма — напиток из чая, молока и масла яка, а также с добавлением соли.

метать пол пещеры, словно меня там и вовсе не было. Мне не осталось ничего другого, как помочь ему...

Так продолжалось около недели, а может, и более. В пещере сложно вести счёт времени. Монах медитировал, готовил чай и подметал пол в пещере. Я всё время был рядом, стараясь не мешать учителю. Годы научили меня: любой, даже не заданный вопрос получит свой ответ. Я привык к распорядку дня и забыл всё, что ждало меня под горой. Любовь, семья, карьера — всё это было так далеко, что и подумать страшно: они остались внизу горы. Мысли очистились, и я, как казалось, был готов учиться. Но учитель лишь улыбался, когда смотрел на меня, подбрасывал сухие лепёшки яка в огонь и мёл пол пещеры.

Это случилось утром. Монах разбудил меня ещё до рассвета и жестом пригласил выйти из пещеры. Солнце ещё не появилось за горизонтом, когда ветер принёс мне речь учителя:

— Ты прошёл долгий путь наверх, но путь вниз будет ещё более долог. Ты терпеливо ждал, не боясь опоздать на главный урок своей жизни. Я верю тебе, пусть ты и не поверишь моему ответу. У тебя будет много времени, чтобы подумать над ним. Всё время отныне будет твоим...

Он замолчал, буквально на секунду, и в этот момент солнце перешагнуло через горы, коснувшись меня первыми лучами, приносящими тепло, озарение и мудрость слов, которые я услышал следом:

— Ты хочешь знать, возможна ли вечная жизнь. Но откуда мне знать? Единственный способ — не умирать...

И он двинулся по тропе вниз горы. Оставив меня одного. Я долго смотрел ему вслед, а потом вернулся в пещеру.

Настанет время, когда мне придётся спуститься с этой горы и вернуться к людям, от которых я так давно ушёл. И тогда я расскажу им всем мудрость, которую смог мне передать монах на этой горе...

Вячеслав Лямкин

г. Бийск

Отпусти его на небо, душа, отпусти...

Главы из повести

Посёлок наш приютился меж двух полосок соснового бора на краю райцентра. Построенный в начале восьмидесятых для работников рыбхоза, тянется он последними домами к свалке, скрытой между пригорком и поймой реки.

В былые времена рыбное хозяйство «гремело» в округе. Но от прежнего здорового пульса жизни не осталось и следа: некогда прибыльное дело во время неразберихи девяностых развалили, растащили «на куски». Людей оставили без дела, землю сдали в аренду фермерам, пруды спустили, технику распродали.

Тихая рутина затянула посёлок. Будоражили однообразную жизнь поселян редкие ныне свадьбы да похороны...

Первой почуяла недоброе по старости лет не ходившая дальше своей лавочки бабка Илясиха.

Приснился ей сон: берёзка склонила ветки к речке Фунтовке, а с листьев, словно слёзы, потекли капельки воды.

Начали соседки гадать: хороший сон или плохой, но Илясиха шепнула:

— Ждите вдову.

Эхом разлетелось бабкино пророчество по посёлку, а через неделю увезли на погост Михаила «Дороги»...

1

Прозвище Михаилу дали мужики: во время гулянок он брал в руки гармошку и, прищурив один глаз, склонив голову к мехам, начинал наигрывать и тихо петь:

*Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Знать не можешь
Доли своей:
Может, крылья сложишь
Посреди степей...*

Песня грустью заполняла сердца людей.

Мария приходила на звук гармошки. Пыталась увести мужа домой. Пальцы Михаила быстрее начинали бегать по кнопочкам, и он проникновенно затягивал:

*Ох ты, Маша, ох, Петровна —
Васильковые глаза,
Далека к тебе дорога,
Жаль, пешком прийти нельзя...*

Мария, уперев руки в бока, на это отвечала:

— Что, коня тебе привезь? Щас, разбежалась. Подымайся!.. Пошли!

Михаил нехотя вставал, долго прощался. А после, следуя за женой, снова начинал насвистывать любимую мелодию, иногда выкрикивая: «Эх, дороги!..»

После сокращения с рыбхоза Михаил, отказавшись от предложения устроиться в райпо на ЗИЛ-130, купил гнедую кобылу и весной пошёл пасти коров.

Осенью или в зимние месяцы на Михаила накатывало уверенное внутреннее побуждение устроить на душе праздник. Выпьет и с улыбочкой, грудь нараспашку, пойдёт по посёлку. Без приглашения забредёт в чужой двор, присядет на крыльцо, закурит сигарету, заведёт беседу...

Кто-то относился к его визитам снисходительно, иногда угощая Михаила стопкой самогонки, а соседка — Татьяна Дымова, боясь загула мужа, прогоняла гостя веником, приговаривая:

— Мишка, паразит! Чего припёрся?! Иди лучше делом займись!

Но если Татьяна для проформы читала нотации, то с новыми соседями Михаил вздорил основательно. Прежние соседи уехали на север. Их половина дома долго пустовала, пока её не купили пенсионеры из города — глухая бабка Валя и важный дед Анатолий. Будешь тут важным: сын — «крутой», на большом джипе к родителям приезжает.

Городские сразу начали наводить свои порядки. Заправлял дед Анатолий. Сделал Михаилу замечание:

— Кто тут строил? Руки ему оторвать!

Михаилу обидно стало: он тоже принимал участие в строительстве. На кране брус подавал.

Вдобавок дед Анатолий помои начал лить на бревенчатую стену стайки, в которой Михаил держал лошадь.

В отместку Михаил посадил у забора хмель. Хмель в лето разросся и перемахнул через двухметровую жердь на сторону соседей.

Дед разозлился. Ругаясь, отправил супругу обстричь выющееся растение. Михаил, заметив соседку, выдрал за баней куст крапивы, подкрался к забору и хлестанул бабку по рукам.

Жил Михаил бескорыстно. Не стремясь к накопительству, с детства познав нужду, отдавал последнее первому встречному.

Часы командирские — память об отце-фронтовике — подарил парню, что остановился помочь ему в морозный зимний вечер поменять проколотое заднее колесо на гружёном ГАЗ-52. Отблагодарил за помощь, сказав:

— Держи, держи, я знаю, они достались хорошему человеку!

В обновке Михаил чувствовал себя неловко и с нетерпением ждал момента облачиться в привычную робу. А новой одеждой мог распорядиться по воле сердца.

Многие Михаила осуждали, говоря, что в нынешнее время надо «бежать за рублём», а кто-то завидовал широте его души, умению легко отдавать, не оглядываясь назад, не задумываясь о завтрашнем дне.

Так бы и жил Михаил некрещёный, со «своей философией», в неутомной жизни, пока вдруг не начал по ночам задыхаться.

По настоянию жены пришлось ездить по больницам. Реже стала звучать «Эх, дороги!», а «Татарская» в его исполнении слышалась с грустинкой, да и другому мелодия не могла звучать, если всю живность свёл со двора. Сил управлять уже не хватало. Продал и лошадь с жеребёнком. Когда приехали покупатели, долго гладил гнедую по белой звёздочке на лбу, стараясь не смотреть в её полные слёз глаза. Она выручала: в пьяном бреду сколько раз заснёт Михаил в санях, а лошадь, понутив морду, привозила его домой, не дав замёрзнуть на морозе. Один год, когда сломалась машина, пришлось на кобыле возить солому с полей, тем самым прокормив коров в зиму. Сведя гнедую со двора, с неделю заливал печаль зелёным змием. Видно, тяжело приходилось, раз решился продать друга.

Долго его не видели. Бабка Илясиха, знающая последние новости на посёлке, говорила, вроде в больнице лежит.

Появился Михаил на Успение.

Весёлый, бравый, полдня бегал по посёлку, со многими поговорил, а когда сосед Иван Дымов пришёл с работы, собрался к нему, но, не дойдя до калитки, упал на землю...

Проводить Михаила в последний путь пришло немало народа — и кто с ним работал, и кто жил рядом, и кто любил, и те, кто судил. Пришла и новая соседка бабка Валя, обрывавшая хмель, принесла тысячу, вложила в руки Марии, оправдываясь: «Я же и не знала, что он у тебя так болел...»

Илясиха, приведённая под руки, долго покряхтывала, наконец потрогала покойного за ноги, чтобы не снился, и сказала: «Мишка добрый был».

По обычаю гроб пронесли по улице, загрузили в пассажирскую «Газель» и увезли на кладбище.

Поминальный обед отвели в столовой. Сейчас многие этим пользуются: удобно, меньше хлопот, только давай по триста рублей за человека. В городах зачастую и домой покойного уже не везут, а прощаются в специальных залах — от новых веяний незаметно угасает искорка того таинства, значимости и основательности, веками копившихся в традициях погребения и поминания.

В сохранении душевности село, деревня — держат последний рубеж, но и здесь засматриваются на город. А пока, и может, к лучшему, найдётся, кто шепнёт на ушко: «Родственникам гроб нельзя нести» — или: «Стойте, вынесут из дома, после пойдёте». И найдётся не боящаяся суеверий женщина, которая помоеет пол после выноса.

С кладбища родные и близкие приехали к Марии домой. Долго сидели за столом в дальнем углу ограды, поминая Михаила. Забежал помянуть сосед Толик Куприянов, не ездивший в столовую, заглянул перехватить стопочку Ростик, пасший в одно время с Михаилом коров.

Посёлок прощался с человеком.

На следующий день дети разъехались. На прощанье дочка обещала приехать на полгода отцу. Мария понимала: с Севера далеко добираться.

На сороковинах к Марии подошла соседка Татьяна.

Накануне видела она во сне покойного Мишу и Андрюху Валенка, сгоревшего полгода назад от спирта.

— Вижу я, Маша, Мишка твой на гармошке играет, а Андрюха Валенок рядом вытанцовывает. Валенок машет мне рукой и говорит: «Танюха, иди с нами потанцуешь!» А я, не поверишь, оцепенела — ни рукой, ни ногой пошевелить не могу. Потом отпустило, я им говорю: «Ладно, ребятки, вы тут посидите, а я пойду, а то корова недоена!» — и проснулась.

— А я его, Тань, вообще не вижу. Приснился бы, улыбнулся или пошутил... Изнывает душа! Покоя не могу найти.

Разбередив душу, Татьяна ушла домой, а Марии на полночи слёз не утереть.

Путру, решив развезься, пришла Мария к бабкам на лавку. Принесла блинов.

— Садись, сердешная! — встретила её Илясиха. — Ну, рассказывай про твоё житьё-бытьё, гостей проводила?

— Вчера уехали! Одна, баб Ань, осталась — реву белугой. Глаз сомкнуть не могу. Тяжко.

— Маяться прекрати! — дала совет Илясиха. — Хорош его слезами заливать. Держишь ты его, Машка, не отпускаешь. Отвлекься надо. Поезжай к сыну в город, поживи!

— Думаешь? — засомневалась Мария. — Что я им там мешаться буду!

— Не к дядьке чужому поедешь, к сыну родному. Чай, не выгонит!

Поразмыслив над словами Илясихи, решила. Позвонила сыну и напросилась. Не предупредила о приезде, а именно просила разрешения:

— Коленька, в гости к вам приеду? Погощу немножко?

— Мам, мы целыми днями на работе, Ритка в школе, а вечером у неё плавание, будешь сидеть в трёх комнатах в телек пялиться! Если горишь желанием, приезжай! А то скажешь — отговариваю!..

После телефонного разговора Мария приступила к приготовлениям. Первым делом пристроила к соседям собаку Тяпку, единственную оставшуюся уличную живность, Татьяне Дымовой наказала поглядывать за домом и кормить иногда кошку.

Слила воду из труб, чтобы не разморозить систему: зиму обещали раннюю. Обвела взглядом покосившийся забор, обнесённый хмелем, баньку в конце огорода с прохудившейся крышей: так и не дошли руки у Михаила до неё. Сыну сколько раз говорила покрыть профлистом, а то совсем сгниёт, но и ему некогда: на работе аврал. Сарайки старые разобрать бы. Попробовала сама, да с дуру только ногу гвоздём пропорола. Как ни крути, а мужская рука необходима. Первое время звала помогать Сергея, мужа сестры Нины. Раз кран потёк — приезжал менял, потом розетку на кухне заменил, а затем и самой неудобно стало надоедать по пустякам. Знала — не откажут, но Сергею и в своём доме дел хватает. Наняла двух мужичков доски старые перепилить, да они в первый же день бензопилу запортачили — заводиться перестала.

В ночь перед отъездом не смогла сомкнуть глаз. Одиночество, как лакмусовая бумага, чётко проявило желание ощутить себя нужной, востребованной, хотелось посвятить себя детям и внукам.

Ветер то стихал, унося в поля неуёмную силу, то заново неистовыми порывами гонял опавшие листья по улице, гулко ударял по старым воротам, терялся в вершинах деревьев, переходя в тихий шёпот.

Постукивал по крыше дождь, приберегая свою мощь пашням и пастбищам, раскинувшимся за околицей.

А Мария думала, правильно ли поступает... Надо ли ехать...

Иконка Божьей Матери из переднего угла святым безмолвием подсказывала: смирение — сильное лекарство.

Мария зажгла перед образами свечку, прочитала молитву и тропарь за усопшего мужа. Но успокоение не пришло...

Кошка, заслышав шорох, оставила нагретое место за печкой.

— Ты чего соскочила! — бросила ей вслед Мария, накинув на плечи пуховую шаль.

Спугнув мелкого мышонка, любимица Симка юркнула в подполье и оттуда пару раз мякнула.

Свеча горела, и Марии казалось, сейчас загремит на кухне посудой Михаил, заваривая крепкий чай...

Вздрыгнула: действительно брякнуло на кухне. Не сразу дошло: кошка залезла на стол...

Она достала из шкафа кофту, в которой последнее время ходил муж, и, уловив родной запах, уткнулась лицом в шерстяную ткань, и разрыдалась.

— Сложно мне жить без тебя, Миша! — в отчаянии шептала Мария. — Что ты наделал? Бросил!.. Оставил одну на старости лет!..

2

На сей раз калитка ударила по-другому. Точно не ветер.

Звякнула защёлка.

Соседка Татьяна, подоив коров, пришла проводить Марию на первый автобус. Присели на дорожку.

— Колька как поживает? Не успела спросить...

— Потихоньку! Сейчас на заводе при хорошей должности. Сноха Маринка там же трудится, только в бухгалтерии. Она его туда и пристроила!

— Дружно живут?

— Я шибко к ним не лезу! Самостоятельные. Нужды не знают — трёхкомнатную квартиру в центре ку-

пили. Машину за полмиллиона позволили. Маринка в шубе ходит. И отдыхать раз в год за границу мотаются. Хорошо у сына, хорошо!..

— Ну и Слава Богу! А мой Андрюха — голь перекатанная, опять на Север собрался! Я ему говорю, устройся в лесхоз и при деле будешь!

В робких сумерках вышли из дому.

— Ты, Петровна, звони! За дом не беспокойся, приглядим. А то и вправду приживёшься на новом месте! В городе-то чего не жить!

— Спасибо, Танюша! Приеду — обязательно позвоню! Не переживай, справлюсь! Ты про кошку, главное, не забудь!..

— Бог с тобой! Иди уж... — перекрестилась Татьяна и помахала рукой.

Ещё раз взглянув в сторону дома, Мария горько вздохнула, смахнула непрошеную слезу и быстрым шагом направилась в сторону автобусной остановки.

Очертания промоченных и потемневших от влаги домов, бань, неуклюжих сараюшек, огородов, окаймлённых зарослями ивы, казались расплывчатыми и, растворяясь в пугающей осенней мгле, превращались в безмолвных чудовищ.

У дамбы, соединяющей две улицы, ветер цеплялся за заброшенную контору, старенькую водонапорную башню, с перебоями снабжающую посёлок водой, детский садик, акционерными проданный под квартиры, полуразрушенные гаражи и кочегарку, клуб с разобранной крышей — признаки некогда процветающего предприятия.

Ржавую остановку осветило фарами. Автобус скрипнул тормозами. Остановился. Дверь открылась.

Мария вошла и устроилась недалеко от входа. Поставив в ноги дорожную сумку, поправила на голове лёгкую беретку.

— Тётъ Маш, далеко собрались? — окликнул её шофёр.

— К сыну, Лёша, еду, в город...

— Надолго?

— Не знаю ещё! — ответила Мария.

На следующей остановке вошли люди. Кто-то помянул ночную стихию:

— Ну и погодка! Всю ночь задувал, чертяка! Рубе-роид со стайки сорвало!

От посёлка до районного автовокзала минут двадцать езды, проехали через лесхоз, забрав ночную смену. По пути пришлось сделать крюк: на просеке ветром повалило дерево.

По дороге мужики начали обсуждать перемены на предприятии.

— В ООО теперь работать будем! Дожились!

— Не говори! Лес в частные руки отдали! Под коммерсантскую пилу! Частнику воля — направо-налево его фуговать! У нас дорога одна: в Казахстан да Китай кругляк прут. Нет чтобы самим перерабатывать.

— А слышали, лесников-то упразднили. Перевели в рабочих по отводу лесосек и тушению лесных пожаров.

— Узнал бы мой дед, какой беспредел творится, уже бы давно с ружьём у конторы стоял! Бывало, зелёную форму с нашивками на воротнике наденет — и почёт ему, и уважение, а теперь чем гордиться? Кушленной за свой счёт камуфляжной спецовкой...

На вокзале народу мало.

Поодаль стояли две иномарки: «бомбилы» набирали людей.

— Место есть до города! Поехали! — предложил водила в серенькой куртке.

Мария покачала головой.

Бомбила, состроив недовольную мину, отошёл, не стал настаивать. И на том спасибо!

Ждать автобус до города оставалось недолго.

Села на проходящий рейс из Романово. Кондуктор резким движением надорвала билет и указала в конец автобуса:

— К окошку садитесь!

Умостив сумку в проходе, она с трудом добралась до места. Полная бабёнка в зелёном драповом пальто, явно ей маловатом, с ярким макияжем и со стёртым на ногтях лаком, пропуская её к окну, буркнула:

— По ногам аккуратней!

Автобус тронулся. Бабёнка, широко расставив ноги, не оставив Марии пространства, разговаривала с женщиной, сидящей впереди.

Мария смотрела в окно. Проехали гостиницу, двухэтажки, заправку, замелькали деревья, и в унисон им далёким прошлым пронеслись перед глазами, как эти сосны, дни её молодости...

Когда не стало мамы, Марии исполнилось четыре годика. Мама умерла после кесарева: врачи оставили в утробе кусок марли, и начался абсцесс. Новорождённую назвали в честь родительницы — Нина.

Отец Пётр Петрович — мужчина видный, начал обустраивать личную жизнь. Женщинам он нравился. Семь мачех побывали у них дома, но подолгу не задерживались.

Первая мачеха очень старалась упечь детей в детдом.

Пётр Петрович вышвырнул её вместе с вещами на улицу, не прожив с ней и года, на прощанье обозначив свою позицию: «Детей никогда не брошу!»

После в его дом переехала тёща — баба Лена и посвятила всю оставшуюся жизнь трём внукам — Маше, Рае и Нине.

Последнюю мачеху Мария невзлюбила пуще остальных: поругавшись с отцом, вздорная Анисья бежала и снимала с девчонок ею сшитые платья.

Отец запомнился строгим и справедливым. Учил Марию отвечать за свои поступки:

— Ты старшая! С тебя спрос вдвойне! — поучал он её. — Но главное — сестёр береги!

Раз досталось ремня. По учёбе нахватала двоек. Не хотела отцу показывать дневник с плохими оценками, завела новый, только с пятёрками. Хороший дневник получился: по математике пятёрки, по русскому пятёрки, по остальным предметам пятёрки. Отец смотрел и нарадоваться не мог, говорил:

— Учись, дочка! В институт неучей не берут! Не учи коровам хвосты крутят.

Может, её проделка и осталась бы в тайне, пока она не перепутала дневники. Классному руководителю сдала на подпись поддельный экземпляр.

Отца вызвали в школу. Придя домой, он молча вытащил ремень из штанов и выпорол, отбив охоту обманывать.

Пётр Петрович работал главным инженером на ремзаводе. Закончивался год, и он, сломав ногу, лёг в больницу. Дело близилось к выздоровлению, когда позвонил директор и слёзно попросил выйти на несколько дней, доделать отчётность. Пётр Петрович согласился — потихоньку мог ходить на костылях.

В обед, решив развеяться от бумажных дел и заодно проверить отгрузку угля детскому дому, проходящую на площадке, прогуливался по территории.

Декабрь выдался студёный, и туман от долго стоявших морозов, казалось, сгущался ещё сильнее. Тракторист Иванчук, замёрзший в накалившейся от холода кабине и потянувшийся за «сугревом», стоявшим у него за сиденьем, не заметил Петра Петровича. Спыхнулся поздно. Не смог остановить технику.

Говорят, судьбу обмануть невозможно...

Казалось, протяни руку, и почерневшая от времени берёза у окна снова станет молоденькой и стройной, а в жизнь вернутся школа, замужество, рождение детей, но прошло время...

Вместо девчушки с осиной талией, звонким голосом и озорным взглядом в дребезжащем стекле пропахнувшего солярой старенького автобуса смотрит на

неё женщина лет шестидесяти, угловатая, неказистая, с потухшим взглядом.

Сколько Мария себя помнит, никогда не сидела в праздности. Возвращалась в поздний час с работы из магазина и находила занятия: готовила ужин, спешила подоить коров, напоить телят, полола грядки, стирала. Отдавая последние силы семье, не замечала усталости, ускользящей молодости.

За внешним видом, конечно, следила — даже Жданку встречать пойдёт, на скорую руку карандашом глаза намалюет, ресницы подкрасит, в галоши прыгнет и к дамбе, встречать стадо. Раз в центр редко выбиралась, хоть на посёлке ходить не зачухонкой...

Отодвинув занавеску, Мария рассматривала мелькавшие мимо многоэтажные дома, торговые центры, автомобильные салоны, горожан, спешащих по делам. Давно не ездила в город, а он изменился...

— Эй, женщина, вы меня слышите? — бабёнка в зелёном пальто толкала её в плечо. — Конечная. С вами ничего не случилось? А то бледная вы какая-то! Вам помочь?

— Задремала, видно... Спасибо! Не беспокойтесь.

Бабёнка, подхватив два тяжелых баула, «выпала» из автобуса. В сумках звякнули банки.

Мария вышла следом. Несколько мгновений они стояли молча, определяя дальнейший путь.

— Вам куда? — машинально спросила Мария.

— На улицу Крупскую. К общагам.

— Нам немного по пути. Давайте вашу сумку. С одной стороны возьмусь. А вы с другой!

Вышли с автовокзала.

Город встретил шумом, непривычной суетой, рёвом автомобилей. Накрапывал дождь.

Поравнялись с киоском, где продавали беляши и чебуреки.

— Меня Люда зовут! — новая знакомая поставила сумки на тротуар.

Мария тоже представилась.

— Слушай, постой минутку?! Покарауль, я мигом! — попросила Люда и направилась к киоску.

Марию сзади окликнули.

Она обернулась — перед ней стоял мальчишка цыганёнок. Он протянул вперёд руки лодочкой.

— Тётенька, дайте, сколько не жалко, на хлебушек не хватает!

Жалостливый голосок тронул душу. Она покопалась в карманах плаща, сыпанула мелочи в ладони, и мальчишка исчез в толпе.

— Шныряют тут всякие! — бурчала Люда, держа в руках горячий чебурек и пластиковый стаканчик с кофе «три в одном». — Пускай идут работать! Лоботрясы.

— На хлеб не жалко! — попыталась оправдаться Мария, но уже жалела о поступке: на убывающую луну не подают.

— Нечего их поваживать. Ты думаешь, он хлебушек купит? Фигу с маслом! Вон побежал, сигареты в киоске поштучно возьмёт или «чупа-чупс» — сосалку эту нехристианскую! — Люда умостила на сумки и приступила к поеданию чебурека.

Заметив неодобряющий взгляд спутницы, пояснила:

— Сахарный у меня. Иной раз ничё... А иногда затрясёт, в глазах потемнеет, хоть стой, хоть падай! Обязательно надо чего-нибудь перекусить. У меня тётка с аппаратом ходит, которым сахар в крови меряют. Упал уровень — сразу за стол, а иначе не выжить!

— На Крупскую-то к кому? — поинтересовалась Мария.

Жирный сок капнул Люде на штаны, тесно облегающие полные ляжки.

— Дочка старшая в педу учится, — она попробовала затереть следы от капель салфеткой. — На учителя начальных классов. Провиант ей везу. Да денюжат маленько подкинуть. А то аж в середине августа уехала, домой больше не приезжала. Только по телефону говорим... Их у меня, вообще, четверо. Две девчонки ещё и пацан...

Люда, швыркая, обжигалась горячим напитком.

— А ты чё тут?

— Родных приехала навестить...

— Хорошее дело! С родными нужно связь держать. А то вдруг денег придётся занять... ха-ха. Чё смотришь? Смех смехом, а шуба кверху мехом. Вон у Васьки моего брат в Новосибирске живёт, бизнес у него свой! Два раза — на день рожденья и на Новый год созвонятся, и то ладно! А я ему говорила, звони, в гости зови, общайся, вдруг пригодится! И что ты думаешь? Верке поступать, у неё бал по ЕГЭ средний, ну, я и говорю своему, звони брату, у него, мол, связи в комитете образования. Ну, и завертелось, нам потом с районной администрации позвонили, говорят, приходите, вам целевое направление предоставим...

— Трудно с четырьмя-то? Время нелёгкое... — спросила Мария.

— Ничего, справляемся потихоньку. Скотиной обзавелись. Хорошо, мой на тракторе работает. Сена привезёт, соломы. В лето кормим, в зиму колем. Кого на еду, кого на продажу... Слушай, подожди минутку: я в кустики отойду, а то чувствую — не дойду... — засуетилась Люда и, вручив Марии недопитый напиток, нырнула в проулок.

Мария разглядывала мемориал, когда к ней, выйдя с привокзального рынка, подошла цыганка.

— Ай, дорогуша, вижу, горе у тебя! За пятьсот рублей всю правду скажу!

Молоденькая цыганка сверлила её острым взглядом.

Розовая бумажка машинально оказалась в руках Марии и тут же скрылась в чёрной куртке гадалки.

После цыганка приблизила руку Марии к себе.

— Вижу, дальняя дорога тебя ждёт! Неприятностей много! Дом ты продала. Денег заняла мужчине... Высокий такой! Возвращать не хочет! Пятьсот рублей надо! Сделаю так: завтра же принесёт обратно!

Ещё одна розовая купюра с изображением Архангельска скрылась в кармане кожаной куртки.

«Надо же, какая сердобольная женщина, — думала Мария, — сразу увидела, что у меня на душе!»

Марии казалось, что она рассказывает ей про её Мишу.

Цыганка же водила своей шершавой рукой по ладони Марии и не отпускала взгляд.

— Будет тебе туз козырный! — вещала цыганка. — Удача тебя ждёт! Самое главное — не спугнуть её! Ждёт тебя прибыль в конце недели. Приманить надо. Для этого тысячу не пожалей! Троекратно вернётся тебе твоя щедрость!

Купюра с изображением Ярослава исчезла в руках цыганки.

Но вдруг лицо гадалки исказило неприятной гримасой. До Марии донёлся, словно издали, голос Люды, она ругалась на какую-то чуму.

— Ах ты чума страшная! — Люда, ещё со стороны увидев картину выуживания денег, на ходу скинув с себя пальто, начала хлестать им цыганку. — Подзаработать решила! Как-нибудь проживём без твоих гаданий! Изыди, нечистая!

Ворожея отскочила в сторону, ошарашенная появлением Люды.

— Прокляну! Порчу наведу!

— Я те наведу! Я тебе сейчас такую наведу...

Она вцепилась обеими руками в волосы цыганки.

Мария, стоявшая до этого словно в оцепенении, кинулась разнимать рычаще-кричащий клубок из двух женщин, забыв о правиле: двое дерутся — третий лишний... В суматохе Марии досталось по макушке, слетела беретка...

Кое-как удалось оттащить Люду в сторону. Цыганка, плюясь, посылая проклятия, скрылась на территории рынка.

— Чего ты с ней сцепилась? А то, верно, ещё наведёт порчу какую!

— Думаешь, боюсь я её порчи! У нас в соседях цыгане живут. Первое время натерпелись от них. Два

раза коней со двора сводили. Пока я вилами к стенке Яшку не припёрла. Егошняя мне каждый день сулит гадости всякой. Ничего, жива, как видишь! Защита на мне, поэтому я их и не боюсь! А ты чего уши развесила? Много она с тебя вытащила?

— Пустяки! Пойдём, нечего с ними связываться...

— Говорят, Крупская отсюда недалеко? — спросила Люда. — Верка вроде объясняла. Говорит, от вокзала прямо, дорогу перейдёшь, в сторону танка повернуть и на проспект Красногвардейский, кажется...

— Красноармейский, — поправила её Мария, — потом направо за Молодёжной.

— Верка у меня самостоятельная! — не унималась Люда. — С детства к труду приучена. Поступать собралась, я ей сразу сказала: «Доча, езжай! Мы с отцом вытянем твою учёбу! Хоть кто-то у нас с образованием в семье будет!» И младшенькие детки сейчас на неё смотрят, и тоже начали к учёбе интерес проявлять.

В кармане у Марии зазвонил «сотик». Голос сына звучал гулко, взволнованно:

— Мам, ты доехала?! Встретить не могу. На работе занят... Возьми такси!

— Коленька, не беспокойся! Адрес знаю, доберусь. Не переживай! Делай свои дела.

— Кто звонил? Сын? Учится? — поинтересовалась Люда.

— Сынок! Он у меня взрослый! У него семья, работа. Отучился уже. Тоже баулы ему собирала!

За разговорами и дорога показалась короче. Тяжесть сумок не чувствовалась. У общежития Люда спохватилась.

— Слушай, я тебя задерживаю? А то иди, я уж тут справлюсь!

Мария её успокоила.

— Да брось ты! Тут осталось-то.

С новой знакомой немного отвлеклась. Если честно, не хотелось ей, приехав к сыну, находиться в четырёх стенах одной. Николай с Мариной на работе,

внучка, наверное, уже ушла на учёбу, поэтому Мария до последнего оттягивала момент, выжидая время. Да и с Людой было легко общаться, хотя на первый взгляд она ей не понравилась.

— Надо позвонить, спросить. Кажется, первый корпус, — сказала Люда.

Она достала телефон.

— Не отвечает! На парах, наверное. Пойдём, спросим на вахте. Может, без неё пустят?

На улице стоять зябко. Хоть дождик и перестал капать, но от сырости мурашки бежали по коже.

А вахтёрша пила чай.

— Извините! Скажите, дорогуша, Заботину Веру нам надо увидеть! — шумно выдохнула Люда, опустив сумки на кафель.

— А вы кто? — в голосе женщины, на вид немного помладше Марии, проскользнуло недовольство. Отвлекли от приятного момента.

— Мать я родная! Может, поднимусь, подожду её, супчик сварю, а то прибежит с учёбы голодная!

— Сейчас гляну! Заботина. Вера Заботина, — вахтёрша водила ручкой по журналу и вдруг, подняв глаза, сказала: — А она ещё в начале месяца съехала.

— Да не может того быть! Я же с ней на днях разговаривала.

Вахтёрша пожала плечами:

— Без понятия!

— Адрес не оставила? А причину хоть сказала? Почему не выяснили?! У вас ребёнок пропал, а вы без понятия! — возмутилась Люда.

— Женщина, не шумите! Для вас она ребёнок, а к нам взрослые люди приезжают! — вахтёрша приняла серьёзный вид, готовясь принять бой. — Подождите, видите, девушка идёт, вроде с ней в комнате жила, — она обратила внимание на худенькую девчонку, проходящую мимо.

— Настя, постой минутку! Где сейчас Вера Заботина?

У девчонки открытое доброе лицо в конопушках. Видно, врать ещё не научилась, сразу отвела глаза в сторону, заколебалась на мгновения:

— Они с подружкой на квартиру съехали, — залепетала девчущка, — живут в районе ВРЗ, а на работу устроилась в отдел — сотовыми телефонами торговать на Старом базаре.

— В смысле она учёбу бросила?! — Люда обомлела. — Ох, я ей задам! Мне бы только до неё добратся! А мне чесала, мама, дела идут хорошо, педагогика уж сильно нравится...

Люда не совладала с эмоциями. Выругалась смачно, иной мужик постесняется подобное сказать. Но сразу извинилась.

— Можно мы сумки у вас здесь на время оставим? Сегодня или завтра заберём.

Вахтёрша согласилась, предупредив:

— В двадцать ноль-ноль смена происходит. Если не успеете, то спросите у напарницы. Я её предупрежу.

На улице Люда не унималась:

— Ну, и где её искать?! Поехали на базар. Ума не приложу. Может, случилось чего?! А? Скажи твоё мнение?

Мария неоднозначно пожала плечами.

Вышли на проспект, сели в автобус, спросили у кондуктора, на какой остановке лучше выйти.

На Старом базаре многое изменилось. Мария ностальгировала: в девяностых приезжали сюда с детьми покупать одежду и обувь к школе. Прохаживались между торговых палаток. Мария приценивалась, всегда торговалась:

— Если будем брать, двести скинете?..

До сих пор живы ощущения от этих путешествий в город — сродни ожиданию праздника. Особенно радовались ребятишки: не каждый день ездили за обновкой, а если хорошо поторговаться, ещё и на мороженое детям оставалось.

Сейчас Мария оглядывалась по сторонам и удивлялась. Повсюду модные бутики с яркими вывесками.

Люда, с трудом поспевая за своей спутницей, то и дело останавливалась, прикладывая руку к боку. Тяжело дышала, будто загнанная лошадь, но продолжала путь.

В дальнем закутке наткнулись на рекламный плакат «Сотовые телефоны и аксессуары. Ремонт. Обмен».

Зашли в помещение. В одном ряду несколько отделов: в первом продавалась канцелярия, во втором — посуда, в третьем по счёту — телефоны. Дальше тоже отделы, но Мария не обратила на них внимания, а обернулась к Люде, заметившей дочь ещё от входа. Мария успела только негромко сказать:

— Люда, не горячись!

Но тут же была отодвинута в сторону.

Вера — полная противоположность матери: высокая, статная — точно не ожидала увидеть её перед собой:

— Мамуль! Ты?

— А то кто ж! — подбоченясь, Люда встала напротив прилавка. — Красотуля, ничего не хочешь объяснить? Значит, я с полными сумарями за столько вёрст полкаю к дочери родненькой, а она даже на телефон ответить не соизволит. Чего молчишь?!

Вера растерялась, оценив ситуацию, сказала:

— Идите на улицу. Я сейчас.

Закрыв отдел и повесив табличку: «Перерыв тридцать минут», — она вышла за ними.

— Ты сумки в общаге оставила или на вокзале? — спросила у матери.

— В общаге. Хорошо, Мария помогла! Одна бы я сроду не нашла! Город не знаю!

— Поехали, заберём. У меня переночуешь, завтра уедешь.

— Ты мне скажешь, чего случилось? Правду вахтёрша сказала: учёбу бросила?

— Мам... — Вера посмотрела на Марию.

— Да говори уже! Не таись! — Люда остановилась в ожидании ответа. — Ну!..

— Я беременна!

Марии было неловко от того, что стала свидетельницей такого откровенного разговора. Поэтому и шла поодаль попутчиц, преднамеренно замедляя шаг. Но Люда то и дело останавливалась, и расстояние снова сокращалось. И если бы не сумка, за которой нужно было вернуться в общежитие, Мария давно бы оставила новых знакомых наедине.

— Калганом своим надо было думать, а не энным местом, когда в койку ложилась. Презервативы-то знаешь, для чего придумали...

Мария смотрела на Веру и переживала вместе с ней. Девчонка, одетая в лёгкую курточку, то и дело оголявшую поясницу, шла молча.

«Так почки недолго простудить», — думала Мария, невольно слушая не унимающуюся Люду, оставившуюся на трамвайной остановке:

— Кто отец, спрашиваю? Чего молчишь?!

— Матвей... Мы с ним в клубе познакомились... У него иномарка, он делом занимается...

— Тоже мне, нашла перед кем ноги... А Толик как же? Что соседи скажут...

— Мама, хватит!..

— Что мама?! Мама, значит, из последних сил бьётся, дочку в городе учит, а она...

— Я работать буду! Матвей обещал помочь...

— А жениться он не обещал?!

— Если ты переживаешь, что я сяду вам на шею, то не беспокойся. Мне от вас ничего не надо, сама справлюсь! Как-нибудь подниму ребёнка на ноги.

— Сейчас без образования даже полы не берут мыть!

— Я на заочное перевелась...

— Мать честная, и в кого ты у меня уродилась!..

Забрав сумку и распрощавшись с Людой и Верой, Мария дошла до остановки, долго сидела на потёртой изрисованной скамейке, ожидая автобус, и размыш-

ляла, как много таких наивных девчонок, как Вера, приезжают из деревни в город, у них начинается кружиться голова от свободы. Она искренне соперничала Вере и надеялась, что Люда со своим взрывным характером уступит дочери и будет ей помогать. И что всё у них будет хорошо.

После Мария переключилась на себя и думала, чего же ей надо — одиночества или общения, или чего-то другого... Невольно заметила: проходим никакого дела до неё — их не волнует её облик и, более того, состояние души... Безразличие горожан было в диковинку. Снова позвонил сын. Сказала, подъезжает.

К автобусной остановке подошла женщина с двумя ребятишками. Мальчиком и девочкой. Они держались за руки. Девочке лет одиннадцать, мальчишке годика четыре, он, не переставая, капризничал, вырывал руку у сестры. Девочка его одёргивала, морщила носик, крепко держала брата и не отпускала.

«Возраст, когда дети наиболее нуждаются в маме!» — пронеслось у Марии в голове, и она представила взрослых сына и дочь, уехавшую жить на Север. Оставила доченька её одну, свила гнёздышко где-то в чужих краях, видятся они редко, в лучшем случае раз в год. А может, Марии вернулись теперешним одиночеством слова, неоднократно повторявшиеся ей при детях: «Вот выучим вас и для себя с отцом поживём, а то всё на вас тратимся!» Так и получилось: дети выросли, обзавелись своими семьями, и они с Михаилом большую часть времени проводили вдвоём. Живя для себя, стали больше ценить путь, пройденный вместе, но нет-нет да замечала Мария, что с нетерпением ждала звонка дочери или когда приедет сын и привезёт внучку. И вспоминались эти, сейчас кажущиеся глупыми слова, и думалось, как такое могло прийти в голову. Если, не дай Бог, случись какое несчастье, то последние портки отдаст, чтобы помочь детям.

Анна Масленникова

г. Иркутск

Не убий

Главы из повести

— Ноги отрастила, а ума не нажила! Попу сдвинь на меня немного. Ещё. Вот, так хорошо.

Лена никогда не любила гинекологических кресел. Да и кто их любит. Но сегодня в этом кресле было её спасение. Решение проблемы.

Проблеме было шесть недель, и от неё нужно было избавиться как можно скорее. Подружки в университете посоветовали обратиться к Татьяне Павловне Савиной — опытному гинекологу.

И вот она здесь, в этом кабинете. Белоснежные стены, яркое освещение, пахнет спиртом и йодом. Из приоткрытой форточкой сквозит. За окном непогода и хмарь: май выдался дождливым и ветреным.

Лена лежит на кресле. А в Лениной сумке на кушетке лежит коробка трюфелей «Родные просторы». Девчонки сказали, что это любимые конфеты врача.

Наблюдая через широко раздвинутые бёдра за тем, как Савина готовит инструменты — движе-

ния чёткие, отработанные, — Лена думает, какой по счёту будет её коробка. И сколько любимого трюфеля надо съесть, чтобы возненавидеть его. И сколько абортос нужно сделать таким дурочкам, как она, чтобы перестать воспринимать это как нечто необычное, противоестественное, страшное.

— Не передумала?

Белых

Проблемы у Лены начались зимой. Сначала — маленький такой «снежок», потом — целый «снеговик», затем — огромный сугроб и, наконец, необратимая снежная лавина.

Такая метафора Лене очень нравилась. Она вообще любила метафоры. А ещё — олицетворения, оксюмороны и аллитерации. Лена училась на последнем курсе филфака, писала дипломную работу о поэтах Серебряного века и в общем-то вела довольно скучную по современным меркам жизнь. На вечеринки не ходила, пива с однокурсниками не пила (хотя сколько раз звали!). Всё больше по театрам да по музеям.

— Губина, всю жизнь в девках проходишь! — шутили подружки.

Но Лена давно уже не была «девкой». Ещё в одиннадцатом классе она стала женщиной и большой радости от этого, надо признать, не испытала. Всё было как-то быстро, скомканно, неумело. И глупо.

В университете на Лену заглядывались. Но не подходили: слишком красивая, слишком умная и слишком неземная какая-то. Она не особенно страдала от своего одиночества, находя общение с Маяковским или Северяниным более полезным, чем бесконечные чаты в VK.

Жизнь дала сбой в январе. После пар их попросили остаться в аудитории — для встречи с иркутским поэтом Александром Ивановичем Белых. Оппозиционер и скандалист, личность нестандартная, если не сказать одиозная. Как он вообще попал на филфак? И зачем ему разговаривать с юными барышнями?!

Но он почему-то пришёл — бритый наголо, в измененном своём белом костюме, белой рубашке и чёрных очках («чтобы видеть мир в правильном свете»). И говорил — о жизни, о творчестве, о политике. И Лена слушала. И всё никак понять не могла: что в нём не так? Почему, несмотря на всю кажущуюся суровость Белых, она не верит в неё ни на йоту? Александр Иванович снял очки и потёр переносицу. Всё объяснилось: глаза. Голубые и добрые. Таких не бывает у злодеев.

После встречи Лена подошла к поэту задать ещё пару вопросов, а он вдруг пригласил:

— Пойдём вечером кофе пить? Сейчас тороплюсь, а поговорить с умной и красивой девушкой всегда приятно. Особенно если она не разучилась смущаться.

Лена действительно покраснела. Она всегда заливалась краской в самый неподходящий момент. И чем больше корила себя за это, тем ярче пылал румянец.

Падение

— И зачем тебе этот филфак? Писать хочешь? Мне кажется, если человек умеет это делать — он и будет. А нет — так никакие лекции не помогут.

Лена и Александр Иванович сидели в кофейне на Ленина. Электрический камин потрескивал искусственным пламенем. А за окном валил снег. Давно не было такого снежного января в Иркутске. Белых принесли двойной американо, Лене — капучино.

— Сахар?

— Нет, я без сахара.

— Правильно, нечего вкус портить.

— Я раньше стихи писала. А теперь вообще ничего не пишу. Наверное, в науке останусь. В школу идти не хочется.

Они говорили о жизни и творчестве, о судьбе и свободе выбора, о любимых напитках и хороших книгах. Белых давно уже снял свои чёрные очки, «откинул забрало» и стал, как ей казалось, настоящим — голубоглазым и добрым.

Под ложечкой у Лены сосало — как перед экзаменом по литературоведению на первом курсе. И на сердце было как-то и тревожно, и сладко, и страшно.

— Ого! Десятый час уже. Пора. Давай до дому тебя довезу?

— А я в центре живу, на Пятой Армии. Родственники в Москву переехали, попросили посмотреть за квартирой.

— Так провожу давай. Такой красавице опасно гулять одной.

Снега навалило — по колено. И он не думал останавливаться. Шёл и шёл. Хлопьями кружился в свете фонарей.

— А Ленину идёт белый парик! — Александр Иванович кивнул в сторону памятника. Лена улыбнулась.

— Бери меня под руку: скользко.

Они шли по заснеженной улице, продолжая начатый в кофейне разговор. Хорошо было с ним, надёжно. И как-то по-настоящему. И не беда, что он годился ей в отцы. 20 лет — разве это большая разница? «Любви все возрасты покорны».

Она не удивилась, когда возле подъезда он поцеловал её. Это было так естественно, так правильно, так логично. И сама пригласила зайти. Понимая, что не «выпить чаю», хоть и сказала именно так.

Правда

— Ты очень красивая, Лена. С тебя бы картины писать.

Он сидел рядом и разглядывал её обнажённое тело. Лена всё ещё не могла прийти в себя после того, что произошло. Она не знала, что ТАК бывает.

Но разум уже постепенно возвращался: что ты натворила, глупая, зачем ты ему, поматросит и бросит, а ты будешь страдать и сопли лить, что ты вообще знаешь о нём, кто он, чем он живёт, навешал тебе лапши на уши, а ты и растаяла...

Лена с подозрением посмотрела на Александра Ивановича. На Сашу.

— Что? Про семейное положение моё хочешь спросить? Угадал?

Кивнула.

— Ну да, да... Я женат.

— Дети?

— Трое.

— Трое...

— Но ты не думай об этом. Не нужно. Нам же хорошо с тобой, правда? — он потянулся к ней и крепко поцеловал в губы.

Так недотрога и отличница, «тургеневская ба-рышня» за один вечер превратилась в любовницу и разлучницу.

Паук

В детстве, на летних каникулах в деревне у бабушки Лена любила забраться на сеновал, сесть в ворохе сухой травы и смотреть на паутину в углу. Там жил паук — большой, чёрный, жуткий. Расставив свои хитрые сети, он ждал. И Лена ждала.

И муха прилетала, сама. А попав в паутину, начинала испуганно биться. И чем больше трепыхалась, пытаясь выбраться, тем больше запутывалась. Паук сидел в своём углу и наблюдал. И Лена наблюдала. Не пыталась помочь — просто смотрела.

А теперь она сама стала такой мухой.

Трудно было понять природу этого чувства. Чем она его полюбила? Телом? Головой? Сердцем? Пожалуй, именно так, в такой последовательности. И если с первым ещё можно было как-то справиться, со вторым — договориться, то третье было необратимо. Нельзя было отказаться от этого сплава. Лена впервые почувствовала себя женщиной. Умной, красивой, желанной.

«Всё равно любовь моя — тяжкая гиря ведь — висит на тебе, куда ни бежала б» — стихи любимого поэта обрели новый смысл, а дипломная работа разом обесмыслилась. Она была мёртвой, а Лена — живой. И сердце её — живым.

— Саша, ведь это неправильно. Это подло, аморально, гадко.

— Не знаю. Любовь не может быть неправильной. И потом, что такое — мораль?

Паук запутался и сам. Она это ясно видела и понимала, что дальше будет только хуже.

Совесть

— Так, Губина. Ты прекратишь или нет? Сколько можно?

Она смотрела на себя в зеркало и не узнавала. Глаза были зелёные-зелёные — они всегда становились такими, когда она долго плакала, — и смотреть в них было стыдно.

Лена была очень совестливой. С детства. Самую маленькую шалость свою переживала тяжело. Обидев кого-то, плакала больше, чем обиженный. А ещё не умела врать — сразу краснела.

Сейчас совесть встала в ней в полный рост. Соразмерно «шалости», соразмерно обиде, наносимой «ей и им» (она не знала имён ни жены, ни детей и не хотела знать, так было проще), соразмерно лжи, в которую всего за несколько недель превратилась её жизнь.

— Всё хорошо, мама. Нет, почему, нормальный голос. Диплом? Да, пишу, конечно. Да ничего не случилось. Точно говорю. Зачем мне тебя обманывать?

— Пап, прости, что трубку не брала, была в душе. Да, всё в порядке. Нет-нет, просто устала.

— Я пишу третью главу, Ирина Михайловна. Нужно ещё съездить в библиотеку, не достаёт кое-чего. Нет, не переживайте, я сама всё найду.

— Девочки, я не могу после пар остаться. Нужно бежать. Ну что вы, какое свидание? И вовсе не покраснела. Перестаньте!

Решение

— Саша. Мы должны остановиться. Из-за нас страдают люди. И мы страдаем.

Они сидели в кафе в 130-м квартале и пили кофе. Двойной американо — он, капучино — она, как обычно.

— Саша?

Он смотрел на свою чашку и молчал. Кофе остывал.

— У меня нет козырей, ты знаешь. Мне нечего предложить тебе, кроме того, что есть. Ты заслуживаешь большего — это без сомнения. И ты, конечно, рассуждаешь верно.

— Но?

— Но мне почему-то кажется, что у нас не получится вот так просто расстаться. Мы срослись, мы слишком связаны, понимаешь?

Лена понимала. И не понимала тоже. Ей думалось, что это он — взрослый, мудрый и опытный — должен распутать этот узел. Не она.

— Так нельзя. Моя жизнь превратилась в ад, Саша.

— Я не хотел, чтобы так вышло.

— Отпусти меня.

— Я не могу. Ты слишком встроилась в мой мир.

— Но не настолько, чтобы развестись, верно?

— Лена...

Разговор явно зашёл в тупик. Узел не хотел распутываться — его нужно было разрубить.

— Я пойду. Не пиши мне, пожалуйста.

Искушение

Утром Лена проснулась с лёгким сердцем, с ощущением верно принятого решения. Больше не нужно лгать, изворачиваться, мучиться.

Телефон непривычно молчал. Она убрала его под подушку.

Пора было браться за диплом: со всеми этими амурными делами она совершенно забросила свою работу. Нужно было загрузить себя как можно больше, чтобы некогда было и думать о нём.

Дописав параграф, Лена вышла на улицу.

Февраль уже пах весной. Снег стал мягким и рыхлым.

На душе тоже было мягко и рыхло.

— Ничего-ничего, это временно. Это нужно пережить. Ты всё правильно сделала.

Она шла по набережной. Успокаивала себя, убеждала. «Рациональная» Лена, конечно, знала, как нужно жить — сегодня был её выход. «Эмоциональная» робко возражала: «Но ведь я люблю его».

Лена продержалась три дня.

Дипломную работу нужно было дополнить интервью с поэтом-практиком.

— Обратись к Белых. Никто лучше него в Иркутске тебе не расскажет о Серебряном веке.

— Совсем никто?

Ирина Михайловна покачала головой. Лена вздохнула и, достав мобильный, начала набирать знакомый номер.

Разговоры о Маяковском, Цветаевой и Блоке были недолгими. После встречи он пошёл проводить. И, конечно, зашёл на чай.

Отчаяние

Лена никогда не была религиозным человеком. В Бога — верила, но все церковные ритуалы претили ей ещё с детства. Тогда после посещения храма она спросила у бабушки, зачем пить кровь Христа, а та велела ей молчать и не богохульствовать.

И она замолчала. И в церковь больше не ходила.

А теперь вот — пошла. Зачем? Она и сама толком не понимала. Ноги привели. В Спасскую, в белую.

В церкви былолюдно. Приближалось время службы. Лена поправила платок, неумело перекрестилась и прошла вглубь. Пахло ладаном и сладкими духами: бабушки часто покупают именно такие.

Лена робко огляделась по сторонам. И почти сразу увидела то, что невольно искала. Христос смотрел на неё с большой иконы справа от алтаря — испытующе, жутко. Она замерла перед этим взглядом и так и не сдвинулась с места.

Началась служба. Батюшка читал молитвы — тягучим, зычным голосом. Люди крестились и кланя-

лись. А Лена так и стояла, как истукан. И смотрела, смотрела, смотрела. И Он — смотрел.

Батюшка прошёл мимо, размахивая кадилом. Голос его звучал откуда-то издалека, в сердце саднило, а голова шла кругом.

— Девушка!

— Оглохла, что ли?

— Девушка!

Лена наконец поняла, что обращаются к ней, и обернулась. Недовольная бабуля укоризненно покачала головой и кивнула назад. Оказалось, все прихожане низко склонились перед батюшкой, одна Лена стояла гордо, во весь рост. Вот в чём было дело. Она нарушила правила.

— Грешница! — фыркнула бабушка.

Конечно, она имела в виду незнание ритуалов, но Лена трактовала по-своему.

— И зачем только такие в храм ходят, прости Господи... — бабуля перекрестилась. — Срамота.

Лена ещё раз посмотрела на Христа. Он отводил глаза, он больше не хотел на неё смотреть. Он не мог ей помочь, не мог её простить. Или не хотел. Всё было зря.

Она вышла из церкви — опустошённая и отчаявшаяся.

Сон

— Знаешь, кто мне сегодня приснился?

Лена лежала на его плече и смотрела на люстру. Пыль. Опять она забыла вытереть пыль.

— Кто?

— Твоя дочка.

— Я разве говорил, что у меня дочка?

— Нет, я же не спрашивала. Значит, угадала. Дочка и... Два сына?

— Да.

Лена закрыла глаза. Те, другие, обретали плоть. С этим надо было справиться.

— Так что тебе приснилось?

— У неё были светлые вьющиеся волосы. Знаешь, как у принцессы, локоны. Она смотрела на меня, тебя

дёргала за рукав и спрашивала: «А кто эта тётя?» Глаза голубые-голубые, как у тебя. Ей лет пять-шесть.

— Удивительно. Почти всё совпало.

— Кроме?

Он ответил не сразу. Высвободил руку, сел на край дивана, повернувшись спиной.

— Кроме возраста. Ей полтора года.

Лена уставилась на Сашину спину. Господи, как любила она эту спину. И как ненавидела её.

Он обернулся, встретил её взгляд.

— Лена? Что с тобой?

— Ничего.

— Что не так?

— Я думаю, тебе пора. Тебя дома ждут. Семья, дети.

Она отвернулась к стене. Плечи вздрогнули.

— Лена.

— Иди.

* * *

Она стояла на табурете и начищала люстру.

— Гад. Урод. Ненавижу. Устроился хорошо как. Жена в декрете, а он нашёл себе дурочку. Молодец, молодец.

Никакой пыли уже не было. Но Лена продолжала тереть люстру. Слёзы капали на халат, на табурет, на пол.

— Нельзя больше. Ненавижу. Ненавижу. Презираю. Бедная женщина. За что ей такое наказание? А детям? Хорош папаша. Бедная девочка. Она ждёт его дома с игрушками-погремушками, а он — тут. Развлекается. Любовь у него. Господи, как же гадко, как мерзко, как подло. «Кто эта тётя?» Дура она, эта тётя. Дура набитая. Ненавижу.

Вечером Лена написала Саше, что уходит. «Мне стыдно перед твоей семьёй. Мне жаль твою жену и твоих детей».

«Прости», — ответил он.

В комнате было светло-светло: начищенная люстра сияла.

Алина Осокина

г. Ульяновск

Волхова

Рассказ

Вой сирен. Машина скорой помощи сворачивает с дороги и подъезжает к торцу дома. Оконное стекло в квартире на первом этаже выбито, на земле валяется горшок с геранью. Рядом переливается огнями, как новогодняя гирлянда, сирена полицейского «бобика».

Открывается дверь скорой, из неё выскакивает молодая миниатюрная женщина в синей куртке, за ней худосочный высокий парень с оранжевым ящиком. Оба скрываются в подъезде.

Женщина первая заходит в открытую дверь квартиры, участковый провожает её на кухню. У разбитого окна стоит стол, на нём пустые бутылки, непотушенные бычки, ветер треплет занавески, табуретка валяется прямо посреди дороги, на полу лежит человек, голова разбита, рядом стекло, кровь. Опоздали. Остаётся лишь диагностировать смерть.

— Обычная драка, бытовуха, — заключил полицейский с некоторой досадой.

Света оформляет необходимые бумаги и спешит на новый вызов. Что-то беспокойная выдалась смена: второй труп подряд. На предыдущем вызове она лишь зафиксировала смерть бабушки, долго и тяжело болевшей, вроде бы ничего особенного, а на душе гадко.

Смерть всегда преследует машину скорой помощи, а иногда бежит впереди, заглядывает в окна: ну что ещё, не пора? Такими страшилками её пугали на станции скорой помощи, когда она совсем молодой девчонкой после интернатуры пришла туда работать. На самом деле смерть попадалась ей на пути не так уж и часто, это сегодня что-то не повезло.

Света пришла работать на скорую помощь три года назад, никакой романтики, просто нужно было зарабатывать деньги, чтобы лечить прикованного параличом к кровати деда. Как врач она прекрасно понимала, что вылечить его уже невозможно, но поддерживать на должном уровне было необходимо. Мама специально ушла на пенсию, чтобы ухаживать за больным, так Света осталась единственной кормилицей.

Отца она никогда не видела, ходили слухи, что это хирург из больницы, у которого мама долго работала операционной медсестрой, но сам потенциальный отец на эти слухи никак не реагировал, а мама повторяла одно и то же:

— Зачем тебе отец: разве со мной и с дедом тебе плохо живётся?

Жилось и правда неплохо, особенно в детстве, когда дед садился играть на баяне, а маленькая белокурая Света в лёгком платьице кружилась рядом и пела:

*Валенки, валенки,
Эх, не подшиты, стареньки,
Валенки да валенки,
Эх, да не подшиты, стареньки.*

Соседки называли Свету «егозой» и «певуньей» и прочили ей будущее артистки. Мама от подобных перспектив всячески открещивалась: «Только артисток нам не хватало». А Света, знай себе, напевала по дороге в детский сад, играя с куклами, и даже во сне что-то мычала себе под нос.

Особенно Света любила вечером выйти в подъезд и затянуть какую-нибудь русскую народную песню, которую эхо разносило с первого и до последнего этажа. Соседи взмолились: «Отдайте девочку в музыкальную школу, пусть себе там поёт, сколько ей хочется! Хватит нас мучить!»

Мама, которая тоже изрядно устала от ежедневных Светиных концертов, посчитала, что наименьшим злом будет отдать девочку в хор. Там каждый день занятия, может, хотя бы там напоётся вдоволь и перестанет терроризировать весь подъезд. Света была только рада: петь ей нравилось больше всего, она чувствовала себя птицей, которая свободно парит над гладью моря, или рыбой, которая в этом же море опускается на неведомую глубину.

Руководитель хора — статная, высокая шатенка лет сорока с низким грудным голосом — внимательно прослушала Свету и заключила: «Голос от бога, но нужно трудиться». И девочка начала заниматься изо всех сил, чтобы не просто сливаться в общем хоре детских голосов, а непременно солировать. Через год она стояла на сцене и высоким чистым голосом пела:

*Слышу голос из прекрасного далёка,
Голос утренний в серебряной росе,
Слышу голос, и манящая дорога
Кружит голову, как в детстве карусель.*

А хор подхватывал:

*Прекрасное далёко, не будь ко мне жестоко,
Не будь ко мне жестоко, жестоко не будь.*

Мама сидела в первом ряду и сдержанно аплодировала, чтобы дочь не задирала нос, а Света с нетер-

пением ждала, когда вернётся домой и они с дедом затынут любимые «Валенки».

Однажды в их город приехал столичный театр, давали оперу «Садко». Мама каким-то невероятным образом достала пригласительный на два лица. Сама она к оперному искусству была равнодушна, но решила показать дочери «настоящих» артистов. Света была очарована спектаклем: красочные декорации, костюмы, голоса.

— Да, это вам не Большой, — скептически шептались в зале заядлые театралы.

Но Света их не слышала, целиком и полностью она была там, на сцене. Казалось, музыка проходит через неё, и вот уже она на берегу Ильмень-озера видит новгородского купца Садко и морскую царевну Волхову, а вот уже она вместе с Любовью тоскует «Ох, знаю я, Садко меня не любит», вот ей навстречу идут заморские купцы. Но все алмазы в каменных пещерах меркли по сравнению с морем, которое разлилось на сцене к пятой картине. Оно, конечно, было бутафорским, да и настоящего моря Света никогда не видела, но это было неважно. Девочку манили сказочные обитатели подводного царства, морские раковины и сама Волхова в белоснежном платье, которое сверкало драгоценными камнями в свете софитов. Сердце Светы замерло, когда Волхова запела колыбельную, ничего лучше девочка в своей жизни ещё не слышала. В тот же миг она поняла, что обязательно станет оперной певицей и однажды выйдет на сцену в этой партии. Ещё Света поняла, что оперные артисты — самые счастливые люди на свете, поют целыми днями, ещё и деньги получают за это.

После окончания спектакля мама насилу увела дочь из театра. Света уходила с твёрдой уверенностью, что однажды вернётся сюда и обязательно будет петь!

Многие престижные вокальные конкурсы остались позади, все педагоги в один голос твердили, что

у Светы талант, и никто не сомневался, что жизнь свою она обязательно свяжет с музыкой. Однако её будущее оказалось не таким уж и прекрасным. Когда Света оканчивала школу, дед тяжело заболел, а потом и вовсе слёг. Мама разрывалась между работой и домом, денег катастрофически не хватало, разумеется, ни о какой музыке речи уже не шло, зато были связи в медицинском институте, и Света без труда поступила на бюджетное отделение, а по ночам подрабатывала санитаркой у мамы в больнице.

Мама была человеком практичным. Она рассудила так: в медицине у дочери всегда будет надёжный кусок хлеба, а у артисток жизнь такая не простая, вот пропадёт голос, и что делать дальше? На что жить? А здесь какая-никакая определённость.

Для Светы это было трагедией, крахом её заветной мечты. Можно было рыдать дни и ночи на пролёт, можно было скопить денег и уехать раз и навсегда учиться в консерваторию, но Света этого делать не стала. Семью она любила больше, чем сцену, и бросить маму с больным дедом не могла. Все её концерты теперь проходили для одного единственного зрителя. Вечером она садилась у постели деда и начинала напевать их любимые «Валенки», а он слушал и пытался улыбнуться, но не мог.

К медицине Света относилась так же, как больные относятся к горьким таблеткам, которые нужно принять и не обязательно любить. Медицина тоже приняла Свету, она с отличием окончила институт, потом интернатуру и пришла на станцию скорой помощи.

Миниатюрная блондинка с мелкими кудряшками, собранными в тугий узел, — никто бы и не догадался, что врач, если бы не синяя куртка. В бригаде их было трое: она, водитель и фельдшер Игорь — двадцатилетний парень, который повсюду следовал за ней с оранжевым ящичком, как верный Санчо Панса.

Через несколько дней совместной работы Света знала о своём напарнике практически всё. После де-

вятого класса Игорь неожиданно воспылал страстной любовью к медицине и выучился на фельдшера, после колледжа загремел в армию, а уже потом пришёл работать на станцию скорой помощи. Он хотел получить высшее образование и несколько раз пытался поступить, но безуспешно. Игоря нельзя было назвать целеустремлённым или надёжным, зато он был коммуникабельным, и это качество иногда в их работе было просто необходимо.

Вызов. У больной диабетом женщины сахарная кома, нужна срочная госпитализация. Тётка весом за сто килограммов. Кто её потащит? Игорь да Света? Просят дочь найти мужиков, чтобы погрузить больную в машину, та бьётся в истерике: «Вам надо — вы и ищите! Вы обязаны! Вы должны!» Игорь бежит в подъезд звать соседей. Через несколько минут появляются трое здоровых мужиков, которые грузят тётку в машину, от дочери ни слова благодарности. Если разобраться, дело не такое уж и сложное, а выполнять его почему-то должен фельдшер.

Света с Игорем выходят из подъезда, под ногами хрустит битое стекло. Садятся в машину. Следующий вызов.

— Притормози у киоска, а то жрать охота, — говорит Игорь водителю.

— Игорь, у нас вызов. Ты с ума сошёл? — вмешивается Света.

— Да ладно тебе, я же быстро. Тормозни-ка.

— Игорь, у нас пациентка с высоким давлением.

— Да, у этой бабки давление по десять раз на дню скачет.

— Мне рассказать тебе об инсульте или о других последствиях гипертонического криза?

Света сверлит его взглядом, как старшая сестра непослушного братца. Машина останавливается. Игорь молниеносно выскакивает и через минуту возвращается с беляшом, который тут же жадно заглатывает.

— Поехали, — говорит он, и машина трогается.

Света отворачивается к окну, она не хочет разговаривать со своим фельдшером и всем своим видом демонстрирует это. Игорь не обращает на неё внимания. Включается рация.

— Ребята, Света рядом? — спрашивает диспетчер.

— Нет, — из вредности отвечает Игорь.

— Только что вызов поступил на её адрес.

Игорь выключает рацию. Света блее самого чистого медицинского халата.

— Останови! — кричит она водителю.

— Ты с ума сошла, у нас же вызов! — кричит на неё Игорь.

— Мне нужно туда.

Света рвётся к двери, Игорь её перехватывает.

— Это уже не шутки, Света! Успокойся, мы едем на вызов! Там ты ничем помочь не сможешь.

Беспомощно хватая ртом воздух, она пытается дозвониться домой — никто не берёт трубку. Света намазывает круги в подъезде, но протяжные гудки в телефоне по-прежнему не дают ответа.

Игорь всё делает сам: достаёт тонометр, измеряет давление, вводит магнезию. Бабка возвращается к жизни:

— Спасибо, сынок, такой молодой, а уже доктор.

Игорь что-то шутит в ответ.

Едут на станцию. Телефон по-прежнему молчит. Случилось что-то очень плохое: предчувствие Свету ещё никогда не обманывало.

В этот день умер дед.

— Отмучилась, — сказала мама, убирая его постель.

В квартире сразу стало пусто. Не то чтобы дед последние годы наполнял дом жизнью, но без него было неуютно. И только старый баян в углу за ширмой напоминал о былых временах.

*Нельзя валенки носить,
Не в чем к миленькой сходить.*

Как врач Света знала, что однажды деда не станет и в его положении это был не самый плохой вариант. Где-то в глубине души она была готова к такому исходу, но нужно было время, чтобы всё осознать и вернуться в привычное русло. Мама отнеслась ко всему спокойнее, сначала она с головой ушла в хлопоты с организацией похорон, потом раздала или выбросила вещи деда, только старенькому баяну удалось спастись и переехать на антресоль.

Внезапно у мамы образовалось много свободного времени. Первым делом она решила сделать генеральную уборку, затем пошла в поликлинику выбивать направление на путёвку в санаторий. Но вскоре эти занятия ей наскучили, и она принялась устраивать личную жизнь дочери. Сама родила Свету в тридцать шесть и теперь вдруг спохватилась, как бы та не повторила её судьбы.

— Ну что, у вас мужчин на работе свободных совсем нет? — пытала она дочь каждый вечер. — Ну, взять хотя бы твоего Игоря. Ну, моложе тебя, ну, балбес, но он же остепенится, опять же всё время будет у тебя под присмотром.

— Мама, ну, сколько раз тебе объяснять, что мне никто не нравится, — устало отвечала Света. — Ни Игорь, ни санитар Петя, ни сын твоей подруги. Мне никто не нужен, оставь меня в покое!

Света уходила в свою комнату, а мама кричала ей вдогонку:

— Смотри, так и останешься старой девой. А я всё равно тебя с кем-нибудь познакомлю!

Ну, как объяснить маме, что единственной и безответной любовью её была сцена.

Маме всё-таки удалось получить путёвку, и она с радостью уехала на месяц в санаторий. Света впервые

в жизни осталась одна. Оказалось, что жить в полном одиночестве не так уж просто. Было спокойно, но выть хотелось от тоски, как брошенной собаке. Спасали дежурства.

Как-то Света возвращалась с работы и завернула в магазин рядом с домом, кто-то окликнул её:

— Светка, ты, что ли? Совсем не изменилась.

А вот Света с трудом узнала в модной столичной даме свою старую подружку по хору. Когда-то они вместе мечтали уехать в Питер, поступить в консерваторию и петь на лучших оперных сценах. Но в Питер уехала только подруга.

— Привет, Марин, — только и ответила Света.

— Мы с тобой лет десять не виделись. Ты всё такая же стройная, хорошенькая, — подруга крутила Свету, как куклу в магазине, внимательно рассматривая.

— Да что я, вот ты такая красотка стала.

— Ой, это всё салоны красоты и модные бутики, — подруга кокетливо махнула рукой.

— Ты поёшь где-то?

— Ну, консерваторию я окончила, потом замуж вышла, ребёнка родила. Знаешь, как-то не до карьеры стало, да и данные у меня оказались весьма средними. А всю жизнь оставаться на вторых ролях я не собираюсь. Так что пою я теперь только колыбельные. Ну что всё обо мне да обо мне, ты-то как?

Света могла бы рассказать ей о том, как работает на скорой и каждый день сталкивается с людскими болезнями, о том, как похоронила все свои мечты о сцене, и о том, как теперь пуста её жизнь без деда. Но вместо этого она сказала:

— У меня всё хорошо. Работаю врачом.

— И что больше не поёшь? Даже для себя?

— Нет.

Света опустила глаза, как будто признавалась в ужасном грехе.

— Ты что? Ты же так любила петь. Все были уверены, что ты обязательно станешь певицей.

— Да какая из меня певица? Так, «Валенки» и не больше. Ты же знаешь, я не могла тогда уехать с тобой учиться, а сейчас уже поздно.

— Ничего не поздно. Знаешь, раньше в консерваторию и постарше тебя принимали.

— Я не могу в консерваторию: мне работать нужно, мы с мамой на одну её пенсию не протянем.

Свете хотелось уйти. Зачем Марина бередила с трудом зажившие раны?

— Слушай, а у меня есть для тебя подходящий вариант, — предложила подруга. — У нас в Питере пару лет назад открылась школа оперного пения. Возглавляет её одна заслуженная артистка, которая ушла на пенсию и теперь взялась учить молодых. Характер у неё, конечно, ещё тот, зато выпускники её школы потом поют по всему миру. И самое главное, что обучение там бесплатное, и общежитие дают, и стипендия есть. Так что с деньгами проблем особых не будет. Недавно, я слышала, она выгнала двух сопрано и теперь объявила дополнительный набор. Тебе нужно обязательно показаться, даже не спорь.

— Но я же... — проямлила Света. — У меня даже образования специального нет.

— Ой, да кому сейчас нужно это образование. Пойми, она ищет голос, а он у тебя есть, даже если ты его много лет прячешь.

И зачем только Света решила зайти в этот чёртов магазин? Поздно ей уже мечтать о сцене, не до того теперь.

— Так, я всё устрою, — продолжала Марина. — Пока идёт прослушивание, поживёшь у меня, а там в общежитие переберёшься.

И Марина, действительно, всё устроила. Света, как будто это было совсем не она, а другая девушка лет на десять моложе, которая ничего не боялась, написала заявление на увольнение, купила билет, собрала чемодан и отправилась в Петербург. Коллеги, конечно, удивились, как их трепетная Света решилась

всё бросить и начать жизнь с чистого листа. Да и какую жизнь, артистки? Какая из неё оперная дива: ни внешности, ни фактуры, ни харизмы. Маме она ничего не сказала. Обязательно найдутся добрые люди, которые позвонят, сообщат. А Света потом как-нибудь всё ей объяснит. Может, ничего ещё и не выйдет, и вернётся она в свой город на родную станцию скорой помощи. Там её обязательно примут назад, ведь врачей, как всегда, не хватает.

Прямо с поезда, как была: в джинсах, вязанной кофте, кроссовках, с неряшливым пучком на голове, — Света бросилась на прослушивание. Старинный особняк, везде лепнина, золото, совсем как в музее, а все ходят мимо, словно не замечают такую красоту. Света взлетает по широкой белоснежной лестнице наверх, входит в небольшой зал с роялем.

— Куда это вы, милочка? — раздаётся низкий грудной голос.

Женщина в чёрном длинном платье торжественно восседает в кресле и пронзительно смотрит на Свету, как будто заранее всё про неё знает.

— Я-я на прослушивание, — с трудом выдавлиывает из себя Света.

— На прослушивание? — женщина смерила её взглядом. — В таком виде? Это вам не собеседование в ресторан быстрого питания, милочка. Приведите себя в порядок и приходите завтра.

Стальной, холодный голос, в котором нет ни нотки сочувствия к Свете, которая неделю не спала, а готовилась к этому проклятому прослушиванию. А теперь её, как нерадивую школьницу, выставляют из класса. Сама виновата, не догадалась, что нельзя прямо так с поезда, запыхавшись, бежать на прослушивание.

— Да ты с ума сошла! — воскликнула Марина, когда подруга пересказала ей эту историю. — Явиться на прослушивание в таком виде. Да ещё к кому? К Ва-

сильевой? Она терпеть не может неопрятных певцов, она из класса девчонок даже за брюки и балетки выгоняет, а ты заявила к ней, как кладовщица какая-то! Всё, не спорь. Я тебя так одену, что она тебя завтра не вспомнит и не узнает. Будешь сверкать, как голливудская звезда.

Двери шкафа растворились, одно за другим стали вылетать платья, которые Свете приходилось примерять. Ближе к полуночи Марина нашла тот самый идеальный образ: просто, скромно, но со вкусом. Платье — это ещё куда ни шло, а вот каблук. Кажется, Света не носила их со школьного выпускного. Пришлось постигать и эту науку, потому что голос голо-сом, но встречают всё-таки по одежке.

На следующий день она снова стояла в том же зале перед этой суровой женщиной, похожей на чёрную хищную птицу. За роялем притаилась пианистка, которая нервно перелистывала ноты, искоса поглядывая на оперную диву. На стульях сидели ещё несколько педагогов, которые что-то фиксировали в записных книжках. Но Свете казалось, что она в этом зале одна. Только она и Ирина Георгиевна, которая сверлила её взглядом, словно хотела выпытать какую-то тайну.

— Что вы будете исполнять, милочка? — спросила дива.

— Колыбельную Волховы из оперы Римского-Корсакова «Садко», — по-школьному отчеканила Света.

Дива дала знак пианистке, и та начала играть. Света запела:

*Сон по бережку ходил,
Дрёма по лугу,
А и сон искал Дрёму,
Дрёму спрашивал.*

Чужой голос раздался под сводами дворца. Голос, который прятался долгие годы, а теперь вырвался на свободу и взлетел ввысь, заполняя собой всё пространство.

Ирина Георгиевна внимательно слушала Свету. Сначала её брови поднялись вверх, затем вернулись в прежнее положение, она погладила подбородок и жестом остановила пианистку.

— Где вы учились, милочка? — спросила она Свету, снова поглаживая подбородок. — Очевидно, в какой-нибудь провинциальной консерватории?

— Нет, я окончила только музыкальную школу, — неуверенно ответила Света.

Ирина Георгиевна вздёрнула брови.

— А вы знаете, что я принимаю только людей с высшим образованием? Мне нужны профессиональные артисты, а не самодеятельность.

Света опустила глаза, сжимая кулаки, чтобы не расплакаться. В очередной раз её мечта рушилась.

— И чем же вы занимались все эти годы? Вы ведь, как я вижу, не девочка, — продолжила дива.

— У меня медицинское образование, я работала врачом, — ответила Света, не разжимая кулаки.

— А знаете ли вы, что хороший врач лучше плохого артиста, хотя плохой врач ещё хуже. Оперный певец хотя бы не нанесёт вреда окружающим, только себе. Что заставило вас уйти из профессии?

— Я всегда хотела петь, — твёрдо ответила Света. — Но раньше у меня не было возможности, а теперь она появилась.

— И что же, вы считаете, что можно много лет не заниматься, а потом раз — и сразу на сцену?

— Я просто хочу петь. Но если...

— У вас от природы поставленный голос, — перебила её Ирина Георгиевна. — Но этого мало. Нужно очень много трудиться, чтобы наверстать упущенные годы. Ещё у вас нет характера, а это для оперной певицы катастрофа. Но я всё равно беру вас на испытательный срок на полгода. Если не добьётесь за это время приличного результата — вылетите вон. И ещё: я больше не хочу видеть той ужасной одежды, которая была на вас вчера.

Так Света стала учиться в школе оперного мастерства. Она никогда не думала, что петь так трудно, что учить одну оперную арию можно целый месяц, раз за разом повторяя одни и те же фразы. Света не замечала город: он уходил на задний план, был декорацией к её жизни. Она уходила рано и возвращалась поздно, в редкие выходные высыпалась и за всё время посетила лишь Исаакиевский собор, и то случайно, когда пряталась от дождя. Через неделю позвонила мама, она кричала, что Света её бросила и предала, но дочь молчала в ответ. Она знала, что рано или поздно мама простит её, а если Свете удастся закрепиться в Питере и забрать её к себе, то прощение наступит ещё быстрее.

Света приходила в класс заниматься раньше всех, с ней работал один из тех педагогов, что сидел на прослушивании, а вот Ирина Георгиевна не взглянула на неё ни разу. Лишь в коридоре, проходя мимо, кинула ей фразу: «У вас ужасный французский, милочка». И Света взялась за учебники и начала осваивать французскую фонетику.

Почему оперная дива так себя вела? Присматривалась? Прислушивалась? С другими она занималась хотя бы раз в неделю, а её словно и не замечала. Тогда Света стала работать ещё усердней, она оставалась допоздна, чтобы ещё раз повторить те моменты, которые ей не удавались.

— Вы сорвёте голос, если будете так много петь, милочка, — однажды услышала она знакомый низкий голос за спиной. — Всё хорошо в меру, идите отдыхать, пока не наделали глупостей.

Света сжала кулаки и наконец решилась спросить:

— Почему вы не обращаете на меня внимание? Со всеми вы занимаетесь, а меня игнорируете? Во мне что, совсем нет никакого таланта?

— Если бы у вас не было таланта, вы бы здесь не стояли. Пока у вас есть только голос, который дала вам природа. Этого мало. У вас нет характера. Пока

вы мне не интересны. Посмотрите на себя, ну, какая вы оперная певица? Сходите в парикмахерскую, сделайте нормальную причёску, купите туфли на каблук. Вы должны сверкать, а пока только пицците, как серая мышка.

По большому счёту, Свете давно уже было всё равно, во что одеваться. Синяя униформа, которая была велика, вполне её устраивала. Туфли на каблуках она тоже никогда не носила: сначала мама запрещала, а потом уже некуда было в них ходить. Превратиться в изысканную даму, которая всегда прекрасна, которая гордо шагает на высоких каблуках, выпрямив спину, оказалось не так уж и просто. Но Света взяла себя в руки и вскоре не узнала красивую блондинку в зеркале, которая смотрела на неё светящимися от счастья глазами.

Когда в детстве мама что-то ей запрещала, она могла топнуть ножкой. Так Света показывала характер. Теперь топнуть каблучком — означало вылететь из школы и вернуться домой. Мама будет, наверно, рада и до конца жизни будет пилить Свету за то, что та всё сделала по-своему, не посоветовавшись. Игорь тоже будет рад с ней он был как у Христа за пазухой. Но Света об этом даже думать не хотела. Она старалась перечеркнуть прошлую жизнь, забыть, кем она была раньше, и только петь, петь и петь. Она решила, что если будет упорно трудиться и слушать все замечания педагогов, то этим проявит характер и заставит Ирину Георгиевну обратить на себя внимание.

Испытательный срок подходил к концу, а Света только занималась в классе, в то время как другие выступали на концертах и репетировали спектакль. Через месяц школа своими силами должна была представить на суд зрителей оперу «Садко». Для этого пригласили театрального режиссёра, дирижёра, оркестр, пошили костюмы. А Света оставалась в стороне от этого праздника. В глубине души она и сама пони-

мала, что не готова пока выйти на сцену, но страстное желание обжигало. Она заглядывала в щёлку репетиционного зала, чтобы хоть немного прикоснуться к волшебству создания спектакля. За этим занятием её однажды и застала Ирина Георгиевна.

— Что вы здесь делаете, милочка? — раздался знакомый конральто.

— Я-я хотела посмотреть репетицию, — начала оправдываться Света, но Ирина Георгиевна жестом остановила её.

— Почему вы не войдёте в зал?

— Режиссёр не пускает туда посторонних.

— Разве вы посторонняя? — Ирина Георгиевна дёрнула бровью.

— Я же не участвую в спектакле.

— А вы хотите?

Глаза Светы заблестели.

— Конечно. Вы себе представить не можете, как я хочу выйти на сцену, хоть даже в самой маленькой роли.

— Пройдёмте в мой кабинет.

Оказывается, у оперных див тоже бывают кабинеты, правда там всё как в музее: камин, портреты, фотографии, белый круглый стол на позолоченных изогнутых ножках, фарфоровая посуда. Света такой и не видела никогда, а тут ей подали чай в изящной белой чашечке с тонкой ручкой.

— Говорят, что маленьких ролей не бывает, — сказала Ирина Георгиевна, когда они сели пить чай. — Это всё глупости: я знала артистов, которые навсегда застревали в ролях, в которых всего пара фраз. Вы же не хотите повторить их судьбу?

— Нет, — уверенно ответила Света, разумеется, она всегда думала, что будет исполнять только главные роли.

— Я смотрю на вас и вижу маленькую девочку, которая удивлёнными глазами смотрит на мир, как на сказку. Но оперная стезя — совсем не сказка. Артист

многим вынужден жертвовать, он очень зависим от агентов, директоров театров, режиссёров, дирижёров. Но самое главное: он зависим от голоса. Это очень хрупкий инструмент, который подвержен болезням, стрессам, переменам погоды. С голосом нужно уметь договариваться, чтобы он не подвёл в нужный момент, а он бывает очень капризен. Потеря голоса для певца — это смерть, самое страшное, что может случиться в вашей карьере. Подумайте, нужна ли вам такая жизнь?

За полгода Света успела понять, насколько может быть трудна жизнь оперного певца, но она бы не меняла эту жизнь ни на какую иную. Только каждый день распеваясь у рояля, она была счастлива. И счастье это было столь же хрупко, как фарфоровая чашечка в её руке.

— Я буду петь, — ответила Света, всеми силами пытаясь побороть дрожь в голосе.

Ирина Георгиевна одобрительно кивнула.

— Вам повезло больше, чем моему поколению. Для вас все дороги открыты, у вас миллион возможностей, а таких голосов, как в наше время, почему-то нет. Видимо, нам досталось больше испытаний, отсюда и сильные люди, и большие голоса. Я помню своё военное детство: блокада, голод, отец не вернулся с фронта, мать умерла от туберкулёза, детдом, кругом нищета, а я хожу и пою во весь голос. Многие думали, что я сумасшедшая, а мне уже тогда хотелось быть артисткой. Взрослые говорили, что это баловство, глупости, а я всё равно не пошла в строительный техникум, куда меня отправили после детдома, а сбежала в консерваторию. Меня не хотели брать, говорили, что я слишком маленькая, что голос должен окрепнуть, но я им доказала, что могу петь. На сцену Кировского театра я вышла примерно в вашем возрасте в партии Любавы в опере «Садко». Тогда я была абсолютно счастлива, просто потому что пела. Я никогда никого не любила. Только театр, только искусство. Все те

страсти, которые творились на сцене, были ложными, а зрители им верили. Не раз меня сватали то за одного, то за другого тенора, а я хранила верность своему голосу, потому что ничего важнее в моей жизни не было. Но я не жалею о прожитом: много всего было и хорошего, и плохого. А вот готовы ли вы к такой жизни, милочка, я не знаю. Если вы хотите петь в спектакле, я позанимаюсь с вами: у вас есть три недели, чтобы убедить меня в том, что вы этого достойны.

Большого Свете и не нужно было. Она стала заниматься с утроенной силой, чтобы доказать, что она готова к сцене, что она должна петь в этом спектакле.

Три недели репетиций, когда хотелось плакать, а приходилось работать, когда хотелось закинуть куда-нибудь ноты, а надо было петь и выслушивать замечания, на которые Ирина Георгиевна не скупилась. Но Света дала себе зарок, что она справится, что она докажет, что она обязательно споёт в этой постановке.

В детстве Свету учили, что умершие родственники смотрят на неё сверху и помогают. Она всё чаще стала обращать взор на серое питерское небо, прося у деда поддержки, ведь не мог же он забыть, как сильно Света любила петь.

Когда до спектакля оставалось три дня, костюмерша окликнула Свету в коридоре:

— Ты когда зайдёшь на примерку платья? Я что, за вами всеми бегать должна?

— Какого платья? — удивилась Света.

— Пошли, — женщина тяжело вздохнула и ушла в костюмерную.

Среди гор разного тряпья висело оно — платье Волховы, Света сразу его узнала.

— Нравится? — с гордостью спросила костюмерша.

— Очень.

Света была рада просто прикоснуться к шершавой белоснежной ткани, усыпанной камнями, а костюмерша ещё предлагала его надеть.

— Оксанка, на которую шили, то ли заболела, то ли влюбилась. Её сняли со спектакля. Теперь ты будешь петь. Ты что, не знала, что ли? — костюмерша хихикнула и принялась вертеть Свету, подгоняя платье под фигуру.

Волхова смотрела на Свету в зеркале, и не было тех десяти лет, прожитых без музыки. Света всегда пела и всегда знала, что выйдет на сцену именно в этой партии.

Зал был набит до отказа. Питерские меломаны пришли посмотреть на новые таланты, которые в скором будущем должны были штурмовать подмостки ведущих театров. На балконе торжественно восседала Ирина Георгиевна. Изредка она чуть заметно кивала в сторону знакомых, с которыми встречалась взглядом.

Погас свет. Дирижёр взмахнул палочкой, и спектакль начался. На берег Ильмень-озера выплывает Волхова. Света счастлива, сейчас она запоёт, осталось всего два такта.

— Врача! Срочно врача! — доносятся крики из зала.

Оркестр останавливается. Света подбирает полы платья и бежит в зрительный зал. Непрямой массаж сердца, это она умеет хорошо, делала не раз.

Пой, Волхова! Прощайся с милым сердцу другом, разливайся быстрой рекой. Света мчится в машине скорой помощи в больницу, она должна помочь человеку, это её долг и призвание. А сцена? Она ждала её десять лет, подождёт ещё, сейчас главное спасти ещё одну жизнь, это важнее...

Семинар прозы

Руководители:

Громов Александр Витальевич, г. Самара. Прозаик, главный редактор журнала «Русское эхо», председатель Самарского отделения Союза писателей России.

Тимофеев Андрей Николаевич, г. Москва. Прозаик, председатель Совета молодых литераторов Союза писателей России.

Андрей Тимофеев:

«Главное в литературном фестивале — это творческое общение»

— *Каковы Ваши впечатления от фестиваля?*

— Самые радужные. Здесь отличная обстановка, много всяких интересных вещей, семинары, лекции. Но самое главное — неформальная обстановка, то, что происходит после лекций. Это знакомство, общение. Может быть, ради этого творческого общения мы сюда и съехались.

— *Если бы Вас попросили нарисовать портрет участника фестиваля, как бы Вы охарактеризовали этого человека?*

— Это писатель, который живёт один, вне среды. Он творит, и ему хотелось бы каким-то образом показать

свои произведения другим людям. У него есть запрос на то, чтобы его прочитали. И здесь он находит ответ на свой запрос.

— *Как Вы думаете, может ли писатель существовать вне своей среды?*

— Есть всего несколько примеров в мировой литературе — тот же Пруст или Кафка, которые существовали вне среды. По большому счёту, это какие-то исключения, подтверждающие правило. Среда нужна. Она была у всех больших писателей. Мы знаем пушкинский круг, знаем, как общались, например, французские реалисты XIX века, «Цех поэтов» и так далее. Так что среда, конечно, нужна.

— *Какие книги Вы могли бы посоветовать для чтения начинающему автору — прозаику или поэту?*

— Я бы посоветовал почитать критику Михаила Лобанова, любую из его книг, потому что это человек, который трудился в Литературном институте порядка 50 лет. У него есть специальные книги, где он обобщает свой опыт работы. Это первое. Второе: для поэтов книга на все времена — «Поэтический словарь» Квятковского, который просто все читают. Он, наверное, хорош для начинающих и продолжающих.

Беседовала Екатерина Агеева

Альбина Гурская

г. Самара

Хруст

Рассказ

— Мы простые студенты, — говорила Нина. — Откуда у нас столько денег? Какой дорогой курс!

Борисов, профессор кафедры градостроительства, ухмыльнулся.

— Главное, — ответил он. — Это не деньги, а результат от обучения. У вас, девушка, очень низкий уровень 3D-визуализации.

Борисов ушёл.

— Нинка, не слушай его! — сказал тощий парень в синей водолазке. — Пусть он сам на свои курсы ходит.

Нина Лындина и Вадим Разин — студенты 4-го курса строительного института и одновременно будущие архитекторы — ушли в студенческую столовую.

— Надо тебе твои проекты на сайте выложить. Вдруг тебе предложение сделают.

— Думаешь? А как же курсы по 3D-визуализации? А если мы не согласимся на них ходить?

— Они необязательные, — Разин махнул ладонью в сторону.

Его уверенный вид успокоил Нину. Так они беседовали, глядя друг на друга сквозь пар, исходящий от горячего какао и макарон.

А через месяц у Нины уже был свой личный сайт, который ей помог сделать знакомый программист. На сайт она выложила три своих проекта, которые сделала за период обучения.

— Так вы будете ходить на курсы? — спросил Борисов Лындину в коридоре.

— Так... вы знаете... — она не умела отказывать, мялась, переводила взгляд с одного проходившего мимо студента на другого. — В общем, тут я дипломной работой занялась. Некогда...

— Напомните, как называется ваша дипломная работа?

— «Социальное многоквартирное и индивидуальное жильё блокированного типа».

— Ну, работайте! — ухмыльнулся Борисов и пошёл вниз по лестнице, теряясь за спинами студентов.

Когда он ушел, она выбежала из здания университета с волнением в груди. Но она волновалась не от встречи со старым придирчивым педагогом. Её ждала встреча с заказчиками. Кто-то всё-таки зашёл на её сайт и был очарован её работами.

— Ты молодая? Амбициозная? — спросила Нину женщина лет тридцати пяти так громко и немного хамовато, что Нина оторопела.

— Ну, да, — ответила Нина.

— Тогда ты нам подходишь, — женщина села, нога на ногу в кресло, и закурила. Её пшеничные ровные, как отутюженные, волосы блеснули в осенних лучах оконного солнца.

— Это моя жена Эльза, — сказал лысоватый мужчина, стоя возле кресла с курящей дамой. — И что только я ради неё в этой жизни не делал... — мужчина

вздохнул, а женщина фыркнула в сторону и снова затянулась дымом сигареты.

Между ними начался разговор в стиле высказывания взаимных обид и упрёков.

— Ты всегда обещаешь и ничего не делаешь, — говорила Эльза мужу...

Нина переводила взгляд с одного говорящего на другого и пока что не понимала, о чём речь.

— Всё! Ладно! — Эльза ладонью хлопнула по подлокотнику кресла. — Мой муж решил мне сделать подарок — дом из хрусталя.

Нина не пошевелилась и даже не моргнула.

— Да, — тут мужчина сомкнул свои ладони, и его лицо исказилось, а на лбу выскочила ломаная морщина. — Я бы, конечно, предпочёл богемское стекло. Это как-то стильно и со вкусом. И веет духом аристократии.

— Но ты же знаешь, — прервала его Эльза недовольно, — я всегда боялась встречи с богемским стеклом, ведь его делают из урановой смолки. Там, на верное, сплошная радиация.

— Ну, да... да... — произнёс мужчина. — Так вот, значит, — тут он остановился и посмотрел пристально на Лындину, — дом из хрусталя. Вот что нам нужно от вас.

— Вы уверены, что не хотите другой материал? — спросила Нина.

— Уверены! — ответили супруги.

— Мы уже говорили с другими архитекторами. Они нам отказали, не восприняли всерьёз. Но за деньгами дело не встанет. Для меня это дело принципа, — произнёс мужчина.

Нина впала в задумчивость, стоя на трамвайной остановке. Проект, который принёс бы ей деньги, был нереализуем на деле, при непосредственном строительстве. Известно всем, насколько хрупок хрусталь. С другой стороны, она может просто сделать эскизы и чертежи, и всё на этом. Опять же, это должно быть

трёхэтажное здание с неповторимой планировкой, по желанию заказчиков. Нужно время на этот проект и солидное время. А ей ещё дипломную работу писать...

— Казимир Петрович, — сказала Нина на следующий день Борисову. — Я хочу поменять тему дипломной работы и предложить свою: «Хрусталь в индивидуальном строительстве».

Борисов снял очки. Его глаза помутнели.

— Вы сказок начитались?

Он улыбался, потому что привык слышать от студентов неожиданные нелепости.

— Нет. Я серьёзно. Это моя личная задумка.

Борисов сказал, что такое не допустят до защиты.

— Разве что этот проект будет построен к тому времени, то, может быть, видя его собственными глазами, комиссия смягчится.

«Опять запахло! — думала Нина. — Теперь точно придётся строить».

Вадим Разин не раз уже слышал от Нины разные странные истории, но этот случай рассмешил его до слёз.

— Ха-ха, — передразнила Разина Лындина, а потом у неё выражение лица стало грустным. — Поехали лучше, посмотрим тот участок. Мне ключи от ворот хозяева дали.

— Может, они тебе ещё и аванс дали? — смеялся Разин.

— Дали...

Тут Разин неожиданно затих и как будто проникся серьёзностью.

— Мне дали аванс и уже ждут первых набросков, эскизов... Думаешь, невозможно?.. А что, если внутрь хрустального блока железную арматуру затолкать, как в бетоне?

— Поехали, — сказал Вадим, — посмотрим на участок: что там за грунт, да и какая площадь?! Говори адрес!

— Улица Золотоворотная, 17...

— Элитный райончик! — произнёс Разин, уже стоя на улице возле ворот участка.

На этой улице только недавно началось строительство частных домов. По одну сторону виднелись крыши кирпичной башни богатого особняка, напоминающего своим видом средневековый замок. По другую — блестели кремовые стены двухэтажного дома в скандинавском стиле с вертикальными тёмными линиями. На соседних участках только заливали фундамент. А на участке заказчика ещё зеленела травка, несмотря на осенние заморозки.

— Им ещё гараж нужен, — говорила Нина. — Прозрачный... Чтобы соседи видели в нём новый «Порш». В доме должно быть три этажа. Внизу огромная гостиная и роскошная лестница наверх. Второй и третий этаж — жилые. Там только комнаты и ванные. На чердаке они хотят поставить телескоп и смотреть на звёзды... Вот... — Нина стала листать записную книжку. — Тут ещё где-то про камин было...

С этого дня Вадим и Нина занялись новым проектом. Оба они изучали свойства хрустала. Есть так называемый горный хрусталь — диоксид кремния. Обычно он белого цвета или же бесцветный. Всё же под хрусталём мы обычно понимаем свинцовое стекло. Из него часто делают посуду. Но оно также отлично преломляет свет и почти не проводит тока, поэтому его можно использовать как в оптике, так и в электричестве.

— Это же просто стекло! — Нина вздохнула с облегчением. — Из стекла построено достаточно зданий. Надо просто взять их технологию за основу.

— Моя мама — учительница, — сказал Разин. — И на первое сентября у нас в доме всегда много цветов. Однажды я менял воду в вазах, где они стояли. Одна ваза была хрустальная. Когда я наливал воду из крана, она соскользнула из моих влажных рук и разбилась вдребезги. На мелкие осколки...

— Не надо рассказывать истории, которые не воодушевляют, — ответила Нина и стёрла карандашные линии на ватмане. — У меня и так закрадываются неплохие мысли в голову. Может, схитрить и вместо хрусталия другое что-то подсунуть. Авось, хозяева не поймут.

— Я бы сказал, что хрусталь красиво звенит. Его нельзя перепутать с чем-то.

— А знаешь, я тут читала, что на Большом адронном коллайдере в Женеве на одном из детекторов используют кристаллы вольфрамата свинца. Не знаю ничего про их прочность и твёрдость, но мне понравилось, что эти кристаллы превращают ионизирующее излучение в свет. Представляешь, вот так вот ходишь по дому, и то там, то тут — световые вспышки.

— А ионизирующее излучение откуда?

— Из космоса, — серьёзно сказала Нина.

— Физики начиталась, — произнёс Вадим. — У меня тут знакомый есть из физико-технического института. Тоже странные вещи говорит, прям как ты. И, кстати, материалами занимается. Можешь сходить к нему...

Лындина прошла в физико-технический институт, показав на вахте студенческий билет строительного ВУЗа. На кафедре материаловедения пили чай и обсуждали методическое пособие по металлографии. Нина спросила про ассистента Городилова, и её послали в лабораторию.

Городилов сидел рядом с твердометром, смотря куда-то вниз, в пол, когда Нина рассказывала ему о своём проекте.

— Очень и очень смело, — сдержанно произнёс Городилов. — И интересно.

При этом его лицо совсем не выражало интерес. Оно было безэмоциональным и белым.

— Может, на ты? — спросила Нина. — Так вроде удобнее общаться.

— Да, — ответил Городилов. — Меня можно звать просто Женей. И я подумаю над твоей просьбой, — он попытался улыбнуться.

Чуть позже Нина показала эскизы Эльзе. Эльза курила и всматривалась сквозь дым в карандашные линии.

— Не пойму что-то, — сказала она недовольно, — тут не хватает, — она махнула рукой, в которой держала сигарету, над ватманом, и пепел с сигареты немно-го припал к нарисованным окошкам.

— Я всё-таки думаю, что этот материал хрупок для многоэтажек, поэтому решила, что третий этаж будет заодно и чердаком...

— Ну, нет... — Эльза встала и взяла свою небольшую сумочку в руки, как бы собираясь уходить. — Чердак — это четвёртый этаж! Считать умеешь, вообще? — Эльза потушила сигарету. — Правда, это ты правильно заметила, что ванная не должна быть прозрачной. Это очень правильно.

На этом разговор закончился...

Началась последняя сессия. А через полгода Нину и Вадима ожидала защита дипломной работы. Разин исчез под видом подготовки к экзаменам. Нина разрывалась на два фронта. Заказчики уже хотели начинать строительство.

— Вы будете ждать весны? — говорил муж Эльзы по телефону. — Хватит тянуть резину!

Борисов поймал Лындину в коридоре.

— Вы почему не пришли на вчерашний зачёт? Хотите вылететь на последнем году? И почему не подходите ко мне насчёт дипломной работы?

Нину охватила паника после разговора с Борисовым. Она расплакалась вечером, сидя за чертежами. Её соседка по комнате в общежитии косо посмотрела на неё и предложила выпить чай из пустырника.

От пустырника разболелась голова и захотелось спать. Во сне к Нине пришёл Городилов и расплакался. Он сказал, что Эльза с мужем жаловались, будто их

новый дом дал трещину. Потом Нине снилось, как они с Городиловым приехали на Золотоворотную и стали свидетелями крушения хрустального дома. Казалось, каждый новый хруст исходил от отдельного хрустального кирпичика. Сон закончился тем, что Нина увидела на траве сигарету Эльзы, дымящуюся на ветру.

Борисов поставил вопрос на заседании кафедры о недопуске Лындиной до предзащиты дипломной работы.

— Я сейчас пришёл с лекции, — говорил он коллегам. — Лындиной не было и сегодня.

Заведующий кафедрой нашёл в ворохе бумаг приказ об утверждении темы дипломной работы и зачитал вслух:

— Хрусталь в индивидуальном строительстве...

— Что?! — Борисов подпрыгнул на стуле. — Ну-ка, дайте мне!

Дело в том, что никто не утверждал такую тему. Хотя Нина и просила об этом, кафедра была не согласна. Напротив фамилии «Борисов» кто-то коряво расписался за профессора. У Борисова внутри образовалась тишина. Мысли не двигались и не издавали звуков. Тем не менее заседание продолжалось, и кто-то задал вопрос:

— Это про что? Облицовка фасадов, что ли?

Борисов вытянул губы в трубочку, потом поджал и сделал так несколько раз, как будто прожевал что-то.

— Менять уже поздно, — проворчал заведующий. — Я знаю, Казимир Петрович, как вы любите в последние моменты студентов отчислять, но нам это не в плюс. На следующий год из-за вас может стать меньше бюджетных мест. Скажут, что смысла нет финансировать, потому что студенты всё равно не защищаются. Казимир Петрович, это же не секрет, что дипломная работа не требует научных открытий.

— Я научный руководитель, — произнёс Борисов. — И Лындина должна ходить ко мне, брать задания,

разбираться с материалом, а её нет нигде! Вон, сокурсники её пустили слух, что она в физтехе с молодым человеком всё время проводит. Сегодня слышал краем уха, как её обсуждали в рекреации. Она, дескать, на бетонном заводе в Подмосковье. И даже какая-то замужня пара приходила на лекцию, искала вашу Лындину.

На кафедре Борисова стали успокаивать. Сказали, что и такая тема работы пройдёт, если мягко её подать. Лындину стали разыскивать ещё активнее. Но она появилась только через месяц, при этом до предстоящего выступления оставалось не более двух недель. Первым делом она стала активно сдавать накопившиеся зачёты. Борисов отругал её и запретил приходить на предзащиту. Но Нина всё равно пришла, потому что назад уже пути не было.

— Моя работа посвящена исследованию в области применения новых материалов в строительстве индивидуального жилья, — начала она свою презентацию. — На сегодняшний день общая тенденция в строительстве жилых помещений заключается в создании функциональной, комфортной и стильной среды для жизни человека, без лишних архитектурных элементов и предметов интерьера. Здесь же отмечается стремление к планировке с максимальной пропускной способностью уличного света, что достигается отказом от бетонно-блочных элементов несущих конструкций. Все предъявляемые на сегодня требования к современному жилью могут быть удовлетворены использованием новых строительных материалов, в числе которых могут быть применены прозрачные блоки из нанохрустальных частиц...

К концу выступления Нина попросила дать слово Городилову, который приехал на её предзащиту. Надо сказать, что Городилов очень хорошо смотрелся в новом костюме и выглядел куда более оживлённым, нежели в момент знакомства с Лындиной полгода назад.

— ...Работа по выращиванию наночастиц была проведена физико-техническим институтом на средства двух грантов, — говорил он. — Компаунд нанохрустальных частиц обладает особой прочностью и выдерживает большой диапазон температур, что выгодно в условиях русской зимы...

Заведующий кафедрой с неподдельным интересом слушал выступление и переглядывался с коллегами, которые в свою очередь перешёптывались.

— Скажите, а нашёл ли практическое применение ваш проект? — задали вопрос слушатели.

— Действительно, — ответила Нина, — был построен дом из хрусталя в элитном районе нашего города, — свою речь Лындина проиллюстрировала фотографиями трёхэтажного почти прозрачного здания на улице Золотоворотной.

— Наши индустриальные партнёры на бетонном заводе применили нашу технологию и изготовили по заказу для данного проекта монолитные блоки из нанохрусталя. Кроме того, данный архитектурный проект по согласованию с заказчиками был представлен на международной выставке архитекторов и дизайнеров в Москве и получил первое место.

— Были ли научные публикации по теме? — спросил заведующий.

— Нет, — ответила Нина, — если только по методике выращивания наночастиц у Евгения. У меня лично публикаций нет.

Далее по правилам следовало выступление Борисова как научного руководителя. Казимир Петрович почувствовал, что его обидели. Он не знал, как выразить правильно свои чувства, потому что внутри себя полностью признавал успех Лындиной, но этот успех прошёл мимо него, кроме того, никто даже к нему не обратился ни разу ни за советом, ни за помощью, никто не взял его накопившиеся материалы и не использовал их нигде вопреки тому, что каждый студент обязан использовать опыт своего руководителя, ста-

новьясь фактически его преемником. Самостоятельность приветствуется только в знакомстве с работами научного руководителя и его соавторов. К тому же подделка подписи, которую совершила Нина, является преступлением. Конечно, нынешнее поведение Лындиной в рамках академической среды института было неприемлемо, но ни у кого не поворачивался язык сказать об этом теперь, когда на лицо был явный успех её самостоятельности. Заведующий кафедрой градостроительства не был до конца осведомлён о полном безучастии Борисова в данном проекте, хотя и знал о долгом отсутствии Лындиной, поэтому спокойно предоставил слово профессору.

— Что ж, — сказал Борисов. — Я буду краток. Поверить в то, что можно построить хрустальный особняк — просто безумие и мракобесие! А это фото — просто фотошоп!

И Борисов сел в гнев на стул с будто окаменевшим лицом.

Нина посмотрела на Борисова как рыцарь на стену новой крепости, которую необходимо захватить.

— И у меня вопрос ещё. Могу ли я на защиту пригласить своих заказчиков?

— Каких заказчиков?! — завопил Борисов. — Да этого дома и в помине нет! Что вы тут шоу устраиваете?!

Работники кафедры стали успокаивать старого профессора и предложили устроить защиту прямо в здании из инновационного нанохрустального материала. Таким образом, кафедра дала добро Лындиной на защиту диплома. Сердце Нины при этом колотилось, как у пойманного зайца, который думал, что его съедят, а его вдруг погладили по ушам.

— Спасибо вам! — Нина улыбнулась, её разгорячённые щёки вспотели, и она вдруг ощутила полнейший триумф.

— Поздравляю! — сказал ей в коридоре Разин. — Но я хотел тебе рассказать кое-что интересное. Я на-

шёл совсем другое решение для строительства хрустального дома...

— Вадим, ты где пропадал всё это время? — удивилась Нина. — Столько всего произошло! Я так хотела с тобой поделиться! Но самое главное — я выхожу замуж, за Женю Городилова! И хочу пригласить тебя на свадьбу!

— Замуж?! — Вадима передёрнуло. — Как это?!

Нина почувствовала, что эта новость Вадиму не в радость, и от этого как-то не радостно стало и ей.

Когда Разин исчез на какое-то время из её жизни, Нина осталась одна со своими трудностями. И хотя она постаралась не задумываться об этом исчезновении, всё-таки она решила, что такой поступок говорит о низком качестве дружбы. За время отсутствия она отдалилась от Вадима, перестала о нём волноваться и была полностью поглощена поездками, связанными с её проектом. Ей вдруг вспомнилось, как они вместе проводили время на переменах, как он рассказывал интересные истории, как они ходили вместе в столовую, но всё это как будто было слишком давно и как будто всё было неправдой. И тут Нина окончательно нащупала смысл того, что хотела сказать:

— Ты, знаешь, я вдруг почувствовала себя такой взрослой! Мне кажется, что мы слишком давно не виделись, как будто это было вообще в детстве. Не обижайся на меня, потому что на тебя я тоже имею право обижаться, но не делаю этого.

Лицо Разина больше не сопротивлялось внутренним бурям, похожим на те, что нарисованы на картинах Айвазовского. Он не смог по-настоящему обрадоваться за Нину, а, наоборот, его лицо высказывало сокрущённость. Нина переживала за Вадима, как будто она выкину котёнка на улицу, а потом её замучила совесть, но ещё позже она узнала, что котёнка больше нет в живых.

Так Вадим и не сказал Лындиной о другом своём решении в строительстве хрустальных домов. Так и

осталось оно загадкой для всех. Подавленный, Разин поспешил удалиться, ничего не ответив на приглашение Нины.

А вскоре наступил день защиты дипломных работ, и вся кафедра съехалась на Золотоворотную, 17. Муж Эльзы очень хотел похвастаться всем в округе своей постройкой и даже сам заказал автобус для студентов и преподавателей, участвующих в защите дипломов. Также он заказал шампанского, хотя сотрудники кафедры просили купить просто минеральной воды, как это обычно принято. Студенты кафедры градостроительства по очереди выступали перед комиссией, потом выпивали фужер шампанского и выходили из гостиной, где шло заседание, в другую комнату, где должны были дожидаться присуждения оценок. Гостиная была сделана кругом, а за стенами были видны кухня, бар и комната, наполненная студентами. Студенты видели всё, что происходило в гостиной, а люди в гостиной видели студентов сквозь стены.

Нина выступила так же уверенно, как и на защите. Её стали забрасывать самыми неожиданными вопросами: «А какова общая масса стен?», «Какое давление оказывают предметы интерьера на пол из хрустала?», «Проводит ли хрусталь ток?», «Каким автобусом лучше добраться до завода-изготовителя?»

Лындина справлялась как могла, и в конце последнее слово сказал муж Эльзы:

— Давайте выпьем за крепость зданий и за человеческий талант! — и муж Эльзы выпил до дна бокал шампанского.

В комиссии тоже пригубили по глотку.

Далее выступили остальные студенты. Лындина уже из соседней комнаты наблюдала за Вадимом Разиным, и он казался ей опять далёким. За хрустальной стеной не было слышно голосов, зато было чётко видно, как Разин смотрит пристально на Нину.

— Она ушла, — сказал муж Эльзы.

— Кто?! — Лындина отвлеклась от своих мыслей о Вадиме.

— Эльза ушла.

— В магазин? — переспросила Нина.

— Она ушла от меня совсем, — сообщил муж Эльзы. — Возможно, я выгляжу весёлым. Но это только потому, что привык показывать на публике, какой я сильный и жизнерадостный. На самом же деле Эльза разбила мне сердце.

— Ну что вы... — Лындина положила правую ладонь на плечо бывшему мужу Эльзы и совсем не знала, что делать дальше.

— Эльза сказала, что дом слишком прозрачный и каждый её шаг отслеживают соседи напротив. Она расплакалась и сказала, что этот дом — это её последняя капля.

Лындина почувствовала небольшую обиду. Эльза в своё время так хотела, чтобы соседи её видели и завидовали ей, и только сейчас вдруг поняла всю глупость своих желаний. «Она разбила ему сердце...» — подумала Нина, и как-то моментально в её голове раздался звон хрусталя, как будто два фужера, наполненные шампанским, соприкоснулись где-то рядом над ухом. Возможно, что так и было. Но Лындина решила, что это чисто её собственное воображение. Она посмотрела сквозь стену на Вадима, который уже рассказал основную часть своей речи и сейчас отвечал на вопросы. На миг она подумала, что, возможно, она тоже разбила сердце Разину, и в этот момент ей опять показалось, что звенит хрусталь. Она посмотрела по сторонам.

Рядом пил шампанское бывший муж Эльзы. Другие студенты из её группы тоже держали в руках опустошённые бокалы.

Через некоторое время всех пригласили в гостиную для объявления оценок.

— Лындина Нина Валерьевана — «хорошо»...
Разин Вадим Анатольевич — «отлично»...

Нина в этот момент перестала слышать, что говорят, и её удивлённые глаза медленно стали оглядывать комиссию.

— «Хорошо»?! — возмутилась Нина.

— Безобразие, — так же возмущённо произнёс бывший муж Эльзы. — Где это видано, чтобы ставили «четвёрку» за шедевры архитектуры?

— 3D-визуализация проекта, — вдруг сказал Борисов, встав дерзко из-за стола.

Старый профессор выпил немного лишнего алкоголя, и у него появилась небывалая смелость. Он встал и победно заявил:

— Да, вы не ходили на мои курсы, поэтому рисовать в 3D-пространстве не умеете! У вас низкий уровень 3D-визуализации! За это вы получаете оценку «четыре».

Потом он сел и шепнул соседу: «Налейте-ка ещё».

— Да как вы смеете, Казимир Петрович?! — Нину переполняло чувство несправедливости. — Вы же своими глазами видите всё, что здесь построено, всё, во что вы не верили. Да вы просто завидуете мне! Мой успешный проект вам как кусок битого хрусталия в глотке!

Здесь заведующий кафедрой почувствовал недоброе развитие событий и поспешил успокоить Лындину:

— Нина, это оценка не важна, успокойтесь! Жизнь расставит правильные оценки.

— Что?! Да как это не важна?! Да я мечтала о «пятерке»!..

Тут Нина не выдержала и расплакалась, и в этот момент на её защиту встал Городилов:

— Казимир Петрович, вы всю жизнь проработали на кафедре, обучая своим древним искусствам строительства развалин! Да вы вообще даже не в курсе современных материалов и методов! Как вы можете решать чужую судьбу, когда сами ничего не построили?!

— Давайте, я отдам свою отметку Нине, — произнёс Разин спокойно, поймав мгновение тишины. — Мне сейчас никакая отметка не испортит удовлетворения от окончания института, а ей так важно это...

Борисов внезапно почувствовал себя нехорошо, он схватился обеими руками за грудь, при этом толкнул со стола бокал шампанского, который не замедлил упасть и издать красивый бьющийся звук, а тот, в свою очередь, прозвучал в голове Лындиной опять по-особенному, и она перестала плакать, посмотрела на Борисова.

Бывший муж Эльзы предложил всем успокоиться и добавил:

— Есть ещё шампанское. Давайте выпьем лучше, а то так недолго и умом тронуться.

Лындина смотрела на Борисова и слышала в ушах уже не звон, а хруст. Студенты подошли к профессору с желанием оказать медицинскую помощь, и хрустальный звук стал многочисленнее и громче. Такой хруст, когда ногой наступаешь на осколки. Наверное, на осколки своего бокала наступил сам Борисов. Потом Нина посмотрела на Вадима, а тот молчал, отвечал ей взглядом, и вокруг раздавался хруст. Потом что-то звякнуло. Это упал ещё один фужер на пол и разбился. Лындина перевела взгляд на бывшего мужа Эльзы, который тоже наступил на осколки, и отчётливо раздался новый хруст. Хрустели как будто люди, а не осколки от бокалов. А может, весь дом хрустел. Хрустело в ушах. Хрустело её желание получить заслуженную «пятерку». Возможно, что и стены хрустели, потому что дом давал осадку. Хруст раздавался болью в голове и становился музыкой.

Оксана Мельникова

г. Богородск

Слушай сердце

Рассказ

Это произошло в четверг. Марина вздрогнула и открыла глаза. Будильник ещё не прозвенел, но уже не спалось. С тяжёлым сердцем поднялась, накинула халат и вышла на кухню. Машинально выпила кофе, рассеянно глядя в окно. А уже через полчаса захлопнула за собой входную дверь квартиры. Никаких глобальных проблем, по большому счёту, не было. Просто надоело однообразие: хотелось праздника, яркой вспышки. Предстоящий рабочий день обещал быть трудным и требовал много сил и энергии, но не объяснимая ничем апатия навалилась и придавила к земле. Почему-то не радовало даже долгожданное, изредка пока выглядывающее, весеннее солнышко. Снег ещё лежал, но в воздухе уже носился запах мимоз и праздника. На улице стояла просто невероятная для марта погода. Около дома было много деревьев. Необыкновенно чёткие очертания мокрых стволов и ветвей чернели под огромными снежными шапками

на фоне ярко-голубого неба, на котором застыли полупрозрачные дымчатые облака. С деревьев и купола неба крупными сырыми хлопьями опускался снег...

Пошла медленно-медленно. Не глядя на прохожих, погрузившись в свои мысли, дошла до автобусной остановки. Проезжая мимо уличных часов, в автобусное окно увидела, что до работы осталось совсем немного времени. «Получается, шла со скоростью уставшей улитки. Что-то я совсем расклеилась! — мелькнуло в голове. — А ведь день ещё только начинается!» Вышла из автобуса и торопливо направилась к месту работы. Впереди идущий неформал стал объектом для рассматривания. «Пойду дворами: так короче», — решила девушка. Навстречу изредка кто-то выворачивался, а нестандартно одетый молодой человек, привлёкший взгляд (смотреть просто больше было некуда), продолжал бодро шествовать впереди на солидном расстоянии. Марина старалась не отставать: он задавал темп. Мысли постепенно начали приходить в нужное русло: сосредоточилась на предстоящем рабочем дне. Как вдруг «рэпер» неожиданно обернулся: мимо него Марине навстречу тихо шёл мальчик с собачкой...

Девушка потом несколько раз прокручивала в голове случившееся: «Я увидела его издалека. Он шёл очень медленно, но я опомнилась только тогда, когда он удалился от меня. Рукава куртки были пусты... Может быть, он просто накинул и застегнул её? Курточка старая, ему велика. Вся одежда слилась в грязно-серое пятно. Но лицо!.. За несколько мгновений я взгляделась в него. Маленькое, худое, словно сжатый кулачок, оно выражало боль. Он шёл, сморщившись, мне показалось, плакал. Рядом, путаясь в ногах мальчика, семеня лапами, бежал, может быть, единственный, но наверняка верный друг — маленькая собачка с шерстью, белой от природы и серой от грязи. Ключья торчали в разные стороны. «У этого мальчика что-то случилось», — сразу пришло на ум... А потом корот-

кий и быстрый полилог чувств. «Остановись и спроси, предложи помощь», — посоветовало сердце. «А вдруг она не нужна ему, эта твоя помощь?», — предположил эгоизм. «Ты же не спросила!» — заметила логика. «Я не знаю, что говорят в таких ситуациях», — жалобно произнесла трусость. «Пока ты решаешься, он уйдёт!» — завопила совесть. Глянула на часы: «Боже мой, я опаздываю!» Обернулась ещё раз: расстояние между ней и мальчиком стремительно увеличивалось с каждым шагом; идя вперёд, в метаниях оглядывалась. Тем временем несчастный человек повернул за угол. «Вернись! — последний раз слабым умоляющим голосом прошептало сострадание. — Ещё догонишь!» Но ноги по велению рассудка несли вперёд.

Продолжая торопливо идти, глядя куда-то в пустоту, Марина обдумывала произошедшее. Она столько раз видела людей нуждающихся, просящих, почти никогда не проходила мимо. На фразы: «Они сами выбрали себе такую судьбу!» — всегда спокойной отвечала: «Их что-то заставило выйти на улицу с протянутой рукой: кого-то, быть может, и желание подзаработать, а кого-то — нужда. А ведь это так нелегко... просить!» А он ничего не просил. Только люди, которые видели этого мальчика, точно знали, что ему нужна помощь. «У меня же в сумке яблоко! — обожгла голову мысль. — Хоть его-то я могла дать этому ребёнку!» В голове пульсировал единственный вопрос: «Ну почему ты не остановилась?!» Она повторяла его шёпотом. Вдруг осенила страшная догадка: «Я же больше никогда его не встречу!» По щекам покатились слёзы...

Весь день голову занимало утреннее потрясение. Единственным желанием и огромной необходимостью стало увидеть мальчика в рваной куртке вновь, поговорить с ним. Навязчивой мыслью сидела в голове невозможная встреча. Вечером Марина, поужинав, уставшая за день, уселась в кресло, закутавшись пледом, чтобы дочитать интересную книгу...

Знакомым маршрутом Марина шла на работу. Лужи уже подсохли, во дворах почти не было ветра, а солнышко с любопытством заглядывало из-за нагромоздившихся зданий живущего бурлящей жизнью большого города. Марина всегда замечала, что в больших городах по улицам перемещаются безликие потоки. Не поддающиеся никаким законам вероятности, постоянно меняющиеся комбинации людей и машин в хаотичном порядке куда-то двигались. Вот так остановишься, посмотришь: «А ведь все куда-то идут, а ведь всем чего-то нужно». По привычке свернула в небольшой уютный переулок. И будто оцепенела. Навстречу шёл беззащитный мальчик с собачкой. Сердце забилося учащённо, от волнения прерывалось дыхание, движения и речь стали вдруг какими-то скованными.

— Мальчик, милый, что у тебя случилось? — искренне, молящим голосом спросила девушка.

Но, как это часто бывает, люди, относящиеся к разным социальным слоям, не в силах преодолеть огромной пропасти непонимания. Своим вопросом она нелепо вторглась в его мир, нечаянно разрушила скорлупу, отделяющую его от мира внешнего. Он не испугался — просто не собирался идти на контакт. Опустив сальную голову на тонкой шейке ещё ниже, он тихо, но уверенно шагал мимо, негрубо подгоняя своего мохнатого друга.

— Подожди, пожалуйста, остановись. Ну не бойся меня!

Последняя фраза неожиданно подействовала. Он обернулся и чуть удивлённым голосом заметил:

— А я никого не боюсь.

И больше не стал убегать. Почувствовав внимание, которого он так ждал, которое было ему так необходимо, он ни за что на свете не отказался бы теперь от него. Тимур, так представился Марине мальчик, родителей не ругал (пьяниц любят не меньше, чем заботливых), но сказал, что в школе теперь не учится.

Так получилось. А ещё есть младшие братья и сёстры. А они конфеты любят и болеют часто. Марина слушала и верила, что Тимур говорил правду. Мысленно не согласилась с Л.Н. Толстым: напротив, счастливы все семьи по-своему, а вот несчастны — все одинаково и по одним и тем же причинам. «Типичная неблагополучная семья», — подумала девушка, которая всегда жила в любви и заботе матери. Так захотелось что-то сделать для него! Предложила пойти к ней в гости, на что он настороженно и разочарованно посмотрел на неё. Вырванный из плодородной земли, словно сорняк, красивый цветок был брошен на грядку на произвол судьбы. Он был волен выбирать, где расти, к кому тянуться листочками. Но от ухоженных клумб, коей являлась квартира Марины, он давно отвык. Посмотрел так, что поспешила исправиться:

— Давай зайдём в магазин, я куплю продуктов тебе.

Недоверие сменилось недоумением.

Вновь добавила:

— Тебе и твоим братикам и сестричкам. Я хочу, чтобы сегодня они ели конфеты.

Великой благодарностью светилось лицо ребёнка, когда он принимал этот ценнейший дар — пакет с продуктами — то самое простое и малое, что могла она ему дать. А перед тем как расстаться, открыла сумку и достала две вещи со словами:

— Твоим маленьким родственникам я передала небольшой гостинец, а двоих обделила.

С живым интересом и нетерпением Тимур посмотрел Марине в глаза: она завоевала его доверие. Девушка развернула сложенный заботливыми руками матери пакет и протянула собачке свой «ланч» — большой бутерброд с варёной колбасой. Угощение было оценено по достоинству. Будто говоря «спасибо», пёс смачно облизнулся. А мальчику положила в руки книгу — самоучитель по английскому языку. Он всё понял.

- Ты ведь часто здесь ходишь?
- Да.
- Тогда увидимся скоро.
- Спасибо вам!

На душе стало спокойно и легко...

...Но только во сне. Закрытая книга лежала на полу. Марина задремала под тёплым пледом вчера, да так и проспала всю ночь в кресле. За окном начинало светать.

Конечно, того, что только что с ней случилось, наяву произойти никак не могло. Попросту потому, что люди пока не изобрели машину времени, а Бог располагает события нашей жизни в определённой последовательности. Вернуться нельзя даже к только что минувшему мигу: с каждой секундой он неизбежно всё больше удаляется в прошлое. Я верю, что судьба каждого уже написана, а мы лишь немного меняем её, принимая то или иное решение. Но если всегда слушать сердце, все решения будут правильными, все события — своевременными.

Лариса Назарова

г. Москва

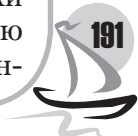
Левшин в косичку

Глава из романа

1

Мотыльки... Влетают в распахнутое окно... Мотыльки... Их десятки, сотни, их уже тысячи... Они заполняют комнату, кружатся... Сумерки. Пахнет керосином. Недописанный роман лежит на столе. Мотыльки, цвет крыльев которых невозможно определить, облепляют стопку листов романа, листы разлетаются. Он понимает, что роман необходимо спасти и кидается к сереющим на паркете среди мотыльков страницам, но скопища крылатых созданий летят, сбивают с ног. Оказавшись на полу, он пытается отбиться от мельтешащих силуэтов, но все старания оказываются тщетными. Из последних сил он поднимается на колени и...

Январский очнулся. Образ мотыльков ещё отчетливо стоял в сознании. Что за сон? Что за наваждение? Январский хотел перекреститься, но не смог: его руки были связаны за спиной. Спиной он ощутил холодную стену, но уже через мгновение понял, что это колон-

на. «Ленинка? — была его первая мысль. — Или Сорбонна? Что случилось? Как я тут оказался?» Приступ страха накрыл Январского. Он лихорадочно пытался вспомнить события, произошедшие накануне.

На пятнадцать минут раньше обычного он отпустил студентов с занятий по актёрскому мастерству, потому что нужно было выбрать духи в «Арбат Престиже» ко дню рождения матери. Солнечная погода располагала к прогулке, и Семён Харитонович решил пройти пешком от института до площади Курского вокзала. Однако на улице Радио он оступился и подвернул ногу. Недолго думая, Семён Харитонович похромал в подошедший трамвай, конечная остановка которого на табличке обозначалась: Курский вокзал. Когда почти пустой трамвай преодолел уже половину своего пути, Январский почувствовал глухой удар по голове.

Что же было дальше? Привязанный к колонне сидел и не мог отыскать в памяти ответа на этот вопрос. «Как отсюда выбраться?» Семён Харитонович старался рассмотреть помещение, в котором находился, но из-за темноты и отсутствия очков он мог видеть только очертания предметов. Январский с силой дёрнул верёвку, стягивающую ему руки, в надежде ослабить узел. По другую сторону колонны раздался крик:

— Аккуратнее там!

— Кто здесь?

— А вы кто?

— Как развязать эту колючую верёвку?

— Я не знаю, она слишком тугая.

— Что здесь вообще происходит? Как я здесь оказался?

— Вероятно, так же как и я.

— Не могу вспомнить, — пробормотал Семён Харитонович и потянул связанные руки.

— Не дёргайтесь: вы сделаете только хуже.

Январский промолчал. Слова незнакомца показались ему резонными. Семён Харитонович стал думать, как выбраться из тёмной комнаты.

— Эй, вы там живы? — снова послышался голос из-за колонны. Только сейчас Январский осознал, что голос этот принадлежит мужчине в возрасте. Тембр был мягким и приятным.

— Жив, жив.

— Как вас хоть зовут?

— Се... — Январский запнулся. — Сократ.

— Сократ? Какое яркое имя. А я Георгий Лаврентьевич.

— Вы можете объяснить, как мы сюда попали? Я ничего не помню.

— Я тоже мало что помню... — и Георгий Лаврентьевич поведал о том, что осталось в его памяти: в тот день Добрянников (такова фамилия этого пожилого мужчины), как и Январский, сел в трамвай на улице Радио в направлении площади Курского вокзала. Ехал Добрянников с Учёного совета, еженедельно проводящегося по четвергам в главном здании педагогического университета, находящегося на той самой улице. Когда почти пустой трамвай преодолел уже половину своего пути, Добрянников ощутил, как ему надавили на плечи так, что он не может подняться, и одновременно зажали нос и рот тряпкой с сильным едким запахом, Добрянников чувствовал, как сознание покидает его.

Семён Харитонович с удивлением обнаружил явное сходство историй их похищения.

— Да, вы правы, сходство поразительное, — отметил Георгий Лаврентьевич, услышав от Январского пересказ событий его злополучного дня.

— Выходит, мы с вами ехали в одном трамвае?

— Выходит, что так... Всё равно ничего не понимаю. Кому всё это понадобилось?

— Если они хотели похитить вас, то причём тут я? Может, меня решили убрать как свидетеля?

— По-вашему, это меня хотели похитить? Может, наоборот, это меня взяли как свидетеля, прихватили с собой.

— Никогда не поверю, — возмутился Январский. — У меня нет врагов.

— Ну, значит, вам крупно повезло.

— Вы мне не верите?

— Успокойтесь, — оборвал Георгий Лаврентьевич. — Давайте лучше вспомним, кто ещё ехал в том трамвае. Кто-нибудь показался вам подозрительным?

— Да ёж знает. Я как-то не обратил внимания. Хотя...

— Что?

— Были две незнакомые женщины, которые странно на меня смотрели. Они сидели напротив и всё время хихикали.

— Вы их знаете?

— Я же сказал, что они не знакомы мне.

— А как они выглядели?

— Обычные такие женщины лет по сорок. Но не думаю, что это они... Да и напали на меня сзади. И потом, кажется, к тому времени эта парочка уже вышла. Не знаю. А у вас есть какие-нибудь подозрения?

— Нет, я не обращал внимания на людей: я читал газету.

Январский выругался.

— Ни одной зацепки.

Товарищи по несчастью попытались выстроить ещё несколько предположений, но пришли к выводу об их несостоятельности.

2

О том, как два человека познакомились, лучше спрашивать у них по отдельности, потому что разные люди абсолютно по-разному рассказывают о первой встрече, если до этого, конечно, не передавали истории своего знакомства друг другу или же не договорились о некой «легенде».

— Знаешь, Арман, как мы с Ларисой познакомились, — говорил Алексей своему другу, вполоборота развернувшись ко мне и говоря как будто для аудитории человек на тридцать, — когда она выступала,

я подумал: «Ну, девушка, ничего особенного, много таких...» — и тут она садится, и эта энергетика меня накрывает.

Арман промолчал. Я тоже. Всё-таки не до конца понятно было, к кому из нас обращены эти слова.

Я бы рассказала о нашем с Алексеем знакомстве (и ему самому рассказала бы... так хочется рассказать) так.

В Москве проводился конкурс «Лучший молодой преподаватель». Мероприятие это равно как для иногородних участников, так и для москвичей было рассчитано на два дня. В первый день размещали в учебных аудиториях заранее подготовленные электронные материалы, во второй день состоялось непосредственно соревнование.

В день первый участникам были розданы программы, в которых, помимо основной формальной информации об организаторах и спонсорах, отражено было распределение преподавателей на группы. Каждая группа по четыре-пять человек, как нам объяснили, согласно психологическим исследованиям — для наилучшего эмоционального состояния конкурсантов.

На этом моменте, пожалуй, можно было бы закончить, потому что с этого момента я и познакомилась, пусть заочно, с Алексеем Михайловичем. Увидев имя его в программе, я и ощутила то самое чувство, которое люди творчески мыслящие сравнивают то с ударом током, то с состоянием невесомости, то с потерей дара речи. Совсем забыв, что конкурс наш для преподавателя молодого, коим оргкомитет посчитал человека до сорока пяти лет, я, с усилием на время очнувшись от нахлынувшего чувства, попыталась рассуждать: «Так-так-так. Если уж случилось мне стать купидоновой мишенью, надо разбираться, кому уготовано моё сердце крылатым проказником. Относительно молодой это человек или уже седовласый лысоватый профессор — с красным лицом и в очках — лет шестидесяти пяти? Видимо, не совсем молодой, потому что написано: доктор наук. Наверное, лет сорок пять или

тридцать пять, а может, и тридцать...» При этом для меня совершенно уже не имело значения, какого он возраста и какие имеет степень и звание.

В этот день мы с Алексеем Михайловичем не встретились. Очень не хотелось уходить, когда было уже пора: так жаждала я дожждаться его. Дождаться, чтобы просто взглянуть, вдохнуть закрутившийся от его движения воздух, облегчить своё состояние. Привыкнув считать для себя одним из правил личного этического кодекса не бросать тех, с кем пришла, я понимала, что должна уйти с молодой учительницей литературы — Катей. Под предлогом того, что, в отличие от неё, поселившейся в гостинице вуза, мне до дома ехать два часа, я предложила моей знакомой перекусить в буфете, где долго-долго ждала, пока остынет чай и максимально разогретая в микроволновке пицца. В аудиторию с размещёнными нами материалами подниматься было уже незачем, но мне хотелось верить, что Алексей Михайлович, придя в университет, обязательно пройдёт мимо нас, будь мы в стенах вуза. Даже перед выходом, к удивлению Кати, я остановилась у дремавшей на вахте рыжей с белыми тонкими полосами — будто горизонтальным мелированием — кошки-матроны, но эта и другие попытки тянуть время за бесконечный хвост не оправдали моих ожиданий.

Как выяснилось потом, в тот день Алексея вообще в университете не было.

На второй день, наконец-то дождавшись окончания общего собрания, затаив дыхание, я вошла в аудиторию, где преподаватели нашей группы должны были выступать. Меня мучили летающие, как стаи чёрных ворон, мысли: «А что, если он заболел? Где и как его теперь искать? Есть фамилия, имя. Прописано место работы: Институт телевидения и радиовещания Останкино — это в Москве, значит, можно съездить. Я же исследователь, я успешно написала диссертацию... Мой, хоть и научный, поисковый опыт просто обязан помочь мне...»

Начали представлять преподавателей — студентам, друг другу и комиссии.

Так вот он каков! С седыми волосами (как тогда мне показалось). Довольно живой. Нет, не столько седой, сколько... трёхцветный. ...Известно, что трёхцветные кошки приносят удачу. Но это если кошка живёт в вашем доме... Только не как у кошки у него волосы: трёх цветов, но не пятнами, а вперемешку. Практически не смотрит по сторонам. Внимание такого просто так не удостоишься. Срочно надо что-то придумывать. Краем глаза смотрю — достал бутылку воды. И я достала, отзеркаливание как-никак, приём практической психологии... Нет, не смотрит. «Придумать что-то надо, надо придумать что-то...» — крутилось в голове. Я мысленно бегала по снегу по часовой стрелке вокруг тёмно-зелёной ели: «Придумать надо что-то, что-то придумать надо...» Но сначала — достойно выступить. Первым делом, как ни крути, самолёты.

Согласно жребию открывала конкурс, представляя свою методику, Катя. Она заметно волновалась, путала цитируемые из стихотворений Марины Цветаевой строки. Жёлтая полуспортивная майка этой кареглазой девушки позволяла Алексею Михайловичу разглядеть... однако я старалась не думать об этом, чтобы не терзаться ревностью. Следить в этот момент за реакцией объекта моего мучения я тем более не решалась.

Пришла очередь выступать второго по жребию. Я уже знала, что зовут Алексея Михайловича Алексей Михайлович, но в который раз заглянула в программу. «Алексей Михайлович, значит, — повторяла я, стараясь запомнить, — Алексей Михайлович», — чтобы не дай Бог не назвать его другим именем при обращении. Почему-то показалось, что ему сложно стоять перед студентами и жюри, сложно даже двигаться, что ему хочется куда-то себя деть, а некуда. Во время выступления Алексея Михайловича мы впервые встретились с ним глазами (глаза у него были такие

же серые, как костюм, глаза... какие-то инфантильные веки), когда я засмеялась одной из его шуток.

Потом уже я узнала, что юмору этот человек придаёт особое значение, да и почти всё он называет смешным: смешная преподаватель из Калининграда, смешная майка...

— У вас эта майка смешная, — говорил он днями позже о моей кораллового цвета футболке с тюлевыми короткими рукавчиками. — В этой футболке я рассмотрел вашу грудь.

— Только сейчас рассмотрели? — спрашивала я, вспоминая свою розовую блузку с жабо, надетую мной в день нашей встречи, состоявшейся на Ладожской, вспоминая то, как тогда, вопреки моим ожиданиям, он не бросил ни единого взгляда на... область, призванную привлекать.

— Да, почему-то раньше я не обращал внимания на вашу грудь. Почему вы не носите открытые блузки? Вам ведь есть что показать.

И до сих пор мне неясно, что скрывается в его понимании за этим словом. Точно могу сказать только то, что оценка «смешно», по мнению Алексея Михайловича, положительная, он радуется, если ему удаётся кого-то рассмешить или побудить улыбнуться, и не просто радуется, а впивается тогда взглядом, но не в смеющегося человека, а в самый смех. Он жадно ловит в этом смехе похвалу себе: «Я тебя рассмешил, моя вещь тебя рассмешила. Продолжай. Подтверди, какой я талант». Не на меня он тогда смотрел, а на мой смех. Потому-то и, рассказывая Арману о нашем знакомстве, отметил, что увидел меня — хотя и подумал, что обычная девушка, — когда уже я выступала. Выступала я после него. Не глядела не только на Алексея Михайловича, но даже на тот ряд, где он сидел, несмотря на то, что жюри расположилось именно там и визуальный контакт с оценивающими выступление лишним не был бы.

Страшно было невероятно, что, обратив взгляд в эту табуированную мной сторону, не смогу не взглянуть в глаза тому, увидеть кого так жаждала, страшно было, что, встретившись с ним взглядом, забуду напрочь — а это точно случилось бы — свою речь и стану (и не перестану уже до конца своего выступления) улыбаться.

— Когда вы выступали, у меня было такое чувство, что вот пришёл преподаватель, и сейчас он всё объяснит, — говорил позже Алексей (уже просто Алексей) о моём уроке, что меня немного расстроило, потому что моя методика основывалась на научно-провокативном вопросе и предполагала активное взаимодействие со студентами, у которых положения урока призваны были вызвать несогласие и желание дискутировать. Сейчас понимаю: одно не исключает другого. «...Вот пришёл преподаватель, и сейчас он всё объяснит...» Да, я действительно так себя веду, и на реальных лекциях, и вообще в отношениях со студентами: даже если внутри маленькая Ларисочка плачет и пищит: «Ну, что же это такое? Почему непонятно, в какой мы аудитории? Сколько можно бегать и водить студентов с этажа на этаж? Когда уже всё устаканится с расписанием? Опять нет ключа на вахте и горничную не найти, у которой второй ключ!» — всё равно своим учащимся я уверенно, спокойно и оптимистично говорю: «Ничего, сейчас всё выясним. Пойду добуду нам ключ». Стиль же ведения лекций, а возможно, и стиль Алексея (может быть, выработанный намеренно?) в целом, иной: своим полуамёбным поведением он побуждает к действию, к тому, чтобы занять то пространство, какое то наполняется, то пустеет по причине плавности его движений и неизменно расслабленной позы.

Горделиво садясь после своего мастер-класса, я слегка обернулась на Алексея Михайловича, занимавшего место за следующей партой. Скорее всего, тут моя энергетика, освобождённая из сдерживающих (сначала предстоящим, затем проходящим) выступлением стен — и накрыла...

Стыдясь беседовать в то время, когда выступают другие, я собиралась дожидаться окончания речи последнего по жребию, но вдруг услышала шутки того, кем были поглощены все мои мысли, — шутки, обращённые ко мне, относительно идущего показательного урока. Преподаватель выступала на английском, и Алексей Михайлович, обращаясь ко мне, с иронией комментировал её реплики. Мной ещё больше овладело чувство стыда от того, что в английском я, мягко выражаясь, не очень сильна.

— Как это произносится? Я не очень люблю английский, — услышала я позже в Ленинке от Алексея Михайловича, читавшего Шекспира в оригинале.

— И долго вы жили за бугром? — перебил преподавателя раскованный студент факультета журналистики. — Просто у вас чувствуется западание языка.

— Да, я там прожила больше, чем здесь, — ответила автор последнего мастер-класса.

Выступивший вторым по жребию преподаватель понимающе вздохнул.

То ли от перенапряжения, то ли из-за перевозбуждённой фантазии мне стало казаться, что Алексей Михайлович начал на меня дуть. Стал ли он глубже дышать, повернув при этом голову в мою сторону, или дул на меня намеренно... Недовольная таким действием, я придвинулась ближе к своей парте.

— Не надо на меня дуть, — сказала я, когда он несколькими днями позже повторил своё действие в метро.

— Вам не нравится, когда я на вас дую? Вы говорите: «Не надо на меня дуть».

— Когда вы на меня дуете, мне не нравится, — честно ответила я.

Обернувшись в очередной раз на шутку по поводу идущего мастер-класса, я заметила, что Алексей Ми-

хайлович заштриховывает в своём блокноте не вполне понятный набросок, выполненный синей ручкой.

— Вы рисуете? — не скрыла я приятного удивления тем, что доктор наук, преподаватель немолодой что-то по-простецки калякает, будто студент-двоечник на задней парте.

— Да, я рисовал во время вашего выступления. Но это не значит, что я не слушал.

В нарисованном под зонтом человечке я узнала... себя, узнала отнюдь не по внешнему сходству, узнала в другом. Будучи автором идеи чтения стихотворения собственного сочинения под зонтом, что отчасти отражало содержание представляемого на суд зрителей текста, я неоднократно показывала этот пользующийся популярностью поэтический номер на творческих вечерах. Алексей Михайлович, однако, продолжал оправдываться, что это не меня он рисовал. Ещё бы не оправдываться: нарисованный человечек был непривлекателен и даже чем-то страшен, напоминал «гнома» из сериала «Закрытая школа».

Помня об эффекте отзеркаливания, я тоже показала свои зарисовки. Чтобы запомнить, как зовут студентов, к которым только Алексей Михайлович да потом я обращались по именам, я по-быстрому набросала прямо на лист с программой выступления отличительные черты внешности тех, с кем предстояло работать: Маша — девушка с зачёсанными назад волосами и довольно большим открытым лбом; Гриша — темноволосый юноша, лицо которого напоминало по форме перевёрнутый треугольник; Таня — бледная в контраст с чёрными, как смоль, волосами и на один тон светлее их рубашкой в крупную розовую клетку; Эвелина — кареглазая эффектная шатенка с длинными вьющимися волосами; Тимофей — широкоплечий молодой человек в чёрной косухе; Роман — обладатель длинного направо зачёсанного чуба цвета блонд.

Позже Алексей Михайлович признался, что был знаком с этими студентами, так как преподавал им

в течение учебного года. Такое, конечно, могло случиться со всяким, кто как-либо был связан с деятельностью в Московском финансово-юридическом университете (а работал Алексей Михайлович там, а точнее здесь, по совместительству, как и в Институте телевидения и радиовещания «Останкино»). Но по условиям конкурса преподавателей должны были оценивать наряду с членами жюри учащиеся незнакомые. После такой откровенности моего собеседника я долго пребывала в огорчении от того, что мне не удалось увидеть всего преподавательского таланта возносимого мной человека. А ведь я могла стать свидетелем его настоящей, максимальной работы, зрителем его истинного гения, который открылся бы при работе с аудиторией новой.

Когда мы с Алексеем Михайловичем спускались вниз по лестнице, каждый из нас, не предполагая, что чувство его взаимно, прилагал все усилия к тому, чтобы общение продолжилось.

— Я начал за вами увиваться, — рассказывал он мне уже после — о нашем знакомстве.

«Увиваться» — разговорное, неодобрительное: «постоянно быть около кого-нибудь, ухаживая, добиваясь чего-нибудь» — по С.И. Ожегову. Неодобрительное... Добиваясь чего-нибудь... Он сам сказал — увиваться.

Почти не обращая внимания на псевдоинтеллектуальный-разговор-о-чём-то моего спутника и перегороженную им лестницу, я в свою очередь старалась привлечь его внимание коротким рассказом о том, что происходило со мной вчера. Говорить от себя лично было нескромно, поэтому я предпочла множественное число, имея в виду всех познакомившихся днём ранее преподавателей-участников.

— Мы вас вчера не видели.

— Меня вчера не было. У меня были лекции.

— Да, если бы у меня были лекции, я бы тоже не приехала.

— Я позвонил и спросил, можно ли не приезжать, и мне сказали, что можно.

— А мы гадали: где наш доктор?

Алексей Михайлович задумался — видимо, над смыслом слов «доктор» и «врач».

— Среди нас всех только два доктора, вы знаете?

— Нет.

— Вы и ещё кто-то.

Тут я поняла, что неопределённое «кто-то» может выдать мой интерес-к-нынешнему-собеседнику и отсутствие интереса к-ещё-одному-доктору, и замолчала.

За невкусным, но зато бесплатным для участников, обедом салат предательски не хотел держаться у меня на вилке: он соскользал, подпрыгивал, падал, соскользал и падал снова. Учительница литературы Катя, первой представлявшая среди нашей маленькой группы свою методику — вживания в роль персонажа — понимающе старалась не обращать внимания на мои ухищрения съесть хотя бы немного содержимого одноразовой салатницы. Однако я сама, представив, как со стороны выглядят эти симптомы влюбившегося человека, тихо, но эмоционально посетовала: «Да что ж это такое! Я как свинюшка!» — и отодвинула предательское блюдо подальше. Катя промолчала.

Заговорили о том, что творческие люди смотрятся ненормальными, что это обыкновенное (и естественное) их состояние.

— Мне кажется, преподаватель тоже должен быть немного ненормальным, — сказала я, вспомнив молодого историка из школы, в которой раньше работала. Завучи, видя, как этот педагог и не старается скрыть того, что он будто не от мира сего, да к тому же ещё непредсказуем, не загружали его так, как тех, «кто везёт».

— Да, — утвердительно кивнул Алексей Михайлович. — Преподаватель — тоже в какой-то степени творческий человек.

«...Тоже в какой-то степени...» — он чувствовал себя больше не преподавателем, а...

За стол подсели студентки и студенты, которым мы показывали свою работу. Студентки смотрели на Алексея Михайловича несколько выжидательно..., «Они будто знакомы с ним», — промелькнуло тогда в моей голове.

Ухаживая за преподавательницами, Алексей Михайлович заливал горячей водой из кулера кому-кофе-кому-чай.

«Вот мы и поели, сейчас попьём чай-кофе и неизвестно, кто куда денется», — думала я. А цель моя — общаться — по-прежнему оставалась актуальной.

— Пойдёмте потом в скверик, пока остальные группы будут обедать? — предложил Алексей Михайлович Кате, мне и видеооператору.

— Наверное, я подожду, пока чай остынет, я горячий не пью, — сказала я, уже представляя, как они уходят без меня или в лучшем случае без нас с Катей.

— А мы с чаем пойдём, — предложил Алексей Михайлович, продолжавший выполнять добровольно взятую на себя обязанность. — Надо вот так: в два стаканчика — не так горячо, — сложив один в другой два пластиковых стаканчика (восторг!) и заливая для меня кипятком патетик с чёрным чаем, говорил он.

Нужно было как-то выделить себя из числа тех, за кем он ухаживал.

— У вас уже опыт, — с намеренной иронией сказала мной.

— У вас такой юмор, Лариса, — после некоторой паузы (вызванной, судя по интонации, не смущением) несколько тише обычного и почти без удивления ответил Алексей, не отводя взгляда от воды, наполняющей два вложенных друг в друга стаканчика. Говорил он быстро, почти скороговоркой, как обычно говорят те, кому предстоит писать и защищать докторскую диссертацию. Наверное, в такой период исследователи всё делают быстро, иначе как им сэкономить время для научной работы, а после защиты, видимо, эта привычка сохраняется. Уже позже,

узнав, что Алексей Михайлович прожил шестнадцать лет во Франции, я предположила, что на его быстрое говорение подействовала страна со скоростью речи одной из самых высоких в мире (если судить по некоторым научным источникам). Почему же не Петербург, где (как так же мной было выяснено не в этот день) Алексей Михайлович родился и где стиль/тип произношения замедленный относительно Москвы с её беглой речью?

Мой же «такой юмор» касательно опыта, как я сейчас понимаю, выглядел довольно глупо.

После интервью о прошедшем последнем этапе конкурса нам предстояла поездка в информационное агентство «РИА Новости», где должно было произойти оглашение результатов и награждение победителей. С согласия Алексея Михайловича я заняла ему место в автобусе, однако, когда мы уже уютно устроились вместе и я начала слушать нескрываясь притянутые за уши с целью меня развлечь рассказы об Анаксагоре, Акрополе, письме оратора Ларисе и трактате об устройстве мира, свободные сидячие места в автобусе закончились. А преподаватели всё подходили. На месте, занятом мной для Алексея Михайловича вскоре оказалась молодая преподавательница из Калининграда Елена. Увидев, что уступившему ей место неудобно стоять с заметно тяжёлым рюкзаком и папкой, Елена предложила: «Давайте я вам что-то подержу», — вызвав тем самым смех у всех рядом находящихся. На её вопрос, что такого смешного она сказала, я ответила, что всё дело в неопределённом местоимении.

Алексей Михайлович, как ни странно, беседовал, конечно, и шутя, уже по большому счёту только с Еленой. Поначалу я внимательно слушала его болтовню («Вот мы сегодня показывали мастер-классы... Есть три степени мастерства. Первая — это когда применяешь различные приёмы, а действуют только некоторые. Дальше — когда взаимодействуешь со сту-

дентами и они реагируют так, как ты того ожидаешь. А наивысшая — это когда абы что делаешь, а всё равно получается...»), надеясь, что Алексей обратится и ко мне. Потом, стараясь не показать вида, что потрясена такой переменной объекта его общения, всю оставшуюся дорогу молча смотрела в окно, прерывая это занятие только ответами на вопросы Елены, которая, видимо, чувствуя неловкость от того, что теперь всё внимание интеллигентного вида мужчины, недавно сидевшего там, где сейчас удобно расположилась она, поглощено лишь ею, периодически заговаривала со мной.

— Как вы считаете? — спросила меня Елена, когда они затронули вопрос о карьере и роли в семье женщины. Обсуждение своего непонимания женской психологии — излюбленная тема Алексея.

— Женщина может пожертвовать своей карьерой ради карьеры мужа, — коротко и уверенно ответила я.

Уже много позже Алексей Михайлович, рассказывая мне о нашем пути в «РИА Новости», отметил, что обратил внимание на то, что я «совсем немножко обиделась» на его общение с Еленой. Тогда, по его словам, он подумал: «Надо же, такая чувствительность; это редкость в нашем веке».

По прибытии в информационное агентство Алексей Михайлович сообщил мне, что считает Елену смешной, отчасти из-за фамилии Зёлко, и хочет разыграть её, только не знает как.

— А что смешного в этой фамилии? — старалась я выяснить по его реакции, действительно ли он хочет разыграть преподавателя из Калининграда или желает быть султаном среди всех педагогов прекрасного пола.

— Ну, как же... Смешная фамилия. Ещё для женщины нормально, ладно, а для мужчины... Я не знаю, что бы я делал, если бы у меня была такая фамилия.

Сделав вид, что не поняла намёк на просьбу о помощи в генерировании идеи о розыгрыше, я доби-

лась того, что мой собеседник открыто попросил совета. Было понятно, что ему хочется убить сразу двух зайцев, и, дабы не потерять возможности общения со мной, он делает меня неким сообщником. Советов поэтому я давать не стала:

«А от неё-то вам что нужно?»

Елена, по всей видимости, также почувствовав игру на два фронта, поспешила прекратить общение с Алексеем Михайловичем (хотя для чего она тогда, судя по его позднему рассказу, по окончании конкурса прислала общую фотографию всех участников на его электронный адрес?).

— Вы дали ей свой электронный адрес?

— Нет, я подумал, что она всем прислала эту фотографию.

— А откуда у неё ваш адрес?

— Я подумал, что она взяла его из письма организаторов. Они же не делают скрытую копию, а отсылают всем сразу.

— Странно. Мне она ничего не присылала.

На это Лёша (тогда уже даже Лёша) подчёркнуто сказал, что не ответил Елене.

Дождаясь церемонии награждения, мы с Алексеем Михайловичем и отчасти с Катей забавлялись интеллектуальными разговорами об искусстве. Когда речь дошла до искусства танца, я с волнением отметила:

— Поразительно, что в танце, как и в жизни, партнёры постоянно находятся в движении: они то друг с другом, то врозь, но не выходят за пределы площадки или сцены; они в разных углах зала, но каждый двигается так, будто хочет показать что-то другому, и через мгновение они снова танцуют вместе; они держатся за руки, отворачиваются, расходятся и при этом продолжают держаться.

Тут я обнаружила, что рука моя сжата в кулак. Я никого не держала.

3

— А зачем ты пишешь роман?

— В отместку. Вот послушай, как он может начинаться, — я достала листок. — Роман создаётся в отместку, однако добрую, если можно так сказать, отместку, оттого что писать произведение о ком-то со зла вообще не стоит. Один человек, один писатель, который живёт сегодня, ходит по Москве, Питеру, другим городам нашего отечества и заграницы... Последнее время по одному из телевизионных каналов, представляющему себя в наибольшей степени искренним, много говорят об инопланетянах. В том числе почти загробным голосом, нагнетающими интонациями с экрана повествуется, что инопланетяне используют людей в качестве только лишь биологического материала, для своих экспериментов, поступая при этом не более враждебно, чем мы, желая сварить из курицы суп. Такая метафора приводилась. Аналогично поступает человек, о котором пойдёт речь, с людьми, его окружающими, с нами. Он берёт наши слова, движения, мысли, открываемые ему, даже чувства, чтобы сварить свой суп-произведение. Многие указывали ему на это с негодованием, желая открыть его глаза на мир. На людей, живых, чувствующих. А кто-то из этих добровольцев, я уверена, любил его. Но и их слова он превращал лишь в ткань своей прозаической или поэтической паутины.

Помнишь: «Не пускай его больше в наш дом: он приходит смотреть, как я умираю», — так приблизительно было сказано. А приходил-то кто? Великий писатель. Но человечность-то, тактичность, внимание, сочувствие всё же должны быть!

Саша Раскин

г. Тольятти

Живой

Рассказ

Ничто не предвещало беды. По крайней мере, большой. Рабочий день тянулся в привычном ритме. Чик-чирик по клавиатуре — получасовой разговор с поставщиком насчёт того, что он сливается с аукци-она, — чик-чирик. Потом обед, совещание, чаепитие, опять совещание и традиционное хвастовство детьми. И, наверное, стоило бы на этом закончить, если бы в отдел не ворвалась гномоподобная санитарка:

— Караул! Девчонки! Караул!

Расслабьтесь, я не обиделся. Никто не обязан знать, что в «материально-техническом» есть па-рень.

— Тише! — вскочила со стула заведующая скла-дом. — Что случилось?

— Господь милостивый! — истерила санитарка. — Павел Иванович, Павел Иванович!

— Что?! Что с ним?

Санитарка внезапно успокоилась.

— Помер... — тихо выдавила она. — Отец его.

Теперь стоп! Чтобы вы прочувствовали грусть момента, поясню. Короче, нашим отделом заведовал Павел Иваныч — типичный сорокапятилетний мужик в строгом чёрном костюме, имеющий привычку нервничать по каждому поводу. После того, как он слил несколько бизнесов, жизнь закинула его в больницу. А в роли жизни, как это бывает, выступил отец, который работал у нас начмедом. Конец.

— Неужели? Какой кошмар! — услышал я голоса из соседнего кабинета.

— А он точно... умер? — сомневалась заведующая складом. — Может, вы ошиблись?

— Точно, точно, — опустила голову санитарка. — Сама видала, как дух спустил.

— Жаль мужика, — вклинился я. — Очень жаль...

Смерть — это всегда трагедия. И неважно — одного или миллионов.

— Вы свободны, — взяла себя в руки заведующая складом. — Мы сообщим.

— Ой, спасибо! Спасибо вам! — раскланялась санитарка. — Честно говоря, я его боюсь. Мало ли! Ещё пенсия впереди...

Умная санитарка, да? Несмотря на то, что деревенская.

— Кто пойдёт? — спросила шёпотом заведующая складом, когда мы собрались перед кабинетом Иваныча.

Все отвернулись. Один я затушил.

— Сань, сходишь?

— Ну... — замылся я. — А разве ему не позвонят?

— Сань, мы женщины, а ты — мужик. Будет куда удобнее, если скажешь ты.

Будет куда удобнее, если уволят меня!

— Ладно, ладно... скажу, — нехотя согласился я. — Только вы где-нибудь погуляйте. Вдруг сорвётся.

— Девочки! На выход!

Спасибо тебе, порядочность! Перевести бабушку через дорогу? Конечно! Угостить друзей в баре? Без проблем! Сообщить начальнику о смерти отца? Легко!

Набравшись храбрости, я постучал в дверь.

— Павел Иванович, разрешите? — робко обозначился я.

— Расков! Вы мне и нужны! Заходите!

Кстати, забыл предупредить: Иваныч обращался исключительно на «вы». То ли из-за уважения, то ли в целях дистанции. Хрен его знает.

— Присяду?

— Садитесь, — безразлично кивнул он. — Сегодня звонили с металлургического завода, помните? Те мошенники, которые поставляли термосы. В общем, они предупредили, что явятся в четверг. Будем проводить экспертизу. Так проводить, чтобы она провалилась... Сходите на склад, проверьте крепления. Термосы, которые покажутся нормальными, отложите подальше. Те, что явно бракованные, — наоборот. Уяснили?

— У вас папа умер, — сказал я. — Прибегала санитарка... с реанимации.

Этого мы и боялись — его непредсказуемой реакции. Психанёт? Наорёт? Уволит? Но ничего такого не последовало. Иваныч залез в сейф, достал бутылку мордовской водки, палку колбасы и некоторую посуду.

— Помянем, Расков. Помянем.

Не желая показаться равнодушным, я подхватил бутылку. Моя рука профессионально разлила горькую по рюмкам. Иваныч, в свою очередь, нарезал колбасы.

— Не чокаясь, — закинулся он. — Наливай вторую.

Вторая пошла мягче. Третья ещё мягче, а четвёртая — вообще как вода.

— Расков, у тебя батя есть? — его прорвало на откровения.

— Так он меня и устроил.

— А, точно... Ты его любишь?

— Люблю, — ответил я. — Определённо люблю.

— Вот и я своего. Никому не рассказывал, но с тобой поделюсь... В детстве, во время каникул, он меня взял на рыбалку. Есть такая река Уса — вот мы туда и поехали. Разложились, значит. Удочки там, крючки всякие... Батя мне червя насадил, жирного такого, а я как размахнусь!

— И что?

— Ухо проткнул... насквозь!

Заранее извиняюсь. Было грех не подыграть.

— Серьёзно?! А дальше?

— У меня паника, кровяца. Попытался вытащить — никак. Реву на весь берег, прошу на помощь. Тут батя подходит. И говорит: «Давай вытаскивай». А я реву, реву. Он повторяет: «Вытаскивай или высеку». Представляешь?

— А вы?

— А чё я? Вытащил! Резко дёрнул и вытащил. Вон, видишь? — показал на ухо Иваныч. — Но я не обиделся, ни капли... Тот случай меня научил. Многому научил. Я вдруг почувал, что могу. Всё могу! И крючок вытащить, и с работы уволить. Всё могу!

Блин... К чему это он?

— Ну, помянем, — я поднял рюмку. — Не чокаясь. Выпили по пятой, затем по шестой.

— Расков, ёпта! Знаешь, чё скажу? Знаешь? — наклонился ко мне Иваныч. — У бати денег было — жопой жуй! Считаю: коттедж в Зелёновке — раз, крузак двухсотый — два, автосервис на Полевой — три! Понял меня? Ты понял?

— Понял, понял... — кое-как соображал я.

— И всё осталось мне! Понял?

— Понял, понял...

— Хорошо, что понял. А знаешь чё? Мне это не надо! Понял? Мне батя дороже. Он меня воспитал.

Вложил. Да я бы всё отдал, чтобы его спасти! Ты понял?

Не передать, как мне захотелось пожать ему руку.

— Золотые слова... Помянем!

Дверь кабинета распахнулась. На пороге стояла заведующая складом.

— Павел Иванович! — тяжело дышала она.

— О! Ленок! Проходи! Ща и тебе накатим...

— Живой, Павел Иванович! Живой!

— Кто, Ленок? — не врубился он.

— Папа ваш! Жив! Откачали!

Нижняя челюсть Иваныча упала на пол. Представляю, как он обрадовался!

— Как жив? — дрожащим баритоном переспросил Иваныч.

— Жив! Жив! — подхватил я.

Догадываетесь, что дальше?

— Расков... вы это... идите работать, — он спешно закрыл бутылку, убрал под стол.

— Но...

— Оставьте меня! Елена Владимировна, вы тоже!

Мы переглянулись с заведующей складом. Её глаза выражали недоумение.

— Давайте, давайте...

И мы ушли. Как ни в чём не бывало продолжили чирикать на клавиатурах.

Странная история. Даже очень.

Иван Попов

г. Магнитогорск

Проклятие Саши Толстого

Рассказ

*— Всё, что происходит в мире,
настолько абсурдно, что наши самые
невменяемые действия способны
лишь понизить градус общего
безумия. Поэтому будет логичным,
если я вырву твои ореховые зубы.*

Из разговора

Я проснулся в середине ночи, потому что почувствовал: в комнате, где я должен быть единственным представителем несовершенного человеческого разума, находится кто-то ещё. Открыв глаза, я разглядел в свете пробивающихся сквозь наглухо зашторенное окошко автомобильных фар среднего роста коренастого незнакомца, чьё лицо было скрыто картонной маской кролика. Маска эта — зловещая, точно бы лучезарность страдания, — сделана была пьяным художником Юрой Шарашкиным, но откуда я это знал — вопрос безответный. Тем временем незнакомец на-

чал торопливо рассказывать по комнате, заложив руки за спину; левая рука судорожно обхватывала запястье правой, железобетонно сжатой в кулак.

— Кто ты? — спросил я, ибо начинать разговор первым незнакомцу, видимо, не хотелось. Услышав мой голос, он остановился и пристально посмотрел на меня сквозь прорези в маске.

— Я — Саша Толстый, — ответил он вслед за недолгой паузой. Мне это ничего не пояснило, но продолжать расспросы казалось неуместным: что, в сущности, можно было добавить к сказанному? Следующие несколько минут безмолвие торжествовало.

— Я проклинаю этот мир, — вновь заговорил незнакомец, и в голосе его, казалось, зазвучала нотка обиды.

— Аналогично, — не выдержав, я зевнул. — Покажи мне человека, зверя, цветок или любое другое существо, находящееся в ином положении. Если предел Абсурда Вселенной был превышен, — а в этом я и не сомневаюсь — то явно не в последние пару дней. И даже не в последние пару месяцев. Где грань, отделяющая пошлое морализаторство и дешёвую подделку под подобие — и только лишь подобие — сакральности от чистой и пронзительной, искренней настолько, что практически неуловимой, нотки Любви, Веры или Надежды — или различных их комбинаций? Человек несчастен потому, что третьего не дано ни при каких обстоятельствах. Потому он, впрочем, и счастлив, ибо четвёртого нет вообще.

Некоторое время мой собеседник молчал, точно обдумывая сказанное.

— Нарекую тебя Савелий Адамантьев, — проговорил он наконец и, чуть помолчав, добавил: — Отныне для тебя существуют только «да» или «нет».

— Перестань, — не выдержал я. — Это уже становится скучным. Характер нашего диалога не позволяет мне задавать личные вопросы, но всё же: как признаться в любви тому, кто существует в ином измерении?

— Стучи — и тебе откроется.

— Бред и западная пропаганда. Нет ничего честнее буханки ржаного хлеба. Если, конечно, ты не подсел на лягушачьи лапки.

— Раз уж мы заговорили о свободе, — Саша Толстый вновь начал измерять комнату вкрадчивыми шагами, — то не думаешь ли ты, что пространству для существования необходимо пространство?

— По мне, так с него достаточно и названия. Уже причина существовать, а сколь многие понятия ещё и названий-то не имеют!

— Нарекаю тебя Савелий Адамантьев, — он вновь остановился и с той же неодолимой пристальностью взгляделся в мои глаза. — Путь благочестия — дурное оправдание бездуховности, — и, произнеся последнюю фразу, он растворился в радужной вспышке серых оттенков.

— Бред, — пробормотал я, глядя в потолок. — Надо же было такое придумать — стащить маску у Юры Шарашкина!

Остаток ночи не отличался оригинальностью: на этот раз моё исковерканное невысказанными доводами сознание вновь посетил давний, в тоскливое смирение вгоняющий меня кошмар. Охотник за ореховыми зубами преследовал меня в нелепо искривлённых коридорах старого психоделического театра, где я и Катарина — ах, уже так давно — вцеплялись восторженными и точно меры не знающими взглядами в тягучее величие спектакля «Дешевле кармы». Сюжет, одновременно простой и глубокий, заключался в следующем: на одном из витков своего развития человечество открывает доступ к неограниченному количеству Алгоритмов Функционирования Мысли — именно так охарактеризовал природу кармы директор Корпорации, занимающейся её повсеместным внедрением в качестве новой универсальной валюты. «Все мы по натуре своей безликие. Если внутренний

стержень не соединён причудливыми и непостижимыми порою связями с Тем, что превыше любого из нас, то оправдывает ли душа существование тела?» — вопрошал он, глядя в зрительный зал несчастными глазами человека, который давно — и без всякого желания — принял торжество лжи над Истиной. Закончив пронзительный монолог, актёр неожиданно посмотрел на меня; едва ли наши взгляды пересеклись более чем на долю секунды, но её мне хватило, чтобы понять: взгляды своего героя он разделяет на все сто доступных человеческому восприятию процентов. Я посмотрел на Катарину — взгляд её серо-голубых, словно бы вечно раздумывающих, что именно в картине Бытия их обладательнице непонятно, глаз был устремлён на меня в течение всего монолога.

— Ваши души похожи, точно братья-близнецы: точки, соединённые в рисунок.

— Да перестань, — я тихо засмеялся. — Что такого может случиться в мире, чтобы я принял решение встать с дивана? Разве что чайник закипит.

— Но он кипит, и уже давно; а ты всё ещё продолжаешь сомневаться.

— Такова уж моя натура. Между прочим, вчера ко мне приходил сам граф. Внимание столь высокой персоны — залог грядущей переоценки ценностей.

— Если в левой руке он держит вилку, то что же находится в правой?

— Тарелка, ибо граф левша. О чём я, впрочем, неоднократно рассказывал.

— Сны для тебя важнее Яви?

— О тебе — безусловно. Остальные в основном низкопробный шлак. Орлы, терзающие печень, голуби, язвящие душу, и даже воробьи выклёвывают мне глаза. Впрочем и то небольшое, что я успеваю разглядеть до этого, уже способно сделать меня выдающимся орнитологом.

— На то здесь и граница миров. Но как далеко ты готов зайти?

— Так же, как и всегда — уничтожить эту Вселенную или позволить ей продолжить существование.

— Игра в прятки — далеко не лучший способ постижения Мироздания, — она провела своей прохладной рукой по моей щеке. — Мои глаза потеряли то, чего никогда в них и не было. Существует ли большая горечь?

— Только одна — горечь обретения несуществующего.

Она замолчала, положив свою прелестную голову мне на плечо. Глядя на сцену, где сын директора Корпорации медленно, но неотвратимо сходил с ума от слишком уж частой смены собственных Алгоритмов, я медленно поглаживал Катарину по плечу. Какая жалость, проскользнуло у меня в голове, что в мире Яви не ставят подобных спектаклей; какая жалость. Спустя несколько минут Катарина задремала, довершив таким образом идеальность момента.

Утро приветствовало меня тревогой, брызги которой, точно враждебные конфетти, разлетелись по всем углам восприятия. Случайный взгляд в зеркало подтвердил опасения: я больше не был самим собой. Впрочем спустя некоторое время я рассудил, что ничего фатального в конечном итоге не произошло: Савелий Адамантьев — это, конечно, не Джон Малкович, но почему бы — разнообразия ради — не побывать в его шкуре. Закипевший чайник окончательно привел меня к благодушному спокойствию.

Около полудня в мою жизнь ворвался художник Шарашкин, постучавшись — по обыкновению своему — в хронически зашторенное окно. Войдя в квартиру, он сел на диван и несколько минут молчал, точно прислушиваясь к скрипам Вселенского Механизма. Я расположился в кресле напротив и терпеливо ожидал.

— Прошил, — тихо и точно к удару готовясь, внешне пробормотал Шарашкин.

— Опять? Обещал же подарить.

— Душа не терпит отлагательств.

— Напротив — только это она и делает. Придумывает нелепые отговорки, дабы ещё мгновение провести в зоне комфорта. Всякую, знаешь ли, ерунду.

— Если только не считать, что ерунда находится за пределами этой зоны.

— Странный ты человек, Юра Шарашкин. У тебя тысяча голосов — и ни у одного из них нет имени.

— Зато есть лица.

— Это хорошо, что есть лица. Лицо — первый признак человечности.

— Лицо, обезображенное страданием.

— Бывает и так, но чаще — Абсурдом. У нас что сегодня, день откровений?

— Мы и так его отмечаем при каждой встрече.

— К обоюдному удовольствию.

— Твоя душа — точки, соединённые в рисунок.

— Кто-то мне уже говорил нечто подобное — едва ли осознавая, что все мы повторяем одно и то же на разный лад.

— Это похоже на проклятие.

Проклятие Саши Толстого, подумал я, но озвучивать не стал. Некоторое время мы молчали: всё необходимое было уже сказано; катастрофически не хватало дешёвого вина. Шарашкин, казалось, не замечал произошедших со мной изменений, но это ни о чём ещё не говорило, ибо в тот момент его вторым именем было Рассеянность. Когда он ушёл, я приблизился к зеркалу и равнодушно подметил, что успел уже выскнуть к новой ипостаси.

Следующие несколько дней не происходило ничего существенного. Раза два или три ко мне заявлялся граф; ставшие уже привычными разговоры за жизнь и про ничего быстро приедались — и тогда мы проводили сеансы одновременного творчества, ибо волны вдохновения наконец-то совпали. Ничего особенно ценного мы, впрочем, не написали, но важен был сам

процесс. Остальное время заполонила монолитная скука; во сне я не видел ни Катарину, ни — к огромному своему облегчению — рождающего в душе гулкую дрожь охотника за ореховыми зубами.

Прошло около недели с той поры, как посреди ночи мне явился Саша Толстый, когда, возвращаясь с одиночной пешей прогулки, я недоумённо обнаружил в стене соседнего дома неприметную белую дверь, которой ранее не наблюдалось. Очередная лавка чудес, подумал я и, следуя зову скучающего любопытства, направился внутрь. Стены небольшого квадратного помещения были сверху и донизу увешаны различного вида часами; обыкновенный, хотя и несколько старомодный, часовой магазинчик. Продавец, восседающий за прилавком, тщательно изучал нечто, напоминающее пиратскую карту, — сложенный в несколько раз, потрёпанный и пожелтевший от времени пергамент. Заслышав звонок дверного колокольчика, он устремил на меня взгляд серых, ничего не выражающих глаз.

— Могу я чем-то помочь?

— Едва ли. Время, знаете ли, требует наполненности — в чём и заключается причина моего визита.

— Времени не существует.

— В нашу эпоху подобный вывод уже не может считаться оригинальным.

— Я сказал только то, что хотел сказать. Ничего необычного не замечаете?

— А должен?

— Судя по всему, внимательность — далеко не главный ваш козырь.

Я снова — на сей раз более пристально — огляделся по сторонам; вопросов не возникало. Я собирался уже заявить, что не нахожу в обстановке ничего более или менее примечательного, как неожиданно меня осенило: помещение, что должно бы сочиться звуками, чуть не полностью наводняла тишина. Лишь слева от меня одиноко тикали старинные, медными

римскими цифрами обрамлённые часы в тёмном деревянном корпусе.

— Теперь вы напоминаете безумного учёного.

Часовщик безмолвно поднялся, вышел из-за прилавка и, оказавшись напротив, остановил на мне пристальный, словно бы в душу ввинчивающийся, взгляд. Некоторое время мы глядели друг на друга; затем Часовщик коротко и мощно ударил единственные исправные часы прямым в центр циферблата. В помещении воцарилась практически полная тишина.

— Зачем вы это сделали? — спросил я, наблюдая за тем, как Часовщик безразлично вытягивает впившийся в тыльную сторону ладони осколок стекла.

— Времени не существует.

— И что теперь — впадать в истерику?

— Разве вы не Савелий Адамантьев?

— Отнюдь. Продемонстрировать паспорт?

— Вы же не держите его при себе.

— Слишком уж много вы обо мне знаете для человека, которого я вижу впервые. Имя Саша Толстый вам ни о чём не говорит?

— Где-то я уже его встречал, кажется, в заголовках свежей прессы.

— Мир окончательно сошёл с ума. А его фотографии там случайно не было? Маска, заверяю вас, принадлежит не ему.

— Бытие построено на законе Двойственности. Реальность — всего лишь отражение Иллюзии; вдвойне Иллюзия, если вдуматься.

— Но в таком случае процесс должен продолжаться бесконечно.

— Третьего не дано.

— Что же тогда четвёртое?

— Осознание отсутствия третьего.

— Кажется, разговор заходит в тупик. Я, пожалуй, продолжу свою прогулку.

— Вы не хотите узнать, что находится в дальней комнате?

— Не слишком. Полагаю, какой-нибудь старый хлам.

— В некотором роде. Там хранится чертёж Вселенной — и чертежи каждой души, фигурирующей в истории Мироздания.

— Не чересчур ли велик разброс?

— Вселенная и душа имеют сходную структуру, — чем, собственно, и обусловлено наличие в каждой душе некоего метафизического рычага. Стоит привести его в действие — и Вселенная в одно мгновение будет стёрта, словно бы никогда и не возникала. Что, впрочем, совершенно одно и то же.

— История как в экзистенциальной пьесе: ни рифмы, ни смысла... ни сюжета.

— Вам подавай ещё и сюжет? Извольте: чертёж вашей души, — и Часовщик протянул мне всё ещё зажатый в кулаке пергамент. Чуть помедлив, я развернул неожиданный подарок.

— Это же просто точки, соединённые в рисунок.

— А вы ожидали увидеть подробный план Тадж-Махала?

— Хватило бы и дачи Грибоедова — тогда, по крайней мере, на неё нашлись бы покупатели.

— Не всё золото, что блестит.

— И не всё птица, что летает. Лично мне дирижабли куда милее.

— Для юноши вашего возраста — довольно странное увлечение.

— Благодарю за беспокойство. Не потрудитесь объяснить, что это за красный кружок на схеме?

— Я пометил место расположения рычага.

— А вот подобная забота уже совершенно ни к чему.

— Чайник не может закипать бесконечно. В некоторых ситуациях существуют лишь «да» или «нет».

— А люди, по большому счёту, не слишком отличаются друг от друга.

— Помесь цинизма с идеализмом.

— Вы, кстати, не подскажите, как можно признаться в любви тому, кто существует в ином измерении?

— Я подумал бы над этим, но вас, кажется, ждёт прогулка. Не смею задерживать.

— Вы чрезвычайно приятны, практически до отращения.

Я развернулся и направился к двери — и уже готов был ступить за порог, когда внезапная реплика Часовщика заставила меня резко обернуться.

— Любопытные у вас зубы, — произнёс он голосом, бесповоротно лишённым намёка на человеческие интонации. Взгляды, точно тонкие чёрные спицы, связали наши зрачки в единый всеразрушающий луч.

— Это угроза или предупреждение?

— Констатация факта.

Судорожно пожав плечами, я поспешил оказаться снаружи.

Несколько дней я не решался выйти из дома. Неоднозначная реплика Часовщика пробудила во мне зудящий, выматывающий душу страх; свет в моей комнате не угасал ни на секунду, и даже надежда увидеть Катарину блекла перед возможностью встречи с давним преследователем лицом к лицу. Наконец я не выдержал: захватив пергамент, который — по причине, не до конца мне понятной, — не хотелось оставлять без присмотра, я направился в лавку Часовщика. Знакомая до снисходительного пренебрежения стена встретила меня пронзительной пустотой: дверь часового магазинчика исчезла столь же закономерно и внезапно, сколь и появилась. Чуть потоптавшись на месте, я направился обратно; отступать было некуда.

Вернувшись, я расположился в глубоком кресле и снова — в бесчисленный по счёту раз — изучил вручённую мне схему. Затем отложил её в сторону и несколько минут сидел, уставившись в никуда. Из состояния прострации меня вывел свист закипевшего

чайника; выключив огонь, я вновь переместился в кресло и, решительно выдохнув, закрыл глаза. Погружение произошло мгновенно: сущность моя оказалась в невидимых и неосязаемых коридорах души, которые приводили в лихорадочное восхищение своим поистине титаническим размером. Чувство, завладевшее мной, было сродни квинтэссенции счастья: невероятная, никем и ничем не ограниченная свобода заполонила моё существо, точно воздушный шар, до взрывоопасного предела. Пространство и Время теперь воспринимались совершенно иначе; я скользил, точно в небесном паркете, как никогда прежде ощущая себя живым. Но гвоздь в сапоге не заставил ждать себя долго — и столь же неожиданно пришло ощущение давящей тесноты, ибо стало понятно: за пределами этих коридоров, комнат и галерей нет и не может быть абсолютно ничего. Свобода обернулась иллюзией, освобождённый — пленником самого себя.

Наконец я достиг места, отмеченного Часовщиком. Дверь, на первый взгляд показавшаяся запертой, легко поддавалась при первой же попытке; в центре небольшой, размером с давешний часовой магазинчик квадратной комнатухи — оазиса в беспредельной пустыне монументальности — я обнаружил требуемый рычаг. Но рука, протянувшаяся было привести его в действие, застыла на полпути, и, поколебавшись долю секунды, я решительно покинул помещение, иррационально уверенный в том, что оставшаяся за спиною дверь уже никогда, ни при каких обстоятельствах не сможет быть открыта.

Первым, что я увидел по возвращению, была парящая передо мною голова Часовщика. Глаза его — цвета колючей проволоки — взирали, как и прежде, бесчувственно и отстраненно; обнаружив моё присутствие в мире Яви, голова зловеще улыбнулась и начала неторопливо растворяться. Улыбка, впрочем, осталась на месте, приобретя к тому же тревожную

красноватую подсветку. Несколько минут я размышлял, как — и стоит ли вообще — реагировать на происходящее, и, так и не определившись, отправился на кухню, чтобы поставить на огонь давно и безнадежно остывший чайник. Попутно выяснилось, что показавшееся бесконечным путешествие в глубины души в реальном времени заняло не более двух или трёх часов; на улице только начинало смеркаться. Демоническая улыбка неотступно следовала по пятам.

Заварив наконец-то чай, я вернулся в комнату и расположился всё в том же кресле. Чтобы несколько отвлечься от присутствия чужеродного существа, я включил размещившийся на потемневшем от времени столике громоздкий телевизор и попал на неведомую новостную программу: Президент, окружённый полукольцом микрофонов, отвечал на вопросы остающихся за кадром корреспондентов. С подобием ленивого интереса я начал вслушиваться в диалог.

— Специфика проклятия Саши Толстого в данный момент ещё не может быть установлена со всей очевидностью. Могу заверить общественность, что прямо сейчас наши лучшие специалисты работают над решением этой проблемы — и результат поразит вас многим больше, чем прогремевшее на весь мир повторное изобретение колеса.

— Не слишком ли громкое заявление?

— Зависит от развитости слуха. И тот факт, что каждый слышит лишь то, что хочет, никто пока что не отменял.

— Какие меры по нейтрализации проклятия Саши Толстого были предприняты государственным аппаратом?

— В первую очередь считаю нужным заявить, что наша политика в отношении преступлений остаётся неизменной. Естественно, при явке с повинной и добровольном раскаянии мы готовы несколько смягчить наказание, но не стоит думать, что государство станет вести переговоры с потенциально опасными

элементами. Действия, направленные против социума, вполне понятны, но недопустимы.

— Правда ли то, что истинная личность Саши Толстого до сих пор не установлена?

— Не стоит впадать в панику. Похищение маски лишь только усугубляет тяжесть совершённого им преступления.

Господи, тоскливо подумал я, что же это за дикий, невыносимый бред. Абсурд происходящего достиг апофеоза; не в силах более сопротивляться усталости, я выключил телевизор и, бездумно повалившись на кровать, мгновенно переместился в иное измерение.

И снова я очутился в старом психоделическом театре на границе миров — на сей раз никого, за исключением меня и Катарины, в зрительном зале не наблюдалось. Постановка была незнакомой и, по-видимому, недавней; декорации представляли собой находящуюся в состоянии перманентного бардака и на удивление знакомую комнату, по которой торопливо расхаживал среднего роста коренастый актёр в чёрной кроличьей маске. Второй актёр — тот самый, что играл сына директора Корпорации в спектакле «Дешевле кармы», — возлежал на поставленной в правом дальнем углу кровати, старательно имитируя внезапное пробуждение. Происходящее вызывало неприятное, тревожное ощущение узнавания, но времени разбираться в собственных чувствах не оставалось. Я устремил взгляд на Катарину, которая увлечённо созерцала представление; некоторое время я выстраивал мысли в наиболее правильном порядке, а затем, глубоко вздохнув, заговорил:

— Чаще всего понимание появляется в тот момент, когда, казалось бы, ничто не предвещает прогресса. Так, бывает, идешь по улице и внезапно осознаешь: если прямо сейчас на голову тебе свалится роуль — в этом не будет абсолютно ничего необычного. Другое дело — кирпич: мы ведь отлично знаем, что ни с того

ни с сего он никому и никогда на голову не свалится. Истинный Абсурд тонок, точно клинок рапиры; его замечаешь далеко не сразу, а когда заметишь — это значит лишь то, что каким-то неведомым, непостижимым образом ты ухитрился стать его частью. Это чувство способно свести с ума: то, что прежде казалось безумным, наполняется не до конца понятной и самому тебе логикой, точно бы судно, погружающееся в бесчувственную морскую глубину; логикой, способной ответить на все вопросы, кроме одного: неужели во Вселенной существует нечто более бессмысленное, чем дурная бесконечность повседневности?

Катарина продолжала безмолвно глядеть на сцену. Невольно мне вспомнился охотник за ореховыми зубами, и, выдержав короткую паузу, я продолжил:

— Когда мы находимся вместе, я ощущаю себя главной звездой телесериала — мыльной оперы «Кукла возвращается», в которой есть ещё персонаж, похожий на волка из какой-то абсурдной, странной сказки. Но, несмотря на бесспорную двойственность происходящего, именно в такие моменты я испытываю нечто, напоминающее счастье. Только не пойми превратно: я давно уже не идеалист и отлично знаю, что абсолютное блаженство никогда не бывает единственным. Все существующие блаженства абсолютны и равнозначны; но почему тогда — вопреки всем законам здравого смысла — именно это блаженство я ставлю превыше прочих? Моя жизнь представляет собою совокупность нелепых последовательностей, и лишь краткие встречи с тобою ещё продолжают, словно бы по инерции, сохранять подобие осмысленности. Часть не только способна быть важнее целого — обыкновенно именно так она и поступает; стоит ли уточнять, что ты многим безупречнее породившего тебя Мироздания?

Актёры продолжали вести невнятный, лишённый любого намёка на логику диалог; Катарина всё с той же пристальностью наблюдала за развитием сюжета.

Окончательно потеряв надежду завладеть её вниманием, с торопливым отчаянием я наконец-то заговорил о главном:

— Сегодня я должен был уничтожить Вселенную. Я практически сделал это — но в последний момент неожиданно передумал. Не то чтобы я считал её достойной существования: едва ли найдётся кто-то, твёрже меня уверенный в тщете пустопорожней драмы, называемой в обиходе Жизнью. Я не решился на это лишь потому, что вспомнил о тебе. Господи, я ведь не уверен даже в реальности происходящего: птицы, закипающий чайник, непрерывающаяся игра в прятки неизвестно с кем, изматывающая, точно сорокадневный поход в непредсказуемое грядущее, — где грань, отделяющая реальность от фантазии, и где залог того, что фантазия значит меньше хотя бы на миллионную долю процента? Неужели возможно осудить человека лишь за то, что однажды — в одно из тех мгновений, которые потом ты не можешь вспомнить при всём желании, — он выбрал поверить в то, что показалось ему единственным достойным Веры — и полюбить того, кто подарил ему эту Веру? Не хватает ещё одной переменной в уравнении, но даже с её отсутствием возможно смириться: если остаётся хоть малый шанс, что где-то в безграничном просторе Мироздания ты действительно существуешь — значит, оно не так уж и безнадежно, как может показаться на первый взгляд.

И снова в ответ не прозвучало ни слова. Плавно и словно бы в замедленной съёмке Катарина указала на сцену, где успели уже смениться декорации: теперь они представляли собою подобие детского — не более метра высотой — игрового лабиринта, чей план в точности соответствовал причудливым, беспорядочно расположенным помещениям самого театра. Актёр, ещё недавно беспечно валяющийся на кровати, теперь с пугающей суетливостью перемещался внутри, словно преследуемый не иначе как Легионами Пре-

исподней. И в то самое мгновение, когда Катарина указала на сцену, из-за кулис показалась так хорошо знакомая мне фигура охотника за ореховыми зубами. Выйдя на сцену, он окинул тяжёлым, хищным взглядом практически незаполненный зал — и, разглядев меня, двинулся навстречу, перешагивая картонные стенки театрального муляжа. Страх обуял моё существо, заполонил его леденящим ощущением приближающейся Расплаты, и даже наступившее внезапно пробуждение не принесло спасительного облегчения.

Проснувшись, я тотчас же переместился в кресло: несмотря на то, что усталость продолжала давить на плечи бруском железа, желание вновь погрузиться в сон после случившегося приближалось к нулю. Ночь окончательно и бесповоротно вступила в свои права; кроваво светящаяся улыбка по-прежнему находилась в непосредственной близости, но её присутствие теперь волновало меня меньше всего. Вытянув из пачки сигарету, я лихорадочно закурил; чтобы каким-то образом отвлечься от захватившего разум смятения, я выбрал один из беспорядочно раскиданных по столу листов — результатов нашего с графом творчества недельной давности — и прочёл первые попавшиеся строки.

*Последний ход — формальность Яви:
Как будто мы уже не вправе
Сказать: «Как будто...»*

Неожиданно меня охватило неконтролируемое раздражение, и, смяв листок в кулаке, я гневно зашвырнул его в угол комнаты. Смятение не отступало; вновь потянувшись за сигаретой, я обнаружил, что пачка опустела. Наскоро одевшись и наскребя мелочи по сусекам, я собрался было дойти до расположенного поблизости ночного ларька, когда ненароком брошенный в зеркало взгляд заставил меня остолбенеть. Я снова стал самим собою — человеком, что был до встречи с проклинаящим Мироздание Сашей Тол-

стым. Впрочем надолго это меня не остановило: подумав, что без сигареты в сложившейся ситуации не разобраться, я решительно вышел в ночь и направился по многократно исхоженной во время спонтанных посиделок с Юрой Шарашкиным дороге. Улыбка Часовщика преследовала меня с отрывом около полутора метров.

Наконец я добрался до ночного ларька и, неуклюже взбежав по ступенькам, оказался внутри. Согнувшийся перед окошком продавщицы высокий человек в плотном чёрном пальто и шапке в чёрно-серую полосу обернулся на звук открывающейся двери: нижняя половина его лица была наглухо обмотана шарфом того же цвета, что и шапка, а глаза обрамляли очки в громоздкой чёрной оправе. Со смесью изумления и ужаса я застыл на пороге: передо мною, вне всяких сомнений, находился именно он, ночной кошмар, бредовый аналог Фредди Крюгера, преследующий меня далеко уже не первый год. Раздумывать о том, каким непостижимым образом он оказался в мире Яви, не было времени — я судорожно выбежал из магазина и бросился в ночь, не способный уже раздумывать над логикой собственных действий. Обезумев, я рассек пространство затерянного в дебрях исполинской страны городка; улыбка Часовщика не отставала ни на секунду. Через некоторое время топот моего преследователя остался далеко за спиной, но, не глядя по сторонам, я продолжил бег в неизвестность.

Когда, окончательно растеряв остатки сил, я остановился отдышаться, то обнаружил, что нахожусь в квартале художника Шарашкина — осознание этого возвратило мой рассудок в некоторое подобие нормы. Я готов был уже облегчённо вздохнуть, но внезапно в поле зрения возникла знакомая до произвольной судороги фигура. Медленно и уверенно, точно уже не сомневаясь, что добыча надёжно застряла в кашканы, охотник за ореховыми зубами приближался ко мне. Метнувшись к подъезду Шарашкина, я выхватил со-

товый телефон и нажал кнопку вызова, но ответил мне лишь голос оператора, оповещающий о необходимости пополнить баланс. В отчаянии я наугад набрал первый попавшийся номер на домофоне, но и очередная попытка спасения завершилась неудачей: проклятие Саши Толстого настигло наконец-то и меня. Приблизившись вплотную, преследователь прочно вдавил меня в стену; в левой руке его блеснули алюминиевые щипцы. Впервые я сумел разглядеть его столь пристально и, поймав взгляд безжалостных и поразительно знакомых глаз, осознал неожиданно всю картину.

— Никогда бы не подумал, что им окажешься именно ты, — обречённо произнёс я, наблюдая за тем, как его левая рука поднимается для удара. Это были последние мои слова.

Елизавета Хорошева

г. Сергиев Посад

Я никому об этом не скажу

Главы из повести

Глава 1

Гриша не любил просыпаться рано, потому что Наташа собиралась на работу, курила прямо на кухне, пила по несколько чашек кофе, вечно бубнила о чём-то и пилила его. А Грише хотелось свободы. Он просто хотел, чтобы его ценили и любили. Он устал от этой ведьмы.

Единственной радостью Гриши была Света, дочка Наташи. Света в этом году оканчивает одиннадцатый класс. К ней часто приходят одноклассницы, вот с ними-то весело проводить время. Гриша любит травить байки в их компании и наслаждается тем, как они млеют от рассказов о его головокружительных жизненных успехах. Глупые, но, чёрт возьми, с ними он чувствует себя героем.

В девяностые у него был свой бизнес — небольшой магазин качественной одежды секонд-хенд.

После того как рухнул его бизнес, он совсем поник. Долго сидел без работы, пил. Наташа не выдер-

жала и выгнала его из дома, устала тащить семью на своих хрупких плечах.

В столице осталась квартира от брата, который в девяносто пятом эмигрировал в Германию вместе с семьёй ради «куска хлеба». Туда Гриша и перебрался. Со временем устроился охранником в супермаркет.

С Наташей они поженились четырнадцать лет назад. Нет, это не была сумасшедшая любовь, скорее всего это была жалость к ней. Он столько всего сделал для Наташи. Взял замуж с ребёнком, продал свою однокомнатную квартиру в Москве и купил в области квартиру побольше, когда Наташа забеременела Толиком.

В двадцать пять Грише уже хотелось остепениться, семью, стабильность. На тот момент у него было всё, что он только мог себе пожелать: собственный прибыльный бизнес, квартира в столице, куча друзей, девушки.

Родился Толик, всё как-то быстро закрутилось, бессонные ночи, уставшая Наташа, которой дела нет до мужа, ремонт в квартире. Дети росли, как на дрожжах, траты тоже. Бизнес постепенно стал загибаться. Денег становилось всё меньше. Наташе в декрете пришлось начать работать на дому. Спальня со временем превратилась в «ателье по пошиву одежды». Секса почти не было. А если и был, то короткий, без эмоций, после которого Наташа сразу отворачивалась спать. А чаще всего пропадало желание от того, что от неё вечно пахло как от пепельницы. Пропать между ними выросла до внушительных размеров.

За последний год они с Наташей то сходились, то расходились несчётное количество раз. Не мог Гриша бросить Толика, да и Светка стала как родная.

Глава 2

Воздух пропитан сумасшедшими ароматами цветущих деревьев. За окном ярко светит солнце, зеленеет трава, зацвели одуванчики, птицы звонко поют на все голоса.

Наташа проснулась в шесть утра, несмотря на то, что суббота. Эту привычку у неё уже не отнять.

Приняла контрастный душ: это очень полезно для кожи, повышает упругость. Теперь ни один день не обходится без скрабов для тела, щёток, кремов, подтягивающих кожу, и обёртываний в стретч-пленку.

Наташа посмотрела на себя в зеркало: морщин на её лице появилось всё больше.

Она умылась холодной водой и медленно, массирующими движениями, стала наносить омолаживающий крем, который заказала у коллеги по каталогу.

Заварила себе кофе покрепче, закурила и, подойдя к окну, задумалась о том, сколько всего нужно сделать сегодня на даче, какую еду с собой взять, и не забыть семена.

— Блин, опять вся квартира провоняла твоим дымом! Ты хоть на балкон выходи курить, что ли: не зима уже!

— Гриша, ты меня напугал! Курю, где хочу, не твоё дело! Давай лучше бегом умывайся, завтракай и собирайся на дачу: сегодня нужно обязательно посадить морковь.

Гриша недовольно простонал.

— И чем ты опять недоволен?

— Да у меня спина ещё с прошлых выходных не отошла с твоей грёбаной картошкой, а ты снова за своё. Все люди как люди, сезон шашлыков открыли, а мы воронкой кверху все майские. Нет, я пас, я никуда не поеду! Возьму пивка, посмотрю крутой фильмце мне Антоха диск дал на два дня! Возьми Светку и Толика с собой: им полезен свежий воздух и физический труд!

Гриша ехидно улыбнулся и вышел из кухни.

— Гриш, а ты не офигел ли часом? Ты не ешь, что ли, эту «грёбаную» картошку и морковку, как ты выразился? Или ты предпочитаешь есть исключительно просрочку, которую ты тащишь из своего супермаркета? А?

— А я тебе не помог, что ли? Помог! Какие ещё претензии? С морковкой справитесь и без меня. А у меня ночная смена сегодня. Я хочу отдохнуть. В этом доме вообще кто-нибудь ценит то, что я делаю...

— Гриш, я не так много прошу от тебя! По-твоему, я ничего не делаю для семьи? Ты один у нас герой?

— Как же ты меня достала!

— Да? Так беги же, ищи себе такую, которая не будет доставать, будет тебе в рот заглядывать и восхищаться, какой ты весь расчудесный!

— Думаешь, не найду? — Гриша засмеялся во весь голос. — Только свистну!

— Да кому ты нужен, придурок?

— Всё! Я пошёл за пивом!

— И вали, козёл! Чёрт бы тебя побрал!

Гриша уже хлопнул входной дверью и не слышал, что прокричала Наташа ему вслед.

Наташа рухнула на стул, опустила голову на колени и зарыдала во весь голос.

Из комнаты вышла Света.

— Ма, вы чего опять с утра пораньше? Вроде недавно помирились, пообещали друг другу не совершать прошлых ошибок, начать всё с начала.

Наташа подняла голову, вытерла слёзы и, помолчав минуту, ответила:

— Видимо, и начали всё с начала.

— А чего ты орёшь на него? Гриша мне как родной отец! Знаешь, как я его люблю? Да ты вообще вечно на всех орёшь! Кто тебе угодил хоть раз?

— Ты много понимаешь? Кружку лучше помой свою, стоит уже второй день на столе, вся чёрная от чая!

— А чего её мыть? Я же снова из неё чай пить буду!

Наташа возмущённо покачала головой, но отвечать уже не было сил.

— Свет, ты поедешь на дачу?

— Нет, я не хочу. У меня в школе трудная неделя была, и пора готовиться к выпускным экзаменам, а не картошку с морковкой сажать. Вот я-то точно не ем это говно.

— Света, знаешь, кто ты? Сама ты говно! Ну и сиди со своим любимым папашей!

Через полчаса Наташа вместе с Толиком ехала на дачу в душном автобусе.

Глава 3

Осень в этом году радует погодой. Сентябрь очень солнечный и без дождей. Света успешно поступила в МГОУ (бывший Московский индустриально-педагогический институт) на юридический факультет. На бюджет не прошла — не добрала несколько баллов. Наташе оплачивать обучение вызвалась помогать её мама: есть накопления. Иначе бы не потянули.

Свете в институте нравится. Только пока ещё не привыкла вставать рано утром и трястись целых полтора часа в битком набитой электричке, чаще всего стоя. Есть возможность жить в Москве, в квартире Гришиного брата, но Наташа против этого. В глубине души она понимает, что Свете жить в Москве было бы гораздо удобнее. Она просто боится, что Света сблизится ещё больше с Гришей и Наташа окончательно потеряет с ней связь.

Света скучала по своим школьным подругам, после выпускного они стали всё реже и реже видаться, а потом и совсем перестали общаться. В институте пока ни с кем не сдружилась. Общения со сверстниками ей очень не хватало. В Светиной группе была ещё одна девчонка-одиночка, у неё была очень яркая внешность. Рыжие кудрявые длинные волосы, ярко-зелёные глаза, вздёрнутый носик, пухлые губы и веснушки на носу. А когда она улыбалась своей широкой белозубой улыбкой, на её щеках появлялись ямочки.

Света однажды решила и подошла к ней.

— Здесь свободно? Могу я присесть рядом с тобой?

— Да, пожалуйста! — ответила рыжая, улыбаясь.

— Меня Света зовут! А тебя?

— А я Кира.

— Заметила, что ты всегда одна, я вот тоже одна.

Может, объединимся? — застенчиво спросила Света.

— Хорошая идея! Мне она очень нравится!

Девчонки улыбнулись друг другу. В это время в аудиторию вошёл преподаватель и начал читать лекцию по истории государства и права зарубежных стран.

* * *

Света и Кира очень сдружились. Оказалось, что у них очень много общих тем. Каждый будний день после лекций они вместе шли в библиотеку, в кино или просто гуляли. В выходные созванивались и часами болтали без перебоя.

Семнадцатого октября у Светы день рождения. Своё совершеннолетие она решила отметить дома, в узком кругу семьи: мама, Гриша, бабушка, Толик; и ещё пригласила Киру.

Празднование затянулось до позднего часа, и Кира осталась у Светы до утра. Девчонки помогли Наташе убрать со стола и вымыть посуду. Расстелили себе спальное место на полу, нашли в коллекции Гришиных дисков интересный фильм с захватывающим сюжетом и уселись смотреть в компании Толика.

Бабушка вызвала такси и уехала домой, а Наташа долго ещё сидела на кухне в одиночестве и курила.

Гриша то и дело заглядывал в комнату к девчонкам, в конце концов, решился зайти и, как в старые добрые времена, принялся травить свои байки.

Глава 4

Гриша потерял сон, Кира затмила его разум. День за днём он ждал, что Света вновь её пригласит в гости, но этого так и не случилось. Он очень хотел вновь увидеть Киру.

В воскресенье Наташа по привычке встала очень рано, провела все свои утренние ритуалы и отправилась к маме. Нездоровилось Светиной бабушке последнюю неделю, и Наташа поехала помочь ей по дому.

Света и Толик спали до полудня. Гриша к этому времени вернулся с ночной смены и принялся жарить яичницу с колбасой голод у него был зверский.

На ароматы из кухни один за другим потянулись дети.

Толик быстро позавтракал и ушёл в свою комнату: по телевизору шёл фильм с его любимым актёром в главной роли.

Гриша со Светой остались в кухне одни. Гриша интересовался Светиной учёбой и плавно подвёл к вопросу о Кире.

— А с Кирой вы продолжаете общаться?

— Да, она моя лучшая подруга! После завтрака обязательно ей позвоню.

— Здорово! Может быть, в гости к нам снова её пригласишь?

— Не думаю, что ей удобно к нам добираться: она живёт в Люберцах. Может, как-нибудь летом.

Света неспешно помыла посуду и отправилась звонить Свете.

Гриша мучал себя мыслями, как бы снова увидеть Киру.

Через час Света отправилась принять душ, Толик был увлечён просмотром фильма, а Гриша тем временем схватил мобильник Светы и быстро переписал номер Киры в свой телефон.

Глава 5

Гришины рабочие смены пролетали незаметно с мыслями о Кире. Сегодняшняя смена подходила к концу, и он уже решил, как проведёт этот воскресный день. Возьмёт пивка и отправится в гости к Антохе. Сегодня будут транслировать важный матч. Дома ему всё равно не рады.

Выходя из супермаркета, он нос к носу столкнулся с Андреем, его институтским приятелем.

Андрей не сразу узнал Гришу. Конечно, ведь за последние семь лет жизнь Гришу ох как не баловала.

— Здорова, Андрюха!

Андрей долго вглядывался в лицо Гриши.

— Гришка? Круглов? Ты, что ли?

— Я, он самый!

— Прости, дружище, не узнал сразу. А ты изменился. Как жизнь? Как сам?

— Да нечем похвастать, — смущаясь, произнёс Гриша, — бизнеса у меня больше нет, вот в этом супермаркете теперь и работаю. А ты как?

— У меня всё путём! Бизнес свой по ремонту бытовой техники, машину новую недавно взял и жена-красавица, на семнадцать лет меня моложе.

— А как же Маша? Вы же с института вместе были, любовь-морковь, Максимку родили, сам рассказывал семь лет назад на вечере встреч.

— Маша, ну а что Маша... Маша — это прошлое! От Максима не отказываюсь. Помогаю во всём. Почти все выходные вместе проводим. Он очень любит бывать у нас в гостях. А вы с Наташей ещё вместе?

— Чаше врозь! А как это ты на такой молоденькой жениться сумел? Делись секретом!

— Да тут большого-то секрета нет! Молодые, они же все успешных любят, красивой жизни хотят. Всё просто. А я и рад для Мариночки стараться.

— Не скрою, удивил так удивил!

— Ладно, Гриш, побегу я. Рад был повидаться. Вот, возьми мою визитку. Если что, обращайся.

— Спасибо, дружище! Бывай!

До самого дома Антохи у Гриши из головы не выходила новость о молодой жене Андрея.

* * *

Первый тайм смотрели, не отрываясь, выпили почти всё пиво, которое Гриша принёс с собой. Игра была напряжённой, на пятьдесят восьмой минуте красно-синие забили гол, и как потом оказалось, единственный в этой игре. Антоха предложил открыть бутылку водки, которая у него лежала для особого случая. Гриша и Антон болели за армейцев ещё со школьных лет. В беспечные студенческие годы каждый сезон старались бить «золотник»*.

После матча и выпитой бутылки водки Гришу потянуло на откровенности.

— Антох, знаешь, чего я тут подумал? Наташа совсем охладела ко мне, да и я не пылаю к ней чувства-

* «Золотник», или золотой сезон (см.: словарь фанатских терминов) — сезон, во время которого фанат побывал на всех официальных матчах любимой команды.

ми, не первый год уже. Пора нам окончательно разойтись. Между нами, пацанами, я встретил девушку, втрескался по уши, из головы совсем не выходит. Она безумно хороша. Рыжие волосы, фигурка — закачаешься! А грудь... Ох, какая же у неё аппетитная грудь, размера четвёртого, не меньше!

Антоха громко засмеялся.

— Чего ты ржёшь, как конь?

— Ты чего это выдумал, старый похотливый самец? Да тебе уже прогулы на кладбище ставят, а ты всё туда же!

Антоха никак не унимался.

— Да пошёл ты! Тоже мне, друг называется, я перед ним тут всю душу наизнанку вывернул, а он ржёт. Сам понимаю, что это предательство и по отношению к Наташе, и к детям, и уж тем более к Свете, ведь она её лучшая подруга. У Светы школьных подруг совсем не осталось, ей было нелегко пережить период одиночества. С появлением Киры она начала оживать. Просто светится от счастья. Я столько всего уже передумал за последний месяц, но всё-таки решил, что надо начинать жить по-настоящему, пока всю жизнь не упустил окончательно.

Глава 6

Наступил декабрь. Подводя итоги года, Гриша в очередной раз убедился, что в его серой скучной жизни кардинальных перемен так и не случилось. Гришу мучала мысль о том, что через пару месяцев ему исполнится сорок, а он так ничего и не добился в своей жизни. Вдобавок ко всему он ещё и не нужен никому. Наташа раздражает его до ужаса, невозможно больше терпеть её оскорбления и упрёки. В таком отчаянии Гриша не был даже в тот момент, когда его бизнесу пришёл конец. С появлением торговых центров, сетевых магазинов брендовой одежды люди перестали покупать одежду в секонд-хендах. Так, год за годом, продажи падали. В конце концов даже за бесценок никто не хотел покупать его товар. Остались одни долги.

Единственным его желанием сейчас было — любить и быть любимым. Собрав себя в кучу, Гриша решил идти ва-банк. Может быть, в преддверии нового года судьба проявит к нему благосклонность и случится чудо.

Гриша взял свой мобильник и начал писать сообщение: «Доброе утро, Кира! Вероятно, ты будешь удивлена, что я решил тебе написать. Мне очень нужна твоя помощь! Буду признателен, если не откажешь во встрече и согласишься мне помочь. Григорий Круглов». Дрожащими пальцами Гриша нажал «Отправить».

Минуты ожидания ответа казались вечностью.

«А может быть, сообщение не дошло до неё?..»

«А может быть, она не видела ещё сообщения?..»

«А может быть, она не хочет мне отвечать?..»

Гриша ощущал себя неуверенным юнцом.

Через четверть часа из его мобильника раздался сигнал о входящем сообщении.

Это была она.

«Доброе утро! Что-то случилось? Со Светой всё в порядке? Действительно, не ожидала получить от Вас СМС!»

Внутри Гриши прогремел взрыв эмоций вселенских масштабов. Дыхание перехватывало, сердце билось как бешеное. На лбу выступил пот, а руки тряслись так, что он не мог даже напечатать ни единой буквы в ответ.

Спустя ещё четверть часа Гриша успокоился, пришёл в себя, собрался с мыслями и написал в ответ: «Со Светой всё в порядке! У меня есть небольшая просьба к тебе. Можем встретиться на днях и обсудить подробности? П.С.: Прошу не сообщать Свете о нашей переписке. Дело касается непосредственно её».

Встречу назначили на воскресенье, в полдень, возле памятника А.С. Грибоедову на Чистых прудах.

Иван Чирик

г. Красноярск

Короткое лето на Перенчипале

Отрывок из повести

— Ты самозванец.

Таковыми словами встретили меня в Бессонной Лощине. Я опешил. В рассказах про это место его обитатели всегда казались радушными и дружелюбными, поэтому такого приёма ожидать не приходилось.

— Отчего же?

— Ты пришёл без приглашения, вот отчего. Тебя не звали. Ты сам себя сюда позвал. Поэтому — самозванец.

— Никита, не пугай людей, — подошедшая девушка повисла на его плече. — Это у него шутки такие, не принимайте всерьёз. Я Инна, поэтесса. Будем знакомы.

— Рад встрече, — ответил я слегка невпопад.

Так и началась моя длинная череда встреч с этим несметным количеством разношёрстных поэтов, музыкантов, фотографов, артистов, видеоблогеров и просто творцов, не уместяющихся ни в какие рамки. Бессонная Лощина легко и радостно принимала их всех. Лишь со временем я понял, что так же беззабот-

но она забывала о них, как только служители искусства покидали её пределы.

В физическом смысле Бессонная Лощина представляла собой многокомнатную квартиру на окраинах Петербурга, где постоянно собиралась интеллигенция всех мастей — посмотреть, пообщаться, устроить какой-нибудь перформанс или концерт, завести знакомства. Если верить слухам, квартира действительно никогда не запиралась (да и в существовании ключа от дверного замка можно было усомниться), и в ней всегда кто-нибудь да был.

Алкоголь в Бессонной Лощине был запрещён, хотя за этим никто особо не следил. Впрочем, кажется, именно эта мера спасала квартиру от полного разрушения под натиском безумных творческих порывов. Кто был хозяином этой бесконечной вечеринки и существовал ли он вообще — я не знал. Возможно, это был самый настоящий сквот, возможно, чья-то частная собственность, бескорыстно отданная на расправу искусству. В те времена этот вопрос меня волновал мало.

Я пришёл в Бессонную Лощину впервые по следу из слухов, почерпнутых из разговоров моих знакомых, а потом приходил снова и снова. Не обладая какими-либо особыми талантами, я просто наблюдал. Активно знакомились обычно только у самого входа, и, если проскочить через прихожую незамеченным, можно было весь вечер оставаться инкогнито. Я наловчился так делать. Мне нравилось оставаться незнанным, безымянным наблюдателем. Было в этом что-то будоражаще-приятное: ощущать себя неким призраком, тайно блуждающим среди ничего не подозревающих людей. В такие моменты казалось, что начинаешь понимать истинное значение слова «свобода». И оно оказывалось подозрительно близко с понятием пустоты и идеей отсутствия самого себя.

Наблюдая, я постепенно начал отличать постоянных посетителей от случайных гостей. Среди первых неизбежно появились любимчики, которые словно

подсвечивались для меня иным, отличным от других людей внутренним светом. Одним из них и стал Маляров, человек непростого характера и странной судьбы. Хотя до поры он будто был скрыт от меня и увидел я его лишь тогда, когда он сам захотел...

— Наблюдаешь? — спросил меня Маляров. Я посмотрел непонимающе, хотя, конечно, понимал.

— Ты весь вечер сидишь на этом стуле, — продолжил он. — И следишь вон за той девушкой вместо того, чтобы слушать пьесу.

В Бессонной Лощине в тот момент шла читка пьесы какого-то местного автора, в которой мог принять участие каждый желающий.

— Я хотел читать, а не слушать, но когда я пришёл, ролей уже не осталось.

Маляров рассмеялся.

— Больше похоже на девиз поколения, чем на личную историю. Но насколько она соответствует истине? Впрочем я понимаю твою созерцательность. Иногда самураю требуются годы сосредоточения и неподвижности, чтобы потом одним движением нанести единственно возможный верный удар. Со стороны это может показаться простым бездействием. Бывает, я точно так же пишу картины, а меня обвиняют в лени...

Как раз перед этим мне приснился вещий сон, который я не буду рассказывать. Поэтому слова Малярова поразили меня даже слишком сильно, и я наконец-то к нему присмотрелся.

Маляров был уже немолод и смотрелся в Лощине, своеобразном храме юности и ветрености, несколько анахронично. Небольшая кудрявая борода была довольно неаккуратно пострижена, равно как и всклокоченные волосы с проступающей первой сединой (позже я выяснил, что стригся он самостоятельно, не желая доверять свои волосы парикмахерам, цитируя при случае Мандельштама: «Власть отвратительна, как руки брадобреля... Понимаешь? Это даже хуже, чем власть!»). Маленький и коренастый, Маляров своим

видом вызывал ассоциации с работниками ручного труда — грузчиками, строителями, кочегарами — и мало походил на творца. Фамилия только подкрепляла первое впечатление, играя с ним злую шутку.

— Вы художник? — догадался я, заметив у него под мышкой свёрток, по размеру и форме напоминающий небольшую картину.

— Скорее хорошик. Бываю и художник. Изредка — отличник...

— Вы пишете картины?

— Да, случается... — и, проследив мой взгляд: — Хотите взглянуть?

— Если вас не сильно затруднит.

— Слегка затруднит. Но для таких затруднений я её и ношу с собой...

Маляров подставил одну ногу под свёрток как опору, согнув в колене, и стал его разворачивать, балансируя на другой. Оказалось, что у свёртка очень много слоёв. Процесс затянулся.

— А эта девушка, за которой вы наблюдаете, ваша знакомая?

Сам не зная отчего, я смутился.

— Не совсем... То есть — нет... Она напомнила мне меня. В ней есть что-то странное. Посмотрите, она тоже сидит и наблюдает, и никогда не участвует, но и не уходит... Сейчас она, кстати, смотрит прямо на вас.

— Да? Мы с ней на днях немного говорили, — Маляров на мгновение остановился и махнул девушке, сидящей в противоположном конце зала, рукой. Девушка слабо улыбнулась и отвернулась, спрятав лицо за чёрными волосами. — Многие в Лощине её знают и величают Молчаливой Анной. И на самом деле они гораздо более правы, чем сами могут предположить. В ней присутствует то, что я бы назвал внутренней тишиной. А это — очень важное условие, чтобы услышать других. Вот, держите.

Ноги Малярова оказались буквально погребены целым ворохом целлофана и обёрточной бумаги. И из

этого хаоса сорванных покровов он протягивал мне свою картину. Как оказалось позже — главное произведение его жизни.

Я взял картину в обе руки и стал всматриваться в неё, как в зеркало. Хотя, конечно, ничего похожего на отражение там не увидел.

...На переднем плане — всадник, закутанный в шерстяной плащ, в чёрной остроконечной короне. Одной рукой он придерживает за узду коня, другой — широким и щедрым взмахом бросает в толпу монеты. Всадник весь словно источает сияние. Окружающие люди выписаны более тусклыми красками. Это крестьяне, их жёны, дети, наперегонки собирающие золото в придорожной пыли. Даже ярко-красные одежды монахов, стоящих поодаль, кажутся какими-то блёклыми. В руках они держат плащ, заполненный золотыми монетами. Видимо, их и расшвыривает с такой лёгкостью всадник. Все присутствующие смотрят на него с благоговением и восторгом, как на какое-то чудо. Сцена эта заперта в длинную улицу из строений, похожих на пагоды, а весь задний фон зловеще загораживают огромные синие горы...

Я стяхнул с себя оцепенение. Картина завораживала. Несмотря на странный, неясный сюжет, несмотря на очевидную небрежность и даже незаконченность некоторых деталей, она завораживала.

— Что это? Что здесь происходит? — спросил я растерянно, будто обнаружил чью-то вечеринку у себя в квартире.

— Я назвал её «Короткое лето на Перенчипале». Лучшая из моих работ. Занятно, правда? Это такая область в Тибете, государство в государстве. Ты вряд ли о нём слышал... А всадник, что в центре, — его король, этого Перенчипала. Он сказочно богат. И очень редко посещает своих подданных, только во время лета. Всё остальное время вон те горы, вдали, отрезают эту область от остального мира, они непроходимы: снега, ледники, метели... Жители Перенчипала во время визита

короля отдают ему всё своё золото в знак преклонения и повиновения, а король отказывается принять их дар, выражая тем самым свою благодать... Вот такая история.

— Очень интересно, — я напоследок ещё раз взглянул на картину (не хотелось с ней расставаться! Что за удивительный эффект?) и вернул её Малярову. — Вы писали с натуры? Видели эту церемонию?

— Нет, что ты! Я никогда Петербурга не покидал, здесь и умру. Откуда у меня такие деньги? Я так... По рассказам...

Маляров очевидно замялся.

— Так запаковали её — несли продавать?

— Я не продаю своих картин. Я хотел её закопать. Потомкам. Всё-таки лучшая из моих работ.

Видя на моём лице недоумение, добавил:

— Но теперь не хочу. Теперь другое дело... Посмотрите-ка. Читка закончилась. Мне надо идти. Ещё поговорим, если желаете. Удачного вечера.

Я оглянулся. Вся Бессонная Лощина пришла в движение. Многие собирались домой. В этой суете я потерял Молчаливую Анну из виду. Теперь я знал её имя.

— Мол-ча-ли-вая Ан-на, — я попробовал его на вкус.

— Что у вас за инсталляция? — вдруг обратился ко мне кто-то из проходящих. Я осознал, что стою прямо напротив оставленной Маляровым груды целлофана.

— Это просто мусор.

— Хм, вам, наверно, наш Малевич своё лето показывал? Да? Запаковывает он его изрядно, бережёт. А толку? Других картин у Малевича нет. Да и эта — кто знает? Его ли?

...Так и закончился наш первый разговор с Маляровым. Первый, но далеко не последний. С этого момента мы часто разговаривали, хоть и не искали общения; как-то так сложилось, что мы бросались репликами сразу, без приветствий и предисловий, что было на уме, то и говорили. Из-за этого в сознании наши разговоры слились в сплошной непрекращающийся диалог.

А тем вечером, вернувшись домой, я обыскал весь Интернет в поисках этого Перенчипала. И знаете что? Да, я ничего про него не нашёл. Ни единого упоминания.

Другие картины у Малярова всё-таки были. Но были и странные художественные принципы, которых он придерживался: было целое художественное направление — бонизм. Маляров был его создателем. И не исключено, что единственным последователем.

Принципы этого направления были просты и прозрачны, но в них была своя глубина. Главным положением было утверждение о том, что идеала невозможно достичь. «Если тебе покажется, что ты его достиг, — говорил Маляров, — подожди несколько мгновений, и тебе обратно расскажется». Идеал для Малярова лежал за пределами выразимого: он был тем, что рассказать или показать невозможно. Но можно было почувствовать его дыхание. Этого и требовал бонизм — творить настолько хорошо, насколько можешь, и даже чуть-чуть лучше, но — и это важно — всегда уметь вовремя остановиться. Если попытаться препарировать реальность своим искусством, оказаться слишком упорным, приложить к творению слишком много сил — идеал ускользнёт от тебя, его дыхание пропадёт из сотворённой вещи и уступит место сухому остатку (тщательно выверенному, математически точному, но уже не живому, не дышащему).

— ...Как птица в руках: держать слишком слабо — выпорхнет, слишком сильно — задохнётся, — в очередной раз добавлял Маляров к своему растянутому во времени манифесту.

— А на журавля в небе можно только смотреть?

— Очень верно подмечено, — заулыбался художник. — Журавль в руки не поместится. Здесь всё зависит от размеров птицы: некоторых схватить легко, некоторых — сложнее. Но всех птиц поймать, конечно, невозможно...

— Что?! — проходившая мимо поэтесса Инна, с которой я познакомился при первом своём визите в Бес-

сонную Лоцину, внезапно остановилась и обратилась своим возгласом, по всей видимости, именно к нам.

— Вы чем-то возмущены? — спросил я.

Инна смутилась.

— Я... Просто... Вы разговариваете про птиц?

— Не совсем. Мы разговаривали про искусство.

— Вы не против, если я послушаю?

— Конечно, — кивнул Маляров и собрался было продолжать, но осознал, что мысль в общем-то закончена. Воцарилась неловкая пауза.

— Вы знакомы с Молчаливой Анной? — вдруг спросил я. Мне хотелось хоть чем-то прервать тишину. Инна на мгновение зажмурилась, потом сказала:

— Нет, мы не знакомы. Но Ювель должен знать: он давал ей уроки эсперанто...

— Ювель? Погоди, а как ты поняла тогда, о ком речь?

— Ну, я слышала о ней, это вон та чёрненькая? — Инна кивнула в сторону низенького стола с чайной церемонией, где и сидело большинство сегодняшних посетителей. Мы с Маляровым традиционно заняли наблюдательное место у окна; я и без взгляда туда знал, что Молчаливая Анна была там, на полу, несколько в стороне от остальных, и очень медленно пила из глиняной чашки чай, который кто-то ей всё же заботливо передал, а у неё не хватило слов для того, чтобы отказаться. — ...Я слышала о ней, а Ювель — это Юлий Велесович. Я могу вас познакомить.

— Он эсперантист? — спросил Маляров. — Давно не встречал таких людей.

— Да, он эсперантист и фотограф.

— Фотограф... — Маляров задумался. — А! Он ещё бритый наголо, с усами и в очках ходит?

— Да, именно он.

— Тогда встречал. Как-то давненько он ходил ко мне в мастерскую, фотографировал меня за работой... Когда я ещё работал.

— А имя вы, конечно, не запомнили? — уточнил я.

— Даже не узнавал: к чему мне это было нужно? А фотографии неплохие вышли. Не знал, что он эсперантист...

Инна округлила глаза.

— Как вы умудрились не заметить? Ювель же на русском почти не говорит, только при большой необходимости...

— Видимо, была необходимость. Да он особо и не говорил. Я же работал, и он работал, чего лишний раз языком молотъ?

— А вы тоже брали у Ювеля уроки эсперанто? Зачем? — обратился я к Инне. Конечно, меня больше интересовали цели, которые преследовала Анна этими уроками, но другого способа узнать об этом я не видел.

— Так... Стало интересно. Мне кажется, для поэта полезно знать несколько языков.

— Я, конечно, считаю себя художником, но я люблю поэзию, — вмешался тут Маляров. — Вы не прочтёте что-нибудь своё?

— Я не... Хорошо.

Инна закрыла глаза, сконцентрировалась и продекламировала:

А птицам

Снова не спится.

Заняты делом мы.

Крылами своими ломаем мы спицы

У злой колесницы тьмы...

— Теперь понятен ваш интерес к птицам, — ухмыльнулся Маляров. — Что ж, недурно. Хотя слегка ломано, чувствуется лёгкое влияние Маяковского. Да и Бродского, могу поспорить, вы любите.

— Люблю, не спору, — кивнула Инна. — За маяковщину каюсь, увлечение юности, никак не могу избавиться...

— Почти каждый молодой поэт должен переболеть маяковщиной, это нормально.

— А Бродский?

— Бродский — это хроническая болезнь, лекарства ещё не создали, излечиться нельзя. Так и жить — от обострения к обострению.

— Неужели подражание Бродскому — это всегда так плохо? — Инна нахмурилась.

— Нет, почему же. Любая болезнь может породить настоящее творение. Вот, к примеру, Клод Моне. Получились бы у него его поздние шедевры, если бы не катаракта, изменившая цветовосприятие? Вряд ли. Так бы и остался художником средней руки...

— Средней руки? — тут уж удивился я.

— Ладно, об этом ещё можно поспорить, суть высказывания-то в другом. Или вот вам ещё — Эль Греко с астигматизмом. Тоже ведь принесло в живопись щербинку такую, которую все полюбили...

— Про Эль Греко я не знал, — сказал я, хотя, если честно, не мог вспомнить и его картин.

— Я тоже не знала, да и Моне... Я, если честно, плоха в живописи, — отозвалась Инна. — Но пример поняла. Спасибо.

Молчание. Все мы стали наблюдать, как жизнерадостный молодой человек в окружении нескольких фарфоровых чайничков и с таким же в руках что-то увлечённо рассказывает сидящей на полу публике.

— Надо бы присоединиться, — решила Инна. — А вы почему не в чайной церемонии?

— Там ведь чай пьют, — пожал я плечами. — А я не хочу испытывать отчаянье... Ну вот. Всё же не выдержал и пошутил эту обязательную для таких случаев шутку. Весь вечер сдерживался. Извини.

— Да ладно, это же забавно. А я всё-таки выпью, пока чай не кончился.

Инна ушла. Между мной и Маляровым в воздухе повисли нераскрытые тайны.

— Вы сказали «фотографировал меня, когда я ещё работал». Вы перестали заниматься живописью совсем?

Маляров хитро сощурился.

— Звук ещё звенит, но причина звука — исчезла.

— И что это значит?

— Может, ничего и не значит. В этом мире вообще мало что значит, кроме искусства. Вот оно действительно значит...

В прихожей хлопнула дверь (звякнув музыкой ветра, подвешенной под потолок), и вскоре в гостиную Бессонной Лощины вошёл очень высокий лысый человек с усами и в очках, махнул рукой обернувшимся и сразу же стал копаться в настройках фотоаппарата, висевшего на шее. Руководитель чайной церемонии и ещё несколько человек махнули ему в ответ.

— Теперь я его тоже припоминаю, — задумался я. — Стоит ли с ним познакомиться?

Маляров усмехнулся.

— Впервые вижу, как ты проявляешь инициативу. Но у вас ничего не получится, молодой человек. Он всем знакомый фотограф и эсперантист, а ты наблюдатель сомнительного происхождения. Диалог явно не сложится. Надо сначала заслужить интерес его хозяина, а уж потом...

— Какого хозяина?

— А вон, на шее висит, фотоаппаратом именуется.

— А я всё же попробую, — слова Малярова меня немного задели, и я решительно направился к Ювелю.

Ювель увлечённо документировал чайную церемонию. Сразу заговорить не удалось. Некоторое время я ходил за ним следом и смотрел через плечо на получавшиеся кадры. Как фотограф он был весьма неплох.

Кадр, в который попала Молчаливая Анна, получился смазанным, но Ювель проигнорировал это и сразу же перешёл в другую точку съёмки.

— Кадр смазался, вы его переделаете?

Ювель посмотрел на меня так, словно только заметил, и произнёс назидательно:

— Ekzistas ajxoj, kiujn ne eblas transdoni. Sole vidi propraokule.

Хоть какие-то слова и показались похожими на английский, но всё же уяснить смысл сказанного без переводчика я не мог.

— Это эсперанто?

— Jes, tio ĉi estas Esperanto, — ответил он утвердительно.

— Не могли бы вы говорить по-русски?

— Mi nun ne povas. Mi promesis...

По виноватому тону Ювеля я понял, что он отказывается, но в вежливой форме. Видимо, на то были свои причины, впрочем спрашивать про них сейчас было бы так же глупо, как и просто продолжать разговор.

Поэтому я продолжил.

— Вы знакомы с Молчаливой Анной?

— Jes.

— Я слышал, она училась у вас? Как вы смогли договориться, если вы не говорите по-русски?

— Ne ŝi lernis de mi, mi lernis de ŝi.

Я замялся.

— Interparolu kun ŝi, kaj vi mem komprenos.

— Думаете, я должен поговорить с ней?

— Jes.

— Но я... Не знаю о чём. У нас нет общего прошлого, а без него разговор не сложится. Я потому и спрашиваю о ней, чтобы...

— La pasinteco ne gravas. La futuro naskigxas el nuntempo. Lernu vivi en la nuna momento. Tiam do vi komencos vivi.

От такой неожиданно многословной тирады на эсперанто моё лицо застыло с выражением полного непонимания и растерянности. А Ювель воспользовался моментом, отступил на пару шагов назад (чуть не наступив на одного из пьющих чай) и озарил мою растерянность вспышкой. Посмотрел на получившийся снимок и, переменявшись в лице, с совершенно серьёзным тоном добавил:

— Vi jam estas reganto de via tempo. Vi devas nur konscii tion.

— Я постараюсь, — ответил я, еле сдержавшись от добавления слова «сэр» на манер американского кино. Внутри было полное ощущение того, что Ювель только что отправил меня на какую-то одному ему известную войну и, как генерал, попросил не только выполнить задачу, но и вернуться живым.

А Ювель тем временем уже словно забыл о моём существовании и снова целиком погрузился в процесс фотографирования. Я же ретировался от чайной церемонии обратно, к подоконнику, где с хитрым прищуром на лице меня ждал Маляров. И прихлёбывал чай из глиняной пиалы.

— Когда вы успели? Вы же не отходили от подоконника...

— Это вопрос взаимоотношения гор и магомедов. А я смотрю, фотографию твою он всё же сделал. Это хорошо.

— Ничего хорошего. За весь разговор Ювель не сказал ни слова по-русски.

— А разве тебе были нужны слова?

Я посмотрел на Малярова осуждающе.

— На самом-то деле ты просто хочешь поговорить с одной молчаливой особой. А все эти фотоаппараты, поэтессы и художники — лишь поиск повода, чтоб подступиться к ней.

— Попрошу без двусмысленностей.

— Я ничего такого, просто это тоже вопрос из области гор и магомедов. Как говорится, *estas profere nenion fari ol fari nenion* — лучше ничего не делать, чем делать ничего.

— Да вы издеваетесь?!

— Тихе, мой друг... Чай закончился, сейчас танцы будут. Надо искать другое место дислокации, а то на подоконник они обычно колонки ставят...

Как по мановению дирижёрской палочки, из соседней комнаты появились двое молодых людей с мотком проводов и колонками в руках.

— Давайте найдём другое место, — согласился я.

Дмитрий Воденников:
«Стихи приходят тревогой и болью...»

Поэт, публицист, эссеист, колумнист, обладатель звания «Король поэтов» побывал в качестве гостя, лектора и участника дискуссий на VI Всероссийском литературном фестивале им. М. Анищенко.

— Каковы Ваши впечатления от пребывания на литературном фестивале имени Анищенко?

— Я очень много езжу, выступаю и читаю лекции. Сначала подумал, что куда-то не туда попал. Мне показалось, что всё это будет неинтересно людям, которым я буду читать. Но вдруг понял, что ошибся. На лекции и во время круглого стола я увидел, что большой процент людей слушает, им действительно интересно. Я раздражительный человек, но в какой-то момент выступления совершенно успокоился. Некоторым, возможно, было скучно. Но все остальные помогли мне, когда я что-то забывал. По-моему, это очень здорово. Так что сейчас у меня самые хорошие впечатления. Я рад, что сюда приехал. А ещё здесь очень красиво. Нас возили на Стрельную гору, где якобы Степан Разин выслеживал корабли, идущие по Волге. Я не знаю, легенда это или нет, но когда ты поднимаешься по

лестнице и оказываешься на вершине горы, ты испытываешь благоговение. Я был в Сибири, много там выступал и много что видел. И я хочу сказать, что вам есть чем соперничать с Сибирью по красоте.

— *Вы — один из немногих современных авторов, которые выступают по всей России. У Вас есть какое-то представление о том, почему многие поэты и прозаики не ездят в регионы?*

— Не знаю. Это зависит, в принципе, от того, сколько вы им предлагаете денег. Понимаете, лично мне нравится. Я много ездил по загранице. У меня были лекции в Лондоне (и это большая честь для меня), я выступал в Германии. Но мне очень нравится ездить по России. Я объясню почему. Это не от квасного патриотизма, хотя я патриот, но не квасной. Я либерал, честно говоря. Я сейчас скажу детскую историю: мне ужасно нравится спускаться с самолёта (люблю самолёты и ненавижу поезда). Иногда я очень устаю и сплю в самолёте. Я научился это делать даже под звук из наушников. И когда наконец просыпаюсь и вынимаю наушники, спускаюсь с самолёта и иду по этим переходам, то думаю: «Боже, какое счастье, что я сейчас не пойду на паспортный контроль». Мне ужасно нравится свобода. Я действительно устал от заграницы. Мы на самом деле живём там, где можем говорить и нас понимают. В этом смысле вообще непонятна, тяжела и страшна судьба эмигранта. Я люблю Россию, поэтому легко соглашаюсь на предложения и еду в регионы.

— *Какое впечатление в поездках сложилось у Вас о том, чем отличаются литературная среда и литература вообще в провинции от столичной?*

— Во времена интернета нет смысла говорить о какой-то сегрегации. Ты выкладываешь своё стихотворение, и, если оно хоть чего-то стоит, у тебя появятся фолловеры и люди, которые твой стишок лайкнут, расшарят. И у тебя вдруг появятся и любители, и хулители, и тролли, и завистники, и сумасшедшие или взбесившиеся тётки. Поэтому как таковая провинциальность не существует. Если только это не какой-то посёлок или кемпинг, в котором почти не ловит интернет. Мы существуем в едином пространстве сейчас.

— Часто говорят, что есть стихи, которые надо читать, и те, которые надо слушать. В интернете же люди в основном выкладывают тексты для чтения. Надо ли им выходить к читателю в офлайн, чтобы стихи ещё и слушали?

— Знаете, разговоры, что надо искать какие-то новые формы, начались не сегодня. Стихи — вещь потаённая, но она, по большому счёту, не требует никаких подпорок. Никакого музыкального ряда, никакого видеоряда. Стихи важны сами по себе, и они живы сами по себе. Если они не живы без простого чтения с листа, значит, всё остальное — ухищрения. Но мы не будем идти против данности. Сейчас никто не чихнёт, если у тебя нет музыки, и просто так никто стихотворение не выложит. Обязательно что-то пиликает на заднем плане или идёт какое-то удивительное видео. Это, по-видимому, реверанс времени. Хотя, смотрите, как интересно. Раньше, когда начал развиваться интернет, всё стали делать с музыкой. А вы обратили внимание, как сейчас создаётся любая новость, которая выкладывается в тех же сетях? Там есть видеоряд, но всегда теперь есть и субтитры. По одной простой причине: есть масса мест, где мы с вами не можем включить звук. Мне кажется, описав круг, мы возвращаемся к изначальной давности. Поэзия возвращается к тому, чем она была. Она была сначала прозвучавшим словом, но потом слово легче стало записывать, потому что чтец может погибнуть, умереть, уйти. А написанный текст останется. Мне кажется, что остальное вне текста — украшение, попытка продвигать продукт на рынке. Но всё отпадёт: шелуха, голос. Нам ведь не так важно, например, каким голосом читала Анна Ахматова. Мы вообще живём в таком ускоряющемся режиме, что носители информации отмирают быстрее, чем мы успеваем не то что состариться, а прожить жизнь с одним человеком. Остаётся, на самом деле, интернет — это главное, но я вас уверяю, что стихи будут слушаться в меньшей степени, чем читаться. Потому что в конечном счёте они опять же уйдут в субтитры. Пусть там кто-то воеет, играет что-то красивое, но всё будет с субтитрами. Вот недавно был всплеск рэп-баттлов. Казалось, волна пошла. Меня неча-

сто зовут на телевизор, а в тот период если звали, то звонили и говорили: «Здрасьте, Дмитрий Борисович...» — и я уже точно знал, какая тема. А где эти баттлы теперь? Эта волна как будто взяла и разбилась о пирс, заняла свою замечательную нишу. Но стихи-то не уйдут. Не нужно пытаться их встроить в какую-то чужую или слишком старую систему. А я в своё время как раз и говорил, что рэп-баттлы тем и хороши, что они возвращают нас к истокам поэзии — звучащему слову. Это и камлание, и молитва, и заговор, и битва, т.е. та самая ругань с помощью стихов. Или вот ещё пример. Знаете, первые поэтические слэмы были в годы моей относительной молодости. Андрей Родионов устроил это, кажется, в 1997 или 1998 году. Слэмы идут до сих пор, но где их победители и проигравшие? Я без злорадства спрашиваю. Новые явления возникают непонятным образом, но мода — самая рассыпающаяся вещь. И всё равно есть зерно какое-то, косточка, которая останется неприкосновенной. И пусть даже у неё будет немного свидетелей.

— *Вы довольно часто читаете сейчас лекцию «Сны, которые нам не снятся». А с чем связан интерес к подобной теме?*

— Это последняя лекция, которую я написал для школы «Хороший текст». Я даже не помню, какая там была тема. Возможно, что это и были сны. А я придумал «Сны, которые нам не снятся». Я сейчас, можно сказать, обкатываю эту лекцию. Я несколько раз её прочёл и всегда что-то меняю. Иногда времени не хватает, потому что я делаю экскурсии куда-то в сторону. А вообще сны — самое интересное, что есть. Сны, которые нам не снятся, интереснее, чем сны, которые нам приснились.

— *В лекции Вы рассказываете, что любой текст можно воспринимать как пародию (в хорошем смысле) на другое произведение, даже если автор об этом не знает. А можно ли тогда воспринимать всю поэзию как пародию на жизнь?*

— Я думаю, что нет. Если только не понимать под пародией преувеличенность. Что такое пародия вообще? Пародия — доведение каких-то кирпичиков пародируемого текста до предела. В этом смысле, наверное,

любая поэзия по своей сути пародийна, ведь она вся избыточна. Так и хочется спросить: что ты так страдаешь, а? Допустим, у меня есть такие строки: «Выйдешь из дома за хлебом, а там — длинноногие дети, и что им за дело до нашей счастливой любви?» Почему тебя вообще интересуют длинноногие дети и их мнение?! Я уж не говорю про любую песню. Они же выходят и чуть ли не плачут на сцене. Алё, ты что так убиваешься? Выпей пустырника. То есть любое искреннее и сильное высказывание про любовь, одиночество, потерю может быть доведено до предела, потому что оно, с точки зрения нашего обыкновенного течения времени, чрезмерно и немного стыдно. Мир сейчас пародийный, но это не отменяет того, что мы живём очень реально. Мы реально по-настоящему плачем. Нам реально страшно, плохо, хорошо, мы реально счастливы. Не пародируема наша с вами любовь. Моя любимая история — я даже писал в колонку — про японское землетрясение, когда почти полностью обвалился маленький городишко. Приехали спасатели, был какой-то завал, и вдруг они поняли, что там кто-то есть. В завал они просунули руку и поняли, что там лежит женщина в странной позе. Они её потрогали и поняли, что она холодная — умерла, а время искать живых. Однако какое-то шестое чувство толкнуло начальника отряда вернуться. Он сказал: «Давайте всё-таки разберём завал». Они разобрали, достали женщину, а она будто накрывала что-то собой. Когда они её развернули, то поняли, что там лежит живой и невредимый младенец, завернутый в какое-то полотенце. А рядом с ним лежал телефон с одним СМС. Оказывается, она сама прислала его на телефон, но адресовано оно было ребёнку: «Если ты выживешь, помни, что я любила тебя». И это просто взрыв, это невозможно пародировать.

— *Расскажите, пожалуйста, о том, как Вы пишете свои колонки и комментарии к новостям. Как у Вас получается сделать так, чтобы колонки не угасали и были индивидуальными?*

— Есть вещи, от которых ты не отказываешься, потому что это глупо. Например, тебе звонит агентство новостей и говорит: «Дмитрий, мы хотим вас спросить».

И что я скажу? «Нет, знаете, у меня ужасно болит голова, я поливаю любимый цветочек и воспитываю свою сумасшедшую собаку!» Это, по меньшей мере, странно, похоже на жеманство. В «Story» просят, например, мои стихи. Я вынужден писать не о своих стихах, но монтирую туда стихотворение. Хотя мои стихи о смерти, о любви, о славе, я всё равно должен как-то добавлять их в конкретную историю. Знаете, я вообще о разнице колонок как-то не задумываюсь. Текст сам ведёт. Ты заготовил что-нибудь, а текст говорит: «Секундочку!» — и начинает виться сам. И его концовка лучше, чем то, что ты мог придумать. Это касается любого текста, который живой и немножко отличается от отрывного календаря. Я в последнее время много ссорился с друзьями, со многими разрывал отношения, но в какие-то моменты, когда я писал колонку, я вдруг очищался. Выговорив какую-то вещь, я вдруг понимал, что мы все — маленькие несчастные обезьянки. И мы становимся людьми только тогда, когда вдруг очищаем себя словом, пусть даже написанным в таком служебном жанре, как колонка.

— *Вам не интересно писать художественную прозу?*

— Я просто не умею. Потому что это совершенно другая история, иной способ держания текста и проживания. Булгаков говорил в «Театральном романе» — его герой, если быть точнее, — что ему пришла в голову пьеса, когда он вдруг увидел маленькую коробку. В ней были маленькие актёры, которые заговорили странными голосами. И он понял, что пьеса началась. Ко мне никогда не приходили эти герои. А я отмечу, что к настоящему писателю — Толстому, ещё кому-то, — к нему приходят герои. Они говорят: «Напиши обо мне». Или ничего не просят, приходят и рассказывают свою историю. Они ко мне не приходят. Ко мне приходили раньше тени и голоса. Но они были другими, поэтическими. Это совершенно разное — мне просто не дано.

— *А стихи Вы перестали писать потому, что голоса ушли?*

— Да. Вы правильно задали вопрос. Один раз меня взбесило, когда я в Лондоне давал интервью, а мне говорят: «Ничего, голоса ещё вернуться». А ещё, как правило,

меня спрашивают: «А почему вы бросили писать стихи?» Я всегда отвечаю: «Бросить стихи писать нельзя. Просто невозможно». А голоса ушли. Я пытался слышать звук — он перестал приходить. Я стал обыкновенным человеком.

— *А когда Вы писали стихи, к Вам приходило звуковое ощущение текста или визуальное?*

— К тебе приходит не звуковое, не визуальное. К тебе приходит гул. Гул и очень сильное волнение, тревога. Почти мучительная. Ты как будто заболеваешь. В этот момент я лежал, как человек, который в депрессии, обхватив живот руками. Как когда тебя ранили в живот и ты зажимаешь его, чтобы кровь идти перестала. Только я, наоборот, сдавливал у себя что-то. Стихи приходили, прежде всего, тревогой и почти психосоматической болью.

— *По какому принципу подбирались тексты в недавнюю Вашу книгу «Небесная лиса»?*

— Там все стихи, которые я написал. У меня их больше нет. На самом деле стихов должно быть не так много, потому что они приходят, когда хотят. Полное собрание сочинений — как отражение всего твоего пути полностью. Это лучшая моя книга. Она очень красиво издана. Я просто издал стихи почти в той последовательности, в которой они были, кроме первых стихов. Немного пережевал. У меня были циклы «Репейник» и «Трамвай», и я в книге чередую стихи из этих циклов. Мне хотелось поиграться, потому что «Репейник» — тяжёлый, тёмный и страшный, а «Трамвай» — пронзительный и ясный. Мне захотелось сделать такую чехарду.

— *Как Вам кажется, литературное образование обязательно для начинающего автора?*

— Как я говорил в своей лекции, важно и нужно читать и искать свою «четвёрку», своего «столпа». Но, понимаете, какая может быть штука: ты нашёл свою компанию, а потом понимаешь, что она тебе не нравится и ты задыхаешься. Ты понимаешь, что никто не растёт. И ваш ментор, которого вы нашли, далеко не Анна Ахматова. Тогда из «четвёрки» надо уходить, предать её. Уходите туда, где есть живая вода. Но постарайтесь по-

рвать так, чтобы вам было куда уходить. Надо, конечно, искать и цепляться. В этом смысле разные семинары, курсы и школы, как полёты над гнездом кукушки, дают тебе возможность что-то нащупать. Кстати, мне совершенно не хочется встречаться со своими учителями, хотя они и современники. Мне никогда не хотелось общаться с Еленой Андреевной Шварц. Никогда. Это известно, я уже несколько раз рассказывал: когда она заболела раком (она знала, что я её очень сильно люблю), кто-то из её окружения написал мне: «Напишите ей. Она вышла из больницы. Она очень хорошо к вам относится». Мне не хотелось, но я понимал, что надо. Я в сумерках встал и написал: «Елена Андреевна, хочу сказать, что вы очень много для меня значите. Если бы вас не было, возможно, не было бы меня». Шварц написала, что ей приятно, но она скоро уйдёт в вечный свет. Я написал только потому, что я понимал, как она ждёт. Однако не приближайся к людям, которых ты любишь. И Гандлевского я очень люблю. Он мне очень много дал, и мы общаемся. Один раз он забыл шапку. Я даже позировал в ней, фотографировался. Потом позвонил и сказал: «Сергей Маркович, у меня ваша шапка». Он говорит: «Давайте, может, вы ко мне зайдёте?» А я говорю: «Ой, нет, я очень занят». Понимаете, у меня совершенно нет потребности близко подходить к поэту, которого я люблю. Я бы не хотел к нему прийти в дом. Если бы мне было 25 лет и я искал свой круг, конечно, это было бы событие, пригласи меня Сергей Маркович. Я бы пошёл. Но он зовёт меня уже сейчас. Я не хочу, потому что я очень его люблю, и мне не надо для этого его осязать.

— *Какие бы три книги Вы могли порекомендовать любому человеку на данный момент?*

— Ричард Докинз, «Бог как иллюзия»; Лев Толстой, «Война и мир»; Людмила Петрушевская, рассказ «Через поля».

— *Это Ваше любимое?*

— Ну, нет. Я мог бы назвать «Вторую книгу» Надежды Мандельштам тогда. Мне кажется, Докинза хорошо почитать, потому что он многое даёт тебе. Можно прибавить к Докинзу ещё Ирвина Ялома, книгу «Вглядываясь

в солнце: жизнь без страха смерти». Я очень чётко понял одну из его глав по поводу страха смерти. Я даже писал об этом колонку. Пока я жив, смерти нет. Когда я умер, меня нет. То есть смерти бояться не надо. У Докинза я вычитал мысль, которая меня тоже потрясла. Он говорит: «А представьте себе огромную шкалу времени, на миллиарды лет гипотетически уходящую вперёд. По ней движется узкий луч. Это и есть наша жизнь. За нами — миллиарды лет темноты, впереди нас — такие же миллиарды. А мы всего лишь секунду существуем». Я, кажется, колонку писал в «Story» про то, как один американский астронавт, поднявшись над Землёй, понял, что наша планета — песчинка в космосе. Мы находимся вообще, как вы знаете, в периферии Млечного пути. Мы — жестокая окраина, провинция, но нам повезло, так как в центре слишком большое движение и притяжение. Там жизнь бы просто не зародилась. И на этой песчинке — на Земле — мы мучаем друг друга, купаемся во лжи, создаём тиранов и поп-звёзд. Так нелепо и смешно. Ничто другое не даёт тебе такого прозрения, успокоения, надежды. Это урок человеколюбия.

Беседовала Екатерина Агеева

Фестиваль, дарящий радость!

Впечатления участников

Я еле уехала, потому что уезжать не хотелось вообще. Спасибо фестивалю за то, что он есть. И пусть он будет.

Он абсолютно волшебный, благодаря людям, которые организуют его, которые участвуют, это в первую очередь. И спасибо всем-всем, кто в нём принял участие. Также моя благодарность месту, где он проходит. И так много хорошего в эти дни совпало в лагере «Жигули», что кажется, что лучше уже не будет. Но с каждым годом становится лучше. Тут вкусно кормят, поют песни, говорят и спорят о литературе и жизни.

Люблю фестиваль имени М. Анищенко. И всей душой хочу, чтобы дальше всё было только лучше!

Валерия Литвиненко (г. Челябинск)

Для меня всё началось с приезда в Самару 3 октября. Меня впечатлил этот большой и красивый город и его талантливые жители! Да и как можно остаться равнодушным рядом с Волгой?

Также меня поразила Самарская областная универсальная научная библиотека. Это крупнейшая в Самарской области библиотека с историей, пожалуй, не менее богатой, чем история самого города и всей губернии. Её галерея «Новое пространство» хорошо подходит для различного рода презентаций. 4 октября там прошло выступление поэта и руководителя одного из семинаров фестиваля Глеба Шульпякова.

5 октября состоялось открытие фестиваля. Перед началом мы посетили отдел редкой книги, в ходе открытия прослушали замечательное выступление группы «Дайте Гремми».

А жизнь в лагере «Жигули» в селе Зольном под Жигулёвском была просто сказочной! График мероприятий был плотный и интересный. Это и семинары, и лекции, и занятия по сценической речи, и посещение горы Стрельной, и чтение стихов Михаила Анищенко и других поэтов Самары. Абсолютно покорили меня представления семинаров на литературном вечере и брейн-ринг!

Иван Краснов (г. Новокузнецк)

Волшебный фестиваль. У меня такое ощущение, что на нём собрались родственные души, все очень разные, со своими характерами, мнениями, судьбами, но объединённые одной общей стезёй. Горько расставаться, но сладко знать, что ты не один. Огромное спасибо организаторам и мастерам фестиваля!

Андрей Орехов (г. Самара)

По-моему, каждый последующий фестиваль лучше предыдущего. Этот мне лично понравился больше всего. Спасибо за невероятно интересных гостей. Организаторы смогли найти действительно замечательных ведущих мастер-классов, которые говорили не о физике твоего творчества, а о сути: корректно, без «вкусовщины» и практически без литинститутского шаблона. Хочется верить, что фестиваль не достиг кульминационной точки. Уровень участников в этом году, по-моему, тоже достаточно высок, следовательно, заставляет находиться в хорошем творческом напряжении.

Ну а природа и возможность увидеться с иногородними друзьями по ремеслу — две незаменимые константы фестиваля имени М.В. Анищенко.

Татьяна Губанова (г. Самара)

Это был мой первый литературный фестиваль, и он превошёл все мои ожидания. Осенняя природа и свежий воздух, продуктивные семинары и культурный отдых, хороший

юмор и стократно повторяющиеся «Тучи»... Спасибо всем организаторам и участникам за волшебные выходные и потрясающую атмосферу. Думаю, наша поездка в «Жигули» — одно из лучших событий осени 2018 года.

Светлана Бубнова (г. Самара)

Всё было здорово. Потрясающие люди, потрясающие руководители групп, потрясающая организация фестиваля и, конечно, самая вкусная еда. Большое спасибо всем, кто сделал эти фестивальные выходные. Они запомнятся на всю жизнь.

Саша Расков (г. Тольятти)

Несколько незабываемых дней в живописном месте на берегу Волги, тёплая творческая атмосфера, лекции о писательстве, интересные, полезные разборы произведений с опытными, известными литераторами, знакомства с единомышленниками, молодыми талантами со всей страны и даже сопредельных стран, увлекательные выезды на природу и конечно же сама очаровательная осенняя природа, способная вдохновить на будущие свершения! Спасибо тебе за такую уникальную возможность приобщения, Всероссийский литературный молодёжный фестиваль имени поэта М. Анищенко в Самаре! Долгих лет творческой жизни! Быть может, ещё встретимся?

Андрей Шурыгин (г. Йошкар-Ола)

Фестиваль течёт как река. Развиваясь, растекаясь и заполняя собой. Творчество Михаила Анищенко пронизано насквозь темой реки. А я... Ну а что я. Я смотрю на Волгу, и она течёт. Хорошо это? Плохо ли? Река не даёт ответов. Ей некогда. Она течёт.

Открытие фестиваля прошло мягко и стихийно. Молодые поэты прибывали и прибывали. Гардероб наполнялся сумками, а галерея «Новое пространство» — поэзией и культурой. Ведущие пахли бодростью и оптимизмом, внушая доверие.

На мастер-классе было страшно. От груза ответственности перед авторами. Тексты были многогранны и прекрасны. Сейчас, когда я в безопасности, могу признаться вам в этом, друзья.

Трудно оценивать мастер-классы прозы или поэзии. Как минимум два, а то и три человека прочитали твои «произведения». Это уже дорого стоит. Можно по-разному относиться к мастерам, но они прожили, и они знают. Принимайте или нет. Вам решать. Главное — слушайте.

Алексей Коновалов (г. Самара)

Пожалуй, лучший фестиваль в мире! Это я серьёзно, атмосфера тут уникальная, о чём многие не раз говорили. В этом году особая благодарность за подбор ведущих семинаров и приглашённых гостей! Открытие было динамичным, это тоже определённо плюс. Остальное, как и в прошлые

годы, осталось прекрасным: берег Волги, наша любимая столовая, самые душевные посиделки, понимающие организаторы.

Марианна Плотникова (г. Уфа)

На фестиваль им. М. Анищенко хочется возвращаться из года в год. Участвовала в нём четвёртый раз подряд и не пожалела. Шикарное место проведения, светлые осенние леса, волшебные аллеи, такая разная, но прекрасная Волга (на Урале, конечно, тоже красивая природа, но такой золотой осени нет). Насыщенные фестивальные дни, наполненные общением с интересными людьми. Рада была увидеть и тех, кого уже давно знаю, и новых участников.

Из нововведений в этом году понравился мастер-класс по сценической речи, полезная вещь, и то, что появился также формат лекций. Спасибо, было здорово!

Любовь Войнакова (г. Каменск-Уральский)

Сколько не пиши о фестивале, всё равно будет недостаточно. Потому что фестиваль имени Анищенко прекрасен всем. И организаторы, и мастера, и гости, и сами участники — все чудесные и замечательные. У меня столько впечатлений в душе и в голове, что я пока не справляюсь с их координацией. Сплошной восторженный хаос. Спасибо всем. С любовью и большим сердечным приветом из Минска!

Анна Зенькова (г. Минск)

Фестиваль имени Михаила Анищенко в 2016-м очень сильно изменил мою жизнь. Звучит, конечно, пафосно, но так всё и было. Всё пошло по какому-то совершенно иному — правильному — сценарию. С правильными событиями, людьми, решениями.

В этот раз я летела в Самару в первую очередь с благодарностью. И ещё с желанием убедиться, что всё было (и есть, и будет) не зря. Убедилась. Уверена, что и фестиваль—2018 станет началом чего-то нового и хорошего в жизни. Любая встреча, любой человек влияет, меняет, а когда встреч много и людей много — эффект усиливается многократно.

Спасибо вам за эти замечательные дни. Спасибо за замечательную организацию. Спасибо за душевность, теплоту, за

атмосферу. Спасибо Волге за то, что она такая прекрасная и сильная. И осени спасибо — за её красоту и чистоту.

Самара — единственный город в России (из тех, где я была, разумеется), где я чувствую себя как дома. Даже, может, более «дома», чем в Иркутске. А домой всегда хочется возвращаться. Так что очень постараюсь прилететь ещё. И ещё!

Анна Масленникова (г. Иркутск)

Я бесконечно довольна мастерами на фестивале в этом году! Ну, наконец наш родной проект загремел и зазвучал среди творящих литературу мастеров не только в регионе, но и за его пределами. Спасибо за прекрасный мастер-класс по сценической речи, за вкусную еду и обилие воды. И спасибо всем гостям, которые разрешили взять у них интервью. Самое главное — уровень текстов участников растёт не по дням, а по часам.

Екатерина Агеева (Самара-Москва)

По-моему, классный получился фестиваль. Порадовал многоголосьем. Как всегда, немножко не хватило времени — на всё! Надеюсь, с большинством участников и мастеров не в последний раз встречаемся.

**Дмитрий Коржов (г. Мурманск,
ведущий семинара поэзии)**

Выражаю огромную благодарность организаторам за приглашение на фестиваль! Участвовал в первом фестивале имени Михаила Анищенко и хочу сказать, что за пять лет фестиваль вырос, окреп, появились свои традиции, фестивальные легенды, сформировался костяк людей, которые приезжают регулярно. А это и есть показатель качества, профессионализма и харизмы принимающей стороны, правильного подхода к организации. И самое главное, это показатель того, что фестиваль растёт и развивается в правильном направлении, у него отличное настоящее и большое будущее. Место проведение фестиваля — Самарская Лука — является настоящим местом русской силы. Жигулёвские горы, Волга — это то, что, помимо интересных семинаров, содержательных лекций и насыщенного неформального общения, вдохновляет молодых писателей и поэтов. Желаю фестивалю новых открытий. Пусть имя Михаила Анищенко остаётся магнитом, который каждый год приводит молодые таланты на Самарскую Луку.

**Александр Дашко (г. Ульяновск,
гость фестиваля, руководитель Ульяновского отделения
Совета молодых литераторов Союза писателей России)**

Мне фестиваль в этом году помог не только увидеть интересное в новых людях, но и рассмотреть удивительное в старых знакомых. По-моему, на порядок выросло всё: и уровень участников, и ценность замечаний от ведущих мастер-классов, и организаторский подход.

Михаил Макрушин (Самара-Москва)

Я считаю, фестиваль удался! Участники оказались талантливыми. Участницы — красивыми. Мастера — умными. Организаторы — умными и красивыми. Времяпрепровождение — интересным. Природа — прекрасной. Все слагаемые успеха выполнены, что ещё можно желать?

Илья Крючков (г. Самара)

Фестиваль, несомненно, стал интереснее и представительнее, не растеряв лучшего из опыта прошлых лет. Появилось и новое. Форма публичных лекций показалась очень многообещающим начинанием. Мастер-класс по по-

становке голоса оставил неизгладимое впечатление. Вообще, концентрация творческих людей и событий на квадратный километр осенней природы просто зашкаливала, хотелось посетить и другие семинары, прочувствовать их атмосферу, высказаться и там.

Вспоминаются очень доброжелательные разборы высокопрофессиональных мастеров, их рекомендации, глубокие и порой афористичные мнения, разные, но неизменно интересные. Необычные и талантливые участники семинаров не оставили меня равнодушным. В многосторонности точек зрения рельефно высвечивались особенности поэтики авторов; художественные миры, близкие и чуждые галактики, по очереди представляли перед нами совершенно естественно, встречая участие и поддержку.

Я очень благодарен всем, кого узнал, увидел и услышал на фестивале, а в особенности руководителям фестиваля, благодаря которым я получил возможность стать частью такого значительного и яркого события литературной жизни нашей страны.

Дмитрий Вилков (г. Нижний Новгород)

МОЛОДЁЖНАЯ ВОЛНА

Литературно-публицистический журнал
Двадцатый выпуск

*Издание осуществлено
при финансовой поддержке*

*Министерства культуры Самарской области
и Самарской областной писательской организации*

Адрес редакции:

443001, г. Самара, ул. Самарская, 179, тел.: 333-48-01.
E-mail: litsamara@yandex.ru

Подписано в печать 15.11.2018.

Формат издания 84x108/32.

Объём 16 печ.л. Бумага офсетная.

Тираж 600 экз.

Отпечатано в типографии
ООО «Слово»

443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1;

тел.: (846) 267-36-82

e-mail: izdatkniga@yandex.ru.